

№ 8

2009

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

А. Пройдаков. Целитель. Повесть. Часть 3. Огненный шар 3

Поэзия

И. Брейдо. «Благодарить судьбу за милость...». Стихи 30

С. Шевченко. «В терпкий бег отпущены поводья...». Стихи 52

Публицистика

М. Гольдберг. Всё в тебе и с тобой 38

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 58

© «Нива», 2009, Астана

К 65-летию Великой Победы	
Р. Рябцовская. Через все испытания	78

Культура. Общество. Личность	
В. Коноплёв. «О, сколько нам открытий чудных...» (окончание)	96

Времён связующая нить	
В. Владимиров. Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы. Исторические параллели. Из цикла «На плахе XX века» (продолжение)	111

Критика и литературоведение	
И. Невзорова. «Незримой тайны суть»	145

Альманах «Тобол» — в «Ниве»	
Г. Евсеева. Новое — это хорошо... ..	151
В. Потанин. Сохранится ли русское слово?	152
Б. Рыжий. «Мальчишкой в серой кепочке остаться...». <i>Стихи</i>	157
В. Портнягин. Опубликовано после смерти	160
В. Веселов. При дороге. <i>Рассказ</i>	162
М. Танаева. «Рассыпался по переулкам дождь...». <i>Стихи</i>	178
В. Брозинский. Обыкновенная история. <i>Рассказ</i>	181
С. Бойцов. «Торжественный сияет небосвод...». <i>Стихи</i>	184
В. Носков. Обитель Далмата	186

В семейном кругу	
Т. Маликов. Лавина; Слово и истина; Прогноз; Падение	188

Изоальбом «Нивы»: из работ Германа Травникова.

Алексей ПРОЙДАКОВ

Целитель

Повесть

Часть 3.

ОГНЕННЫЙ ШАР

Поймей же, о Господи, жалость ко мне, ибо моё одиночество меня угнетает. Я не жду ничего. В этой комнате, где нахожусь я, не чьего-то присутствия жажду, потому что бываю ещё больше потерян, когда окунаюсь в толпу...

Господи, я тоже не прошу у тебя ничего, что было бы можно увидеть или услышать. Твои чудеса — не для наших пяти чувств. Но чтобы меня исцелить, тебе достаточно только просветить мне рассудок в отношении моего жилища.

А. де Сент-Экзюпери.

“Цитадель” (Молитва одиночества)

Вступление 7

Как бы то ни было, но вся наша изошрённая фантастика — уникальные книги, сносшибательные постановки, исследования и опыты, эксперименты и попытки создания — всё утыкается в земную атмосферу, теряет смысл и значение, как только заходит речь о других мирах и измерениях.

Мы физически прикованы к Земле, мы мыслим земными законами и исключительно всё пытаемся измерять земными мерками. Именно из-за этого все наши попытки понять что-либо глубоко, становятся хилыми и заранее обречёнными на провал.

Более того, не поняв Земли, толком не исследовав её глубины и высоты; не изучив самого себя — человека, мы скользким угрём пытаемся забраться в Космос. Нам трудно понять, что Земля — лишь его маленькая часть, и процессы, происходящие на ней, лишь зеркальное отражение того, что может происходить в далёком-далеке, за миллионами световых лет.

Некоторым из нас — время от времени, словно насмехаясь над нашими потугами, — что-то показывают в виде снов, моделируя день вчерашний или завтрашний, убеждая, что сверхъестественного нет, — всё легко объяснимо.

Но нас не хватает даже на расшифровку подкинутой информации.

И тогда мы кидаемся к оракулам и прорицателям, начинаем верить в различную чепуху, тратим деньги и — по-прежнему остаёмся невеждами.

Сны — уникальный, дарованный нам способ восприятия действительности, подсказка, милостыня свыше. Наверняка когда-то человек мог запоминать их полностью. Но, убедившись в том, что мы не способны использовать их значение себе во благо, запоминание у нас забрали, оставив обрывки... Сон заканчивается и выветривается из сознания с размыканием глаз.

Но избранным иногда снятся пророческие сны, остающиеся в памяти, и это происходит, когда заходит речь о самом ценном в человеке — душе.

О, это великое слово! Чего только на него не нагромоздили, какими только эпитетами не наградили; сколько на нём заработали!..

Но часть правды в потоке информационной лжи заключается в том, что уже нельзя рассматривать человека как простой анатомический атлас: кожа, кости, кровь. Душа... вот главное в нас, и за это идёт Великая Борьба на всех уровнях.

И человек в ней должен определиться и стать на какую-то сторону, ибо по своему назначению он — непонятен, он не может быть твёрдо определён — по рождению — к Свету. Он колеблется изначально. А час выбора приближается неизменно. Ты должен дать ответы на вопросы: с кем я? Во имя чего я здесь? И каково дальнейшее?..

И тогда начинают приходиться неясные видения, состоящие из множества картинок, каждая из которых — составная часть мозаики, но всякая мозаика покрыта пятнами крови.

А вы как полагали? Борьбы без потерь не бывает, она корёжит, ломает, видоизменяет. Но человек в этой схватке, продолжающейся долгие годы, обязан остаться человеком, несмотря на то, что она растягивается на долгие десятилетия и идёт каждую минуту, каждый день с утра и до вечера. Каковым могут сделать человека вечный бой, вечное напряжение, вечные лишения? Ответу: ещё бóльшим ходатаем, жальником и рататем за род человеческий. Быть может, в этом и заключается основное значение и основной смысл всего человеческого рода.

Мы, пока живущие на Земле, должны помнить об этом и передавать своим детям, потому что те, кто сдержал лукавого, уже ничего не расскажут.. Мы имеем слишком мало свидетельств побед Духа над материей. Но торжествующая материя в очередной раз проповедовала о своих буйных подвигах на целый мир, подробно описывала их в газетах и книгах, организовывала телевизионные трансляции.

Большие города под властью Дьявола. Мы теряем их каждую ночь и возвращаем каждый день. А незримый кто-то загадочно нашёптывает: “Да полноте, господа! Кого оберегать? И защищать кого? Да загляните вы в любую человеческую душу и неизменно ужаснётесь: столько в ней грязи, недоброжелательства, похоти и одно — неизбежное желание: осуществить всё это; жить среди этого; этим наслаждаться. В массе своей человечество погибло!”.

И он невидим — тот, кто шепчет.

И не знает никто, как он выглядит..

Но далеко от больших городов, таящих в себе великие соблазны, ушли люди, облечённые Знанием пути своего.

На самом краю света, где-нибудь в лесах, пустыни, в полной оторванности от цивилизации, — их борьба со злом приобретает иной характер.

Постоянный внутренний психологический самоконтроль, опыт молчания, а в случае отшельничества — полного отсутствия человеческого общения, воздержания, постоянных молитв, — всё это помогало не просто понять, что такое зло, но и принуждало его открыться. Разоблачённое подвижниками, лишённое способности приобретать любой лик обыденности, знакомой человеку, оно наглядно демонстрировало свою чудовищную, безобразную природу.

Потрясающими были откровения пустынников о тех испытаниях, которые им пришлось претерпеть от нечистого! Они-то и легли в основу первых источников для будущей иконографии Дьявола.

Евангелие Раббулы, датированное 586 годом, содержит одно из первых самых ранних его христианских изображений.

Он перестал быть невидим!

Но — он продолжал быть невидим, ибо в его арсенале — миллионы обличий.

И стала суть борьбы заключаться в том, что боремся-то мы с ним, а воюем с теми, кто порой даже не представляет, кому служит.

И это правда. Слишком много незаслуженного внимания уделяем символам, знакам, звучанию и внешнему лоску. А надо всего лишь глядеть вперёд, чтобы даже за оконными стёклами видеть весь Мировой Свет; надо всего лишь — оставаться людьми.

Воистину, возможности человеческого разума и тела безграничны, ведь планировали-то нас существами совершенными, хоть и не определившись. В силу дьявольских соблазнов, мы банальны и обыкновенны, мы слабы и бездуховны, глупы и лживы.

И всякое время, на которое мы неизменно сердимся и которое клянём, является лишь продуктом нашей деятельности.

И не сегодня мы стали такими: таков человек издревле. И даже к нам — таким — Создатель присылал пророков со специальной миссией: рассказать о днях грядущих, дабы предостеречь от ошибок. Но предостеречь нас от чего-то — задача неблагодарная и непростая. Мы слишком нахальны, мы своих пророков распинаем на крестах; мы слишком самонадеянны и уверены в том, что Земля — уникал, а мы — исключительные творения природы.

А может быть, эта псевдоуверенность — лишь защитная реакция от знания, или подзнания, или предположения, что живём мы под пристальным взглядом. Что всё контролируется. Что лучших из лучших забирают Туда не по их желанию, а по уровню достигнутого ими совершенства. Ибо быть совершенным на грешной земле — преступный умысел.

А неплохо бы научиться жить так, что всегда перед кем-то в ответе; уяснить, что тайных дел и тайных слов не существует вовсе; что надо быть трудолюбивым и честным; что... просто надо жить по Заповедям Создателя и — всем воздастся по их заслугам...

Совсем неплохо бы...

Глава 1. “Знание пути своего”

*Однажды необходимо, наконец, понять,
частью какого космоса ты являешься,
от какого Владыки космоса берёт начало твоё
существование, и что ты ограничен во времени,
и что, если ты не используешь его, чтобы очистить
свой разум от тумана, оно пройдёт, и тебя больше
не будет, и оно больше никогда не вернётся.*

Марк Аврелий. “Размышления”

... Несколько часов дороги мне вполне хватило, чтобы отдышаться и привести в порядок мысли.

Стучали колёса, убаюкивающе покачивало вагон, и оттого всё становилось упокоительным, располагающим к расслаблению.

Что бы я ни делал: пил чай, беседовал с попутчиками, выходил курить в тамбур — совершалось с каким-то мне ещё совсем не понятным удовольствием и облегчением.

Итак, я смог уехать из города, сплошь заполненного негативом, порочностью и злом.

Победить или свести на ничью — человеку, в душе которого ещё царили разброд и неразбериха; человеку, который сделал только первые шаги на пути выхода из заколдованного круга; одинокому человеку, который сам ещё подвержен различным слабостям, — было просто невозможно.

Но и проигравшимся в пух и прах себя не чувствовал.

Меня выпустили... И это означало лишь одно: я перестал быть обычным болванчиком.

Привокзальная площадь Астаны встретила суетой, привычной для неё в любое время суток.

— Квартира, квартира! С квитанцией...

— Такси, берём такси по городу...

Толпились люди. О чём-то беседовали, кричали, спорили, улаживали дела.

Со стороны автовокзала доносился частый голос объявляющего рейсы.

И вдруг отчётливо прозвучало:

— Автобус сообщением Астана — Акколь отходит от пятой платформы.

Акколь! Моя милая, старая Алексеевка!

Сердце защемило: родина, родина...

Там возле опушки леса моего детства — Малого Карагача — могила отца. Ветром бы туда долететь, снежинкой домчаться... Поклониться. Пожаловаться. Посетовать. Попросить поддержки. Отец, отец, ты всегда поддерживал нас в жизни, как бы туго нам ни приходилось. И даже иногда не словом, а жестом, взглядом, кивком понимания. И как на нас действовало! Вдохновляло как. Поддерживало. И спасибо тебе, что и после своего ухода в мир иной ты так же не оставляешь нас...

За последние двадцать с лишним лет я ещё никогда не был так близок к моему посёлку: мыслями и сердцем.

Теперь буду рядом.

Теперь стану чаще бывать у отца.

Вдохновлённый такими мыслями, я шёл не глядя вперёд, и вдруг почувствовал, что в кого-то уткнулся. Передо мной стоял угрюмого вида большой человек.

— Извините, — сказал я и хотел пойти дальше.

— Нет, это вы извините. Вы из Экибастуза? — неожиданно мягко спросил он и улыбнулся. — Алексей?

— Верно. Чем обязан?

— Да вы не волнуйтесь, — пробасил второй — меньше и тоньше. — Ваш друг — отец Юрий попросил встретить вас и срочно препроводить прямо к нему.

— К сожалению, не могу, меня ждут...

— Отец Юрий очень просил и сказал, что много времени у вас не займёт, — опять мягко, извиняясь, сказал первый. — Да и эта машина в вашем полном распоряжении.

Он указал на чёрный “Мерседес”, припаркованный у продовольственных киосков.

— Хорошо, едем, — решился я.

Зная жёсткий характер Новосёлова, я предположил, что у него могло произойти нечто невероятное, иначе он не стал бы меня тревожить в день приезда.

— Только потом отвезёте...

— Конечно, как скажете.

Но всё равно странно это, я припомнил, что не говорил Новосёлову о своём приезде; да и вообще кроме родных никто ничего не знал.

Ай да Юра!

Он всегда был оригинальным.

Через полчаса машина остановилась в небольшом переулке, состоящем из частных домов старой постройки.

Синие обшарпанные ворота гостеприимно распахнулись, и мы въехали во двор.

Вид дома меня неприятно поразил: давно не белёный, местами обнажился саман.

Двор тоже оставлял желать лучшего. Он был более нежилым, чем подходил на пристанище — хоть и временное, одного из пасторов протестантской церкви.

— Вещи можете не брать, — предупредили меня. — Эта же машина вас увезёт.

Я прошёл через полутёмную веранду внутрь дома, минуя несколько дверей, причём у каждой дежурил человек — больше похожий на разбойника, чем на церковного служку.

“Его преподобие чего-то опасается? — подумалось мне. — Так и есть, что-то произошло”.

Но в то же время приятно изумлялся тому, что внешний вид дома совершенно не соответствовал внутреннему убранству: двери из какого-то невиданного — красного — дерева, инкрустированные золотом; а небольшие помещения напоминали альковные покои во дворцах: раритетная мебель, подсвечники, люстры и очень дорогие шторы.

Наконец оказался в светлой просторной комнате, которая, скорее всего, была и гостиной и рабочим кабинетом, судя по книжным стенкам до потолка, массивному столу со стульями и необходимой оргтехнике.

“Ничего себе живут бедные церковники”!

Открылась дверь, вошёл человек с подносом. Молча поставил на журнальный столик, налил сок и так же молча вышел.

Я взял бокал. “Надо же, Юра даже знает, что я предпочитаю томатный”...

Прошло пятнадцать томительных минут. Новосёлов не появлялся, и я стал испытывать первые признаки тревоги: какой, зачем — не знаю, но ощущение беспокойства стало явным.

— Слушай, преподобие, — сказал я нарочно громко. — Может быть, ты какой сюрприз готовишь? Так лучше не надо. Просто появись и всё.

За спиной немедленно раздались осторожные шаркающие шаги.

Но ведь с той стороны нет никаких дверей!

Я напрягся, ожидая удара (привычка) и резко — волчком — развернулся, одновременно меняя положение в пространстве и готовясь к отпору.

... Я его ни разу не видел, но слышал о нём постоянно: всесильный, авторитетный, неподражаемый, хитрый...какой ещё?

Несомненно, передо мной стоял великий Макенкули!

Выглядел он вполне современным респектабельным человеком. В руках янтарные чётки.

— Браво!.. Признаться, я подумывал, что все ваши навыки ушли вместе со стёртой памятью. Оказывается, что-то осталось на уровне инстинкта, — сказал он бархатным голосом. — Здесь это не понадобится. Прошу садиться...Надеюсь, вы не очень удивлены? Это просто — моя прихоть. Захотелось увидеть человека, который за рекордно короткий срок вместо полной деградации и последующей смерти от пьянства вдруг оживает. И не просто... Вначале совершает нечто из рук вон выходящее, пытаюсь воспротивиться нашей воле наказать подлую воровку и шарлатанку...Прошу вас, сидите, — не меняя голоса, сделал он мне замечание. — И учтите раз и навсегда: я никогда не лгу, даже ради собственной выгоды, даже дела для... У вас самого будет достаточно времени для оценки ситуации и получения необходимых доказательств. Однако, что это я?

Макенкули, отложив чётки, дважды хлопнул в ладоши.

Слуги вкатили в комнату столик, на котором располагались всевозможные закуски. Нижняя полочка была уставлена бутылками различных мастей и калибров.

— Поешьте немного, выпейте и расслабьтесь. Это будет всего лишь беседа заочных знакомых, которые впервые встретились, но знают друг о друге достаточно, чтобы изрядно надоест в первые же полчаса.

— Благодарю за угощение, но...

— Хорошо, не пейте, — легко согласился он. — Просто перекусите и послушайте старика.

Последние слова меня, признаюсь, удивили: Макенкули выглядел гораздо моложе меня.

— Сколько же вам лет, уважаемый?

— Об этом чуть позже, а пока — я продолжу... Итак, дорогой друг-противник, кто же вы? Госпожа Остин задавала подобный вопрос и не смогла на него ответить. Помните?

Прикрыв глаза и слегка откинув голову назад, Макенкули процитировал:

— Неожиданно вы оказываетесь там, где быть вам не надлежит. Делаете то, что простым смертным неподвластно. А потом, плюс ко всему, вас защищают силы — равные нам. Формально вы уничтожены, но фактически — послали всех нас к чёрту... Именно так. Да.

— Ваша осведомлённость поражает, — осторожно заметил я.

— Я аккуратно получаю отчёты всех своих резидентов, поэтому знаю ситуацию в интересующих меня странах почти изнутри. Также видеоматериалы в режиме “он лайн”, если необходимо.

— Чем же вас, человека всесильного и очень занятого, мог заинтересовать заурядный журналист?

— Вы не зауряден, — лучезарно улыбнулся Макенкули. — Но с самооценкой у вас явные нелады.

— Оценивая себя, всегда лучше быть скромнее, пусть другие судят объективно.

— Когда мне доложили, что после удара по сознанию, называемому “Луч Света”, вы смогли быстро оклематься, вернуться и найти тело... Андрея, я не мог поверить. После подобного удара — обеспечена неделя постельного режима, с последующим переходом к частичной потери памяти. Для любого обычного — заурядного — человека.

Слушая Макенкули, я вновь вспомнил ту ночь в городском парке, но картины сражения и гибели Андрея не мог воспроизвести.

— Вы всё вспомните, — подсказал хозяин. — Немного времени на восстановление памяти... Всё-таки Луч Света!

— Вы читаете мысли?

— Господи! Как вы ещё наивны... в наших делах!

— Тогда скажите, чего мне сейчас хочется более всего?

Макенкули жестом фокусника извлёк из недр кресла хрустальную пепельницу.

— Курите, я разрешаю.

— Благодарю вас.

Я вновь изумился: “Надо быть осторожней в своих мыслях”.

— Именно! — подтвердил он. — Ибо мысль материальна, это ведает каждый дошкольник. Но она также имеет обыкновение отражаться в глазах — символами. Надо уметь их вычитывать.

— Прошу вас, не делайте этого. Я не привык к осторожности — даже в мыслях.

— Договорились! Далее. Я прошёлся по вашей биографии и выяснил факт, который здесь никому не известен. В начале девяноста третьего года вы обратились в одну из клиник Москвы с просьбой выборочного стирания памяти. Достаточно дорогостоящая процедура, но вы на неё пошли сознательно. Почему?

— Потому что при дальнейшей жизни с некоторыми эпизодами в сознании я рисковал умереть, либо — что гораздо хуже — сойти с ума. Кто-то с ними живёт, я не смог.

— Понимаю, — согласно кивнул он. — Воспоминания о войне — путь к мучительной агонии.

Но вместе с большими картинами вы почти удалили и боевые навыки: умение драться, стрелять, уходить от преследований, маскироваться..

— В мирной жизни они мне были ни к чему, — буркнул я. — Даже в наступившие “бандитские” времена. Я ведь не рвался в какие-то бизнесмены... Да если бы и рвался. Бандюки меня обходили стороной.

— Как знать, как знать, — ответил Макенкули. — Вам, конечно, виднее. Он поднялся, перебирая чётки, прошёлся по зале.

— Понимаете в чём дело, файл ваших воспоминаний был сохранён, и я с ним ознакомился.

— Вот как? Нашли что-то интересное?

— Там, на Днестре, весной и летом девяноста второго был отдан категорический приказ вас уничтожить. За вами охотились все снайперы с

той стороны. А попали в вас случайно из “Стечкина”. Пуля прошла, чиркнув по сердцу, и вылетела из-под лопатки. При таком состоянии вы переправили через реку полумёртвого друга Владимира, сдали его в медсанчасть, выпили литр вина, и только после этого лишились сознания. Вас внесли в список погибших и посмертно представили к высшему ордену.

— Уважаемый Макенкули, — я поклонился в его сторону. — Я могу всё это слушать лишь как посторонний — рассказ о ком-то. Во мне ничего из прошлого больше не живёт. Просто не пойму, к чему вы клоните?

— Сейчас поймёте. Вы были обычным замкомвзвода разведки, по званию старший лейтенант. Вас не удивляет сам факт охоты на вас?

— Да за нами всеми периодически охотились, так же как и мы...

— Но это была почти домашняя война, там не было массовых убийств и зверств.

— Но платили за каждого убитого солдата, тем более — офицера.

— Понимаете, — как можно мягче сказал Макенкули, — приказ о вашем физическом устранении в девяносто втором году был отдан из нашего ведомства.

Я мгновенно взмок. Хотя. Казалось бы, какая разница. По чьему приказу тебя старались ликвидировать.

— Вы хотите сказать, что я мешал Лиге Магов уже тогда?

— А сообщение о вашей гибели и ваше эффективное лечение организовали Координаторы Света. Кстати, один из них — ваш старый друг, не буду называть его имени.

Изучающе сощурившись, он констатировал:

— Да, вы причастны к нашим делам с момента вашего поступления на учёбу в Москву. Но ваше самое уязвимое место — незнание пути своего. Я постараюсь помочь...

— Вы, Макенкули, опять целитесь в меня с той стороны. Какой вам смысл? Помогаю мне, помогаете своим недругам.

— Сейчас довольно непросто понять, где друг, а где враг.. Например. По-вашему, что такое Общество Целителей? Чтоб вы знали, оно — даже не другая сторона монеты, а та же самая. Общество тоже входит в анклав “Обратная сторона Земли”. Ваше назначение — это Поток Света. Там вам уже уготована участь Координатора, потом Легата. Вам просто предстоит многое вспомнить и кое-чему обучиться, только и всего. Потому на вас и охотились в Приднестровье, потому старались сбить с толку в горняцком городке... Об этом особо. Была предпринята конкретная попытка, вы проходили по программе “Душевная Радость”. Хорошенько запомните это чудное словосочетание. Узнаете позже, или основательно вспомните... Спас вас только Андрей. Каков, а? Легко положить пятерых из Чёрной Сотни! Дети Света — это элитная форма боевой организации. Кстати говоря, такая же, как Чёрная Сотня. Люди в ней работают поколениями. У них — уже генетические — навыки, и обучены они такому, что любой спецназ — жалкая шпана. Стали бы они сознательно жертвовать одним из своих, чтобы спасти обычного человека?..

— Конечно, нет, — ответил я грустно, вновь вспомнив Андрея.

— Да не грустите вы так, — подбодрил меня Макенкули. — Вы с ним ещё встретитесь.

— Да, — эхом отозвался я, — ведь впереди у нас — Вечность. Скажите, уважаемый Макенкули, — продолжил немного погодя, — все эти титулы,

как я понимаю, координатор, легат... Для меня они всего лишь слова. Что за ними кроется?

— Это наименования высших должностей Потока Света. Выше Лега-та, например, только Тот, Которого Вслух Не Произносят...

— Вы так хорошо знаете всю их структуру и, я подозреваю, вообще всё остальное?

— Также как и они знают наше... Секретов не осталось. Что ж вы хотите, мир-то ныне каков?

— И что теперь прикажете делать мне, зная всё это?

— Одна из ваших основных нынешних задач — по капле выдавливать из себя раба обстоятельств...

До меня доходило с трудом. Слухом я, конечно, воспринимал чётко, память фиксировала слова, но душа оставалась посторонней. Всё проходило мимо неё, не затрагивая. Слишком фантастично.

— Уважаемый Макенкули, — сказал я искренне. — Всё это время я почитал вас за главного злодея, но теперь вы мне кажетесь вполне приличным человеком. Я благодарен вам.

Он поклонился в ответ и продолжил:

— В Астане ваша главная задача — остаться в живых, несмотря на то, что находитесь вы под постоянной защитой, убрать вас будут стараться... многие. Им не нужен ещё один Координатор. Ибо, когда им станете, вы будете недосыгаемы. Координаторы — вне материи.

— А вы?

— А я к ней просто приспособился. Взгляните.

Он, всё ещё в сидячем положении, чуть приподнялся над креслом, словно дуновением ветра вознёсся выше. Выпрямился в рост, принял вертикальное положение и закружил под потолком: вначале медленно, потом быстрее...

Приземляясь, мягко коснулся туфлями ковра и вновь оказался в кресле.

— Впечатляет?

— Подобного видеть ещё не приходилось.

— Неправда, — ответил Макенкули, — вы всё это уже видели, и не однажды. Но это было в прошлых жизнях.

— Скажите, вам это к чему? — спросил я, чувствуя, что подхожу к основному предмету разговора.

— Всё идёт не так, — небрежно ответил он. — И скоро всё будет закончено. И со мной, в том числе. В своей многолетней нынешней биографии доводилось всякое претерпевать. Но то, что вижу теперь, мне очень не нравится. Устал я от тупости и подлости людской. И не только людской. А вы мне просто симпатичны и живо напомнили меня — молодого, начинающего мага, восторженного и глупого... Ваши всё знают, — добавил он, подводя черту. — Видеть их сможете, но не будете знать, кто они на самом деле.

Меня настигало сонное состояние.

— Пока забудьте всё, о чём мы с вами говорили, — голос Макенкули доносился издали. — Память вернётся в нужный момент. Прощайте.

Он коснулся своей тёплой влажной рукой моей головы.

Сопровождающим сказал:

— Отвезите на вокзал и оставьте там же, в том же положении, в котором встретили.

... Привокзальная площадь Астаны встретила суетой, привычной для неё в любое время суток.

— Квартира, квартира! С квитанцией...

— Такси, берём такси по городу...

Толпились люди. О чём-то беседовали, кричали, спорили, улаживали дела.

... Макенкули? Надо же!.. Привидится такое в поезде...

Столица меня поразила не то что новизной, но какой-то странной сосредоточенностью жизни. Люди спешили, толкались, у всех был озабоченный вид. Одевались гораздо лучше, чем у нас, и выглядели опрятнее. Больше встречалось интеллигентов.

Мне Целиноград всегда нравился. Здесь прошло два года юности. Всего два года, а как за них цепляется память.

“Двадцать третий” автобус вёз меня на квартиру к маме, а я оглядывался по сторонам, радостно узнавая: в этом доме пили кофе у куратора группы — Юры Гилёва, вместе с Вадимом Штейном; сюда я приходил в гости к доброму другу Толику Колычеву; здесь... Здесь? Да, но тогда это был добрый провинциальный город. Но уже тогда он был столицей — столицей Целины.

Восходит солнце и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. (Эклезиаст, гл.1).

В душе царили уют и спокойствие.

Изумляло одно: поезд прибыл почти с двухчасовым опозданием...

Я отдыхал от надоевшего мне, опостылевшего горняцкого городка. И не потому что он был плох, многое там пришлось перечувствовать и пережить, узнать и увидеть, обрести опыт.

Теперь казалось, всё позади, ни о чём не хотелось помнить. Впитываешь ты в себя, вместе с этой дымкой над посеревшими снежными перемётами, гулом проезжающих машин, из-под колёс которых вырываются морозные выхлопы, — дыхание новой жизни, совсем не похожей на ту, которая была ещё вчера.

Большую часть дня я потратил на прогулку по городу. Прежний Целиноград теперь лишь его небольшая часть, точнее говоря, “правый берег”. На “левом” расположился современный недавно отстроенный город.

Гордо взмётнутый вверх Байтерек был красив, но, на мой взгляд, слишком массивен.

Возвращаясь на квартиру мамы, заехал к младшей сестре. Марина жила в элитном доме, замужем за богатым человеком, у неё было два сына и дом — полная чаша.

Я гордился сестрой, которая образ жизни богатой леди начисто отвергала, она постоянно чему-то училась: языкам, вождению; много читала, путешествовала.

На период жизни в Астане Марина сделалась настоящим моим ангелом-хранителем, опорой и помощью.

Уже вечерело. Я вышел из автобуса на остановке “Колос”. Миновал оживлённый перекрёсток и направился к дому 8 “а” по проспекту Богенбай-батыра, это бывшая улица Пятилетки... Вот она, жёлтая, обшарпанная, выдавшая виды пятиэтажка, но для меня — всё равно что памятник детским годам. Первый городской дом, в котором довелось побывать, ещё сопливым мальчишкой.

Это был первый в жизни приезд в город из целинного посёлка. Здесь жили бывшие односельчане — Тумановы: глава семейства одноногий дядя Миша, тётя Лиза и дети — Нина, Толя, Саша, Наташа.

Они водили меня по городу. Я впервые попробовал мороженое и был вполне жизнью доволен.

Особенно мы сдружились с Толиком, потому что были почти одного возраста.

Он показывал, именно показывал меня своим “городским” и говорил: — Они — дворянские...

Я не мог понять, что значит “дворянские”. Оказалось, это старое, ещё доцелинное, название нашего села.

Бедный мой друг Толя! Ты умрёшь мучительной смертью. И умирать будешь целых два дня под кухонным столом собственной квартиры. Тебя ударит ножом родная жена, а сама уйдёт к друзьям — отмечать Новый год. И никто тебя не спасёт, никто не вызовет “скорую”. Ты умрёшь буквально на стыке двух годов: старого и нового.

Ах, если бы сразу знать путь свой!

Я призадумался: откуда это? Что такое “знание пути своего”? Не мог я подумать просто так... Не мог.

Следующим утром пришёл в редакцию газеты “Вечерняя столица”, куда был рекомендован известным писателем Владимиром Гонтаревым.

Приняли хорошо. Сразу же отправили брать интервью у директора полиграфической компании.

Так начались мои столичные трудовые будни.

Они были тем приятнее, что коллектив подобрался слаженный, толковый. Да и оклад мне положили — такой в Экибастузе получают только ответственные работники разреза “Богатырь”. На эти деньги я вполне мог оплачивать обучение дочери, остальных хватало на уплату долгов по коммунальным услугам за квартиру, в которой оставалась жена.

Серьёзных расходов не предвиделось, оплату моего житья в столице взяла на себя сестра Марина, давая мне возможность хоть немного “стать на ноги”. Её муж — основатель и хозяин крупнейшей в столице охранной фирмы, не возражал, потому что был человеком отзывчивым и добрым.

Я с удовольствием и радостью окунулся в привычную мне, но несколько забытую жизнь сотрудника СМИ и каждый вечер, возвращаясь с работы, чувствовал приятную тяжесть своих газетных обязанностей. Они кружили, увлекали, давали возможность заглушить тоску о доме.

Я стал сотрудником отдела культуры, который возглавляла моя прежняя сокурсница по пединституту Эля Гильманова. В мои обязанности

входило посещение выставок, концертов, презентаций, вернисажей. В общем, работа интересная и “не пыльная”.

Каждый день знакомился с новыми людьми, буквально с утра до вечера находился там, где что-то происходит.

Журналисты Астаны приняли меня в целом доброжелательно, но вполне равнодушно. Оказалось, здесь, как и в провинции, работники информации живут по принципу — “сам по себе”. Ну и ладно. Меня вполне устраивало. Главное, никто не лезет в душу и не пытается что-то выспрашивать.

Владимир Гонтарев в своё время закончил Высшие литературные курсы при нашем институте и теперь в Астане возглавлял крупнейший республиканский литературный журнал “Ли́ра”, он и ввёл меня в круг литераторов.

С Гонтаревым мы знакомы с семьдесят шестого года. Он уже тогда был большим поэтом. А его “Деревенька” звучала повсеместно и стала настоящей народной. Именно он оценивал мои первые поэтические труды. И, несмотря на всю их беспомощность и подражательность, всё-таки отозвался одобрительно. Дав, таким образом, путёвку в жизнь и желание продолжать марафет бумагу. На филфаке я стал одним из первых поэтов, после Вадима Штейна, Олега Рябова и Эрика Шмидта. Очень этим окрылился и — прошёл творческий конкурс в Литературный институт на... семинар прозы.

Но как мне помогало это сейчас. Заслышав волшебное слово “литинститут”, литераторы Астаны преображались на глазах: для многих из них он был просто недоступен. С их глаз и позы улетучивались следы зазнайства и высокомерия, которые мне были хорошо знакомы. Сам когда-то решил...

Вспомнилось, как в крохотном литературном объединении Экибастуза, мы — ещё никому не известные, мечтали, строили планы, завидовали столичным. Могли до хрипоты спорить о качестве чьих-то публикаций, дружно осуждали всех, смеялись над всеми. А смешны-то были мы сами, когда бравировали отсутствием напечатанного материала: нам этого не надо. Ещё как надо!

Жалким выглядело теперь всё это!

Вообще, по моему убеждению, самое главное — избежать духовного провинциализма. Это когда ты живёшь в небольшом городке и желаешь всех его жителей восхитить своими способностями и талантом. Получается. Все довольны, все смеются. Ты тоже счастлив этим и не желаешь затрачивать каких-то усилий, либо чем-то жертвовать, чтобы донести свои творения до остального мира: проверить на пригодность и значимость. Рискнуть. Ведь здесь ты — первый, а там... Земля — огромная планета и людей на ней предостаточно. И их духовный голод до сих пор не утолён. А может быть, именно твоих строчек-ниток не хватает для того, чтобы наступила всеобщая гармония? Надо дать возможность человечеству оценить их. Надо хотя бы стремиться к этому.

Но духовный провинциализм, то есть напыщенность и самодовольство, такое стремление исключают.

Сначала в “Лире”, потом в других журналах — скорым потоком хлынули публикации моих трудов, написанных ещё в прежнее время. Я быстро становился известным и даже модным.

Вот тебе и жизнь — живи и радуйся...

Но радость — мимолётная вспышка в сознании.

В вихре писательских и журналистских дел я стал забывать о “чёрных днях” в Экибастузе. Предмет показался далёким, и было маловероятным, что он вновь проявится.

Но всё было по-прежнему рядом. И жило не только во мне.

Вначале я кое-что попытался заштриховать в памяти, и это получилось: отдохнуть и набраться сил удалось. Но потом всё больше стал понимать, что минувшее — не минувшее, но как раз то, что постоянно находится в нас, живя, волнуя, не давая забыть полностью. И минувшее это гораздо больше похоже на настоящее, с исключительной разницей: ничего нельзя поправить.

И чем чаще стучит оно в голову и сердце, тем быстрее следует ожидать продолжения. Возможно, финала, который неизбежен. Разница заключается во времени. А время — категория вялая или стремительная, в зависимости от настроения человека, потому как им же изобретена.

Стало быть — в масштабах — значения тоже не имеет.

Пережитое, осознанное дало мне право больше не бояться смерти как таковой, ведь от наших желаний ничего не зависит, всё находится в руках Тех, Кто нас ведёт.

Когда молодые люди рассуждают о смерти, бравирюя презрением к ней, они толком не соображают, о чём говорят. В их арсенале только мальчишеская пылкость и полное отсутствие жизненного опыта. Мол, жизнь — ничто.

Жизнь — всё! Но, однако же, есть вещи подороже...

Моё противостояние с неведомым врагом реанимировало во мне мужскую, бойцовскую сущность и подстегнуло к обретению уверенности, что жизнь — не самое дорогое, честь дороже. Она и есть — твои убеждения, ответственность, звание человека.

Ты сдашься, а после этого рухнет мир. Каково?

Авторы глобальных изменений географии и психики на постсоветском пространстве способствовали формированию современного примата в массовом количестве, способного ради собственной корысти на всё. А уж слово “честь” — забудьте.

Люди, настоящие люди, всегда были, есть и всегда будут.

Но мало их, и очень они горды, самолюбивы, непреклонны, а, значит, разрозненны.

Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои. (гл.1, Экклезиаст).

Вадим Штейн — один из немногих уцелевших друзей, мастер на все руки и великолепный поэт, принципиально не желающий издавать “за

деньги” своих книжек, презирующий все современные журналы, особенно, почему-то, “Лиру”, некоторые мои стихи уважал. Это было особенно лестно, потому что редко случалось.

Я ему постоянно талдычил об успехах на поэтическом Олимпе, приносил свежие публикации, а он всё воспринимал как некую забаву расхраб्रившегося юноши.

Вадим умел играть словами, но они были для него всего лишь игрой. В стихах иногда такое закручивал!.. Но истинного значения, казалось мне иногда, и настоящей цены не знал. Отсюда — неуверенность, спрятанная под маской циника, нежелание издаваться, которое прикрывало боязнь нелюбимых оценок читателей. Именно боязнь.

Мы любили беседовать на литературные темы, в рассуждениях были примерно равны. Но я-то знал, что он глубже, честнее, проникновеннее.

Однажды, будучи у него в гостях и рассказывая о чём-то, я невольно увлёкся и выдал несколько эпизодов, как бы из новой повести.

Он отреагировал немедленно.

— Наконец-то! Слушай, стариканище, я всё время ждал, когда ты начнёшь говорить.

— О чём? О новых задумках?

— Мне твои новые задумки всегда интересны, — ответил Вадим. — Но подозреваю, что это — не из их разряда.

Он внимательно поглядел на меня поверх очков и добавил:

— Про тебя здесь ходят очень разные слухи.

— С каких пор?

— Во-первых, они, с момента твоего появления в Целинограде, и не прекращались. Во-вторых, слухи эти — один чуднее другого. Так что отличить вымысел от правды довольно-таки трудно. Поэтому я и хотел поговорить с тобой на эту тему.

Заметив мой недоверчивый взгляд, переспросил:

— Ты что, мне не веришь?

— Вад, да что ты! — воскликнул я. — Верю, потому что и я и все знают, что ты никогда не лжёшь. Я лишь удивлён, чему обязан таким вниманием к моей персоне.

— Говорить стали сразу после твоего отъезда или, точнее говоря, бегства в Москву.

— Бегства?

— Конечно, ты ведь, в сущности, выкрал свой аттестат.

— Не отдавали, — ответил я угрюмо. — А я не захотел упустить шанс.

Вадим невозмутимо продолжил:

— В стенах провинциального института возрос человек, который сумел пройти творческий конкурс в святая-святых для любого литератора. Возрос готовый писатель. Вот тебе и первый повод для легенды.

Он приподнял фужер с шампанским (пил только “Советское” шампанское, от которого меня мучило), посмотрел на свет и сделал глоток.

— Потом ты поселился в Молдавии. Немного пожил, украл красивую девчонку и увёз её сюда в Казахстан.

— Господи! Бред какой, — вырвалось у меня. — Вадя, в самом деле. На моей шикарной молдавской свадьбе всё село гуляло. И никакого воровства.

— Это ладно, — невозмутимо сказал Вадим. — Это не самое главное. В восемьдесят девятом году ты погиб в автокатастрофе...

Опять о моей гибели! Экибастуз, оказывается, в этом смысле — не оригинален.

Порой мне даже казалось, что я, в самом деле, погиб, а теперь только доживаю во снах.

— Мы с ребятами тебя помянули, но явился Новосёлов и заявил, что ты жив. Мы налили ему и выпили ещё — за твою долгую жизнь.

Вадим горько добавил:

— Хорошо что ты Юру в то время не видел!

— Кое-что слышал, — ответил я. — Да и видел чаще, чем вас. Он приезжал ко мне. Так что, Вад, я в курсе дел. Зато теперь он в полном порядке.

— Да, — ответил Вадим, — в порядке. Но он ли это? Вот в чём вопрос. Он стал совсем другим. И дело даже не в том, что — протестантом...

— Все мы меняемся с годами. Юра всегда был сторонником протеста.

— Верно... Что-то я нить рассуждений потерял, — спохватился друг. — О чём говорилось? Ах да, о тебе. Были разговоры о твоём участии в приднестровских событиях девяноста второго. Ты воевал в молдавской армии и погиб в бою где-то под Дубоссарами.

— Ну ерунда же, в конце концов! — не утерпел я. — Или тебе всё это нравится?

— Ты хотел услышать, я тебе рассказываю, — ответил Вадим. — Но последняя твоя гибель или, если угодно, превращение относится к событиям, которые и событиями не назовёшь: никто ничего не видел, но все знают. И знают такое!

— Сие откуда ведомо?

— Из среды экстрасенсов, старче, от них, треклятых... У меня там есть пара хороших знакомых.

Он встал с кресла, подошёл к компьютерному столу, подвигал “мышкой” и включил любимый рок.

— Слушай, старик, — спросил он, глядя в монитор, — что он вообще такое, этот ваш горняцкий городок? Город мистический?

— Да понимаешь, — начал было я отвечать, но Вадим не слушал.

— Что всё это значит, по большому счёту? Мистика? — гневно продолжал он. — Чёрт возьми меня совсем! Мистичней всего в нашей жизни то, что земная атмосфера давит нам на плечи с ужасной силой, а мы живём и даже иногда улыбаемся. Старый, мне кажется, вся твоя жизнь, вся твоя судьба поэта — сплошная мистика.

— Вадя, Вадя! — сказал я горестно. — Ты ещё не всё знаешь. Не так давно я открыл газету “Литературная Россия” за июль и наткнулся на статью старосты нашего курса Серёги Казеева, она называется “Курсив наш”. Это было у нас на курсе крылатой фразой, её автор — человек, с которым мы прожили в одной комнате весь первый курс — Коля Ерёмичев. Я обрадовался... Про многих ребят рассказывает Казеев, но, что поразило меня более всего, мне он пожелал “Царствия Небесного”. Вот так! Вот тебе и мистика. А Сашка Солуянов — друг детства, звонил недавно из Благовещенска моей маме и выражал соболезнование по поводу моей “преждевременно”... Старуху чуть удар не хватил. Откуда он — офицер в отставке, мог взять факт моей гибели? Мистика... Какая мистика? Впечатление такое, что меня периодически хоронят с каким-то ещё не понятным упорством.

— То, что ты говоришь, вполне уместно, но мне ничего не объясняет. Вся твоя судьба — мистика, хождение в неизведанное.

Чуть помолчал и добавил:

— И история собственной гибели, которую ты сам пишешь.

Я не пытался разубедить старого друга, не стал ему разъяснять истинных причин, я им дорожил. А рассказать, значит, впутать.

Жизнь в столице периодически преподносила мне некие сюрпризы, которые я, конечно, принимал, куда было деваться, но с определённой долей опаски. Назвать их “ясновидением” — самонадеянно, но всплески предчувствий в сознании происходить стали.

Трубку городского телефона я брал, уже точно зная, кто звонит.

Более чем за десять минут догадывался, кто придёт и зачем.

Идя по улице, ясно себе представлял, кого встречу и о чём пойдёт разговор.

Как-то в большом скопище людей мелькнул человек в блестящем и чёрном...

И я не пошёл именно на ту остановку, на которую собирался.

А через десять минут в неё врезался внедорожник, управляемый всумерть пьяным человеком. Шестеро погибших, в том числе и сам гореводитель.

... Однажды я почувствовал лёгкое прикосновение к голове. Обернулся. Никого. Один дома. Эффект присутствия давал о себе знать и прежде, но я никогда не придавал ему особого значения.

Вновь прикосновение: лёгкое, но стремительно сжимающее мозги...

... Я быстро убежал от стаи разъярённых гусей. Но они догоняли, бежать мешала гармошка, на которой я только что играл и браво пел:

*И каких бы ни встретил врагов,
Бить всегда пограничник готов.*

Навстречу — гуси. Чем я им так не понравился? Поклевали нещадно. Пришлось спастись от этих страшных белых существ.

... Я висел на заборе. Перелазил, зацепился за штaketину длинным пальто и повис. Мир вниз головой тоже был интересен.

Подошёл папа.

— Чего висим?

— Да так, пап, Светка пошла за мамой. Сейчас придут — снимут...

Фрагменты, отрывки, эпизоды.

... Это была страшная майская гроза. Молнии ветвились над посёлком целыми десятками. Артиллерийскими разрывами громыхал гром.

Я бежал по улице домой, спеша пока не начался ливень.

Успел открыть дверь. Ступил на порог, и в этот самый миг молния ударила меня в затылок. В глазах помутнело, но на ногах устоял.

Способности к паранормальному прилетели из детства...

О, мой бедный затылок!..

Очнулся на полу.

Видения прекратились так, будто кто-то заступился за мою бедную голову.

А ведь в ней копались...

Мой мозг зондировали, определяя детские страхи.

Но более — не повторялось.

“Чёрная сотня, чёрная сотня”, — стучало в висках.

В Экибастузе они загнали меня в угол элементарно. Арест шефа, склонение Верой Авдеевной на свою сторону — это первые пункты плана. Но ведь они ещё не знали, что слова Йен — простые, почти беспомощные слова, которые мне и без того были ведомы — упали на благодатную почву.

Я предпочёл тяготы и лишения.

Они точно знали, к кому я обращусь за помощью и каким путём стану возвращаться.

Парк. Пятеро нелюдей. Появляется Андрей. Его участие не подразумевалось и не бралось в расчёт никем. А он оказался из ордена Детей Света.

“Экстрасенс из Астаны” говорила, что они хотели только “попугать”. Но Андрей — единственный — располагал точной информацией, что они со мной могли сделать.

У них это называется “Душевная Радость”. После неё в мир выходит вполне благополучный человек, у которого твёрдые нравственные устои, крепкая семья, счастливые дети. Но то, что творят эти “благополучные”, подстегаемые неведомо кем, мы узнаём отрывочно, из сводок криминальных новостей, да и то происшествия — из самых безобидных. От которых тоже у каждого нормального человека волосы встают дыбом.

“Душевная Радость”, запомните это чудное словосочетание”... Откуда это?

Я вздрогнул.

Картинка пошла дальше.

Андрей не думал умирать, хотя всегда был к этому готов и мысль о смерти, как и о самой жизни, была ему близка и понятна.

Его воспитал Свет, но родили люди.

Он знал, что Смерть — это единственное и главное действие в жизни, которое ещё не испорчено, не запачкано руками человека.

Отшвырнув меня на достаточное расстояние, Андрей шагнул навстречу судьбе.

Врагам бы неведомы чувства. Но когда на их пути вместо жалкого забитого существа встал Некто в сияющей одежде, они остановились и вопросительно посмотрели на него.

Он покачал головой. И тогда они напали.

Их Андрей одолел легко, его учили биться и побеждать в гуще врагов. Но вмешался Чёрный Сотник, который в схватках обычно участия не принимает, и пронзил его... Нет, не простым, а Копьём Предназначения.

Это было видение. Длилось несколько секунд, но запомнилось отчётливо. Вопросов становилось чуть меньше. Но загадок бытия прибавлялось. Они не давали покоя.

Вечерами я размышлял, заносил на бумагу мысли, думая освободить голову, но всё равно она оставалась забитой до отказа.

Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. (Экклезиаст, гл. 6).

Иногда я не мог заснуть, иногда мне было жаль тратить время на сон, иногда я боялся засыпать. Ибо сон — это маленькая смерть, такое микро-забытьё, из которого можно не вернуться.

Я всё чаще думал о смерти. Причём вполне равнодушно, подразумевая её осознанным реальным венцом жизни, который ожидает всех. А там меня встретят дорогие мне люди: папа, дядя Паша, Иван Головин, Вася Чубаров, Володя Морарь... Я благодарен им за то, что они были в моей жизни.

Но мысли о смерти рождали стремление жить. Жить, спешить, действовать и... всегда быть готовым умереть. Лучше — достойно, краше — без боли. Но такое невозможно. Потому что боль сопровождает нас всегда и везде. Разница лишь в том, насколько мы ей придаём значение.

Новая жизнь захватывала постепенно и даже начинала нравиться.

В редакции я был активен, суетлив, подвижен. Но когда выходил из её стен и погружался в незнакомый шумящий мир, меня вмиг охватывало иное чувство.

Город переставал казаться радостным и светлым, как будто с моим появлением здесь что-то изменилось, либо слишком быстро миновала эйфория новизны.

Город внушал опасение, он становился враждебным и подвластным недобру. Он был насквозь материальным, то есть злым по самой сути, потому что в материи, созданной из ничего и остающейся ничем, напрочь отсутствует благо.

Город к чему-то готовился. И недаром, ой, недаром на некоторых пятиэтажках, невидимые ещё вчера, но проступившие сегодня, ясно бледнели зловещие слова “легион” и “проклятие”. А по городу открыто разъезжала обычная транспортная “ГАЗель”, на которой, вверху лобового стекла, багрово алело слово “тьма”.

Она была уже здесь. Она скрывалась в подъездах и дворах, в тёмных закоулках, где орудовали бледные наркоманы; она вываливалась наружу с приходом ночи.

Я это чувствовал. И оттого они были особенно мучительны — часы ночного одиночества и бездействия. Когда сон не наступает, а физическая

усталость настолько велика, что подавливает в поясницу и ноги; глаза поневоле смыкаются и — ни писать, ни читать — невозможно.

Дом погружается в одинаковую серую тьму, и только сквозь полузадёрнутые шторы пробиваются яркие блики заезжающих во двор машин; да берёзка под самым окном, берёзка, которую посадил мой отец, тихо перекатывает налитые зелёную листья.

К полуночи оживал ресторан, расположенный бок о бок с нашим домом, таранил беспорядочными звуками музыки весь микрорайон.

Из пивного бара в цокольном этаже этого злополучного ресторана вываливались покурить осоловелые люди, их нетрезвые разговоры были тоже слышны очень далеко.

Шума извне хватало, но одиночество давило железной пятернёй, сбросить которую недоставало сил и желания. Я всегда был одиноким волком, хотя и общества не чурался. Но лучше работается и мечтается только вдали от всех.

Такова моя судьба.

Я даже болел так, чтобы никто не заподозрил. Молча, не по-детски переносил температуру, кашель, головные боли. В худшем случае уходил к бабе Моте (маме отца) и отлёживался в одной из комнат её огромного дома. Бабушка приходила тёмной тенью, принося очередной отвар или настойку, молча уходила.

Всё дело в том, что я с самого раннего детства невзлюбил недуги и... хворых людей.

Толчком этому чувству послужила мама, которая всё время «болела». Не стану утверждать, что она притворялась — работа сельского учителя нервная и сложная. Но наш дом детства был самым тихим в посёлке: мы никогда не прибавляли громкость радио и телевизора выше планки, обозначенной мамой (болит голова), пластинки тоже слушали на тихом звуке (мама спит, она устала), к нам очень редко приходили гости и друзья...

Мама «болела» всё моё детство.

Я устал бояться за её жизнь и здоровье, устал от вечной тишины в доме, устал оттого, что не могу пригласить к себе приятелей.

И я просто возненавидел и болезни, и вечно больных людей.

О том, какова мама стала в старости, говорить не буду. Скажу одно: вечно здоровая больная, изводящая всех разговорами о недугах и способах лечения.

Я дал себе слово, что у меня дом будет совсем иным. Ещё я дал слово: никогда не болеть. А если и случится, то болеть так, чтобы никого этим не обременять.

И я его сдержал!

Одиночество... Мы с ним — старые приятели.

Что же теперь мешало мне встряхнуться и вспомнить, что совсем недалеко живёт Вадим, у которого полна квартира гостей, там весело и мне будут рады в любое время; что Юра Новосёлов всегда откроет для меня двери и одарит душевной беседой; что хлебосольный дом сестры — это и мой дом.

Но за всем этим бурлением, весельем и многолюдством скрывалось то, о чём все они — мои родные и самые близкие — не подозревали. А мне открылось. Я ведал, как непрочен и хрупок мир, и его благополучие — только

кажущееся. Стоит чаше весов качнуться в любую сторону — и всё-всё станет прахом.

Я уже думал, что действовать — необходимо во имя сохранения мира целым и невредимым, что бездействие — преступно.

Я распался от собственных мыслей, но охлаждал мою пылкость один-единственный вопрос: как действовать?..

В городе были люди наделённые Знанием, облечённые полномочиями. Меня кто-то контролировал, считал шаги, повторял слова. И это придавало сил держаться достойно и не сотворить какую-нибудь глупость.

Держаться достойно приходилось всегда, везде и во всём. Это порядком усложняло жизнь, но в то же время делало её более занимательной.

И думалось: совсем ведь немного надо, чтобы оставаться настоящим человеком, соблюдай два условия: говори и — думай, что тебя слышит весь мир; делай и — думай, что тебя видит весь мир.

Наконец, меня оберегали. Вспомнилось, спустя пару месяцев после приезда, уже набранный различных впечатлений, поражённый количеством незнакомых людей, среди которых легко затеряться, я слегка расслабился, и впервые мне показалось: всё, эксперименты закончились.

Но мне быстренько дали понять, что я ошибаюсь, что Судьба уже установила на мне свой знак и я — в числе меченых.

Значит, о спокойной, обычной человеческой жизни следует позабыть, и чем быстрее, тем лучше. Нет её теперь для меня, и не будет уже никогда в грядущем.

Это произошло в один из очень спокойных июльских вечеров, когда кажется, что сама нега спускается с небес на грешную землю, чтобы дать людям хоть немного отдохновения и покоя.

Мы с Вадимом договорились сходить к его давнему, а моему новому другу Магомету Юсупову. “Мага”, так звал его Штейн, а потом и я, жил напротив Дома престарелых в обычной пятиэтажке с женой Айной. Был умным, интересным собеседником, имел два образования: медицинское и историческое. Казалось бы, несочетаемое — сочеталось в моём новом друге вполне гармонично.

Не дождавшись Штейна, я пошёл сам к “сорок второму” дому, заносчиво полагаясь на отменную память.

Пройдя пару дворов, понял, что не знаю, где нахожусь, и надо бы выбираться на “караванные пути”.

Пошёл наугад в “ту” сторону и оказался в тупике. Чистый асфальт под ногами, высокие бетонные стены по сторонам, позади — глухо — единственный проход, куда надо было вновь возвращаться, — светил фонарными столбами. Потом заметил, что два из фонарей начали стремительно расти в размерах и приближаться ко мне в виде огромного чёрного джипа. Я замер, ожидая, что он затормозит... Едва успел отскочить в бок, благо пространство ещё позволяло.

Взвизгнули тормоза. Я всё ещё стоял, держась за стену.

Джип тронулся назад и — вновь на меня. Я увернулся. Он затормозил.

Я рванулся в сторону выхода.

Джип стремительно нёсся за мной — кормой вперёд, нацеливаясь и чего-то выжидая. Тогда я совершил “олимпийский” рывок и успел забежать за первый столб у выхода. Машина затормозить не успела. Удар. Звук разбитого стекла и холостой рёв мотора.

В мою сторону спешил наряд полиции.

— Что у вас здесь происходит?

Я не успел отдышаться, но, указав в сторону джипа, сказал:

— Он пытался меня задавить...

Полицейские выхватили оружие.

— Немедленно выходи из машины! — прозвучала команда.

Дверь открывалась с трудом. Из неё, подняв руки и дрожа всем телом, вышел человек средних лет.

В участке, пока шла запись показаний, я внимательно разглядел напавшего. Он сидел, устало прикрыв глаза и судорожно подёргиваясь. Память на лица у меня почти фотографическая и могу с уверенностью сказать: не видел, не знаю.

Это был высокий (гораздо выше меня) человек, с длинными сильными руками. На его правой щеке небольшим серпиком выделялся багровый шрам; волосы белёсые с медным оттенком; глаза карие. Он, словно очнувшись, потерянно озирался по сторонам, не понимая, что происходит.

Я ему верил, он и в самом деле ничего не понимает..

Полицейским сказал, что никакого заявления подавать не буду, не было никакой “попытки наезда”.

Происшествие это не то что напугало меня, но озадачило, я воспринял его как знак, но всё-таки несколько дней ходил сам не свой. Признаться, мало приятного в том, что тебя хотят переехать самодвижущейся тонной.

А потом у меня пропал сон, хотя нынешнее состояние бессонницы отличалось от прежнего: ничего не болело, я нормально соображал; утром бывал даже бодр. Ходил на работу, писал на заданные темы, уставал... Но, возвратясь домой, опять не мог заснуть. Конечно, нервы, нервы.

Уже полгода я живу в Астане какой-то непонятной ожидающей жизнью. Вот-вот что-то случится, вот-вот меня позовут и я окажусь в самом эпицентре борьбы за Человечество. Но вместо этого... Я слышал, самая тяжёлая пытка — бессонницей. Теперь верю. Во время таких невольных ночных бдений чего только не передумаешь. И мысли приходят самые разные.

Я работал и получал большие, по экибастузским меркам, деньги. Расплатился с долгами, теперь чувствовал себя почти сносно: не давило. Я отдохнул от этого уже изрядно надоевшего мне горняцкого городка, из которого всё время порывался уехать. Уехал. Что дальше?

Но ведь там всё было для чего-то, всё во имя чего-то. Чего? Человеческой же сути. А она — примитивна. Кто сказал?..

Володя Гаах — литературный редактор газеты... Пришёл как-то на работу выпивши и начал истолковывать своё отношение к человеку.

Я вспомнил почти дословно
Но не это главное. Сюрприз заключался в конце.

— Я таскаю по земле эти кости, мясо, кровь... Какая гадость! И внутри меня происходят процессы, которые вынуждают разрабатывать немыслимые средства и лекарства, дабы их укротить.

Володя стал в позу оракула и пытался говорить членораздельно. Слабо получалось. Иногда давал “петуха” и слушать было забавно.

— Всё на земле посвящено этому: здания, сооружения, механизмы. Всё для укрощения, притушения, удовлетворения. Люди своей скотской сущностью покрыли всё, заслонили небо и даже придумали аппараты, чтобы выносить весь этот человеческий мусор на околоземную орбиту.

Он хохотнул.

— Дураки! Как будто нет другого способа общения с Внеземным Разумом.

Он хохотнул ещё раз:

— Идиоты! Вы не находите?

— Ещё как, — согласился я.

— А сколько, по пропорциям, в его громаднокилограммовой сущности занимает матрица мозга? — спросил он, качнувшись.

— А в вашей? — осведомился я, оторвавшись от компьютера. — Вы по-другому устроены?

— Всё по-другому, — насунив брови, грозно отвечал Гаах. — Всё перевернуто с ног на голову. Представляете, они — эти козлы, даже понятие Смерти извратили донельзя. Злая, косматая старуха с идиотской косой. Бред сивого учёного!

Он немного помолчал, собираясь с духом.

— А если это — великолепная, стройная и очень сексуальная деваха, с которой ты уходишь — заметьте — добровольно, куда угодно, лишь бы подальше от всей этой дряни. Проще говоря, она должна быть такой, какую заслужил каждый или придумал по деяниям своим. Вот вы, — он вперил в меня хитрые глаза. — Вы какой ждёте?

— Мне более приятен второй вариант, — ответил я серьёзно. — Но, с другой стороны, я никуда не спешу.

— Да, у вас — дела, — ответил Гаах рассеянно, — вы всё время сидите, готовитесь и ждёте... Вы ждёте, когда вас позовут. Успокойтесь, вас обязательно позовут.

Поначалу я даже ничего не понял, но потом услышал, что голос Володи стал совершенно другим — трезвым и бесстрастным.

— Ибо Дети Света и силы Тьмы навсегда останутся врагами, — закончил он, почти хрипя. — А пока они остаются врагами, такие как вы — необходимы...

— Владимир Фёдорович! — воскликнул я поражённо. — Что вы только что сказали?

— Я? — он пьяно икнул. — Про что? А... Так вот в нашей, подчёркиваю, нашей сущности... Если вам так угодней.

В уста любого человека можно вложить всё.

Володя не вспомнил последних слов даже после того, как я сбегал в магазин за четушкой.

Как только приблизится буря, уверовавшие в благую весть, но не оскотившиеся через послушание истине, откажутся от своих взглядов и пополнят ряды её врагов. Соединившись с миром и исполнившись его духом, они смотрят на вещи почти так же, как мир, и, когда наступят испытания, они будут готовы избрать лёгкий путь. Одарённые, обаятельные люди, которые когда-то тоже радовались истине, всеми силами будут стараться прельстить других и ввести их в заблуждение. Такие люди станут злейшими врагами своих прежних братьев.

Елена Уайт.
“Великая борьба”

Вступление 8

Боль сопровождает приход человека в этот мир.

И это — боль женщины, матери — физическая боль на одну, которая в большинстве своём завершается радостью разрешения от бремени, первым криком новой жизни.

Уход человека из этого мира тоже сопровождает боль, боль на одного. А завершается огромной, долго не проходящей болью, которую, увы, в равных долях не поделишь на всех: знавших, любивших, привыкших.

Хочется верить, что для ушедшего последняя земная боль окончилась долгожданной вспышкой Света впереди, удивительной свободой и умиротворением — радостью разрешения от бремени жизни.

Мы — земные создания — не в силах прочувствовать этого, мы слишком скованы цепями земного притяжения: родные, близкие, друзья. Идя по жизни, мы лишь можем печальными вехами отмечать даты, разделяющие нашу жизнь на “до” и “после”, что и означает жизнь нынешнюю и жизнь минувшую. И всегда минувшая кажется краше, полней, веселей.

“Что было в прошлом, всё прекрасно, а то, что хуже — впереди”.

Это оттого, что протекала она рядом с теми, кого сегодня нет рядом.

Прошлое — мертво, а будущее не написано? Нет, — прошлое живёт в нас, а будущее — предопределено.

Мы пытаемся верить в существование более лучшего, совершенного мира, где не грабят в подворотнях, не убивают в подъездах; где друзья не предают. Но вера эта, как дар Божий, дана немногим. Потому попытки эти — уверовать — слабое утешение. По крайней мере, пока мы смотрим в Тот Мир земными глазами. А мы смотрим земными глазами.

Земля — рассадник, трамплин, полигон, если угодно... Судьба человека доказывает это слишком красноречиво. Будто бы мы всё время силится сбросить с себя эту материальную тюрьму — физическое тело. Но нам не удаётся. Что-то очень сильно связывает нас с этим миром. И очень мешает сделать осознанными попытки, в чём-то разобраться серьёзно. Вначале родители ограничивают, затем общество набрасывает сеть ловушек. А когда человек готов стать самостоятельным, начинает вникать в суть дела, обретает страсть к жизни — его начинают бить утраты, из-за которых всё меркнет и слабеет. Мы живём, теряя близких, и это — самая большая несправедливость. Но мы живём, любя и помня о том, что если раньше они были где-то по одному — конкретному — адресу, то теперь Они — всюду и везде, но уже без нас. А мы — без них.

Надо жить, надо верить в то, что наступит момент, который уже не будет подвластен земному притяжению и мы с Ними увидимся вновь. Ибо жизнь у всех оканчивается одинаково — Странствием. И в это Странствие отправится всякий.

Жизненный цикл человека отработан до мелочей и никаких случайностей не бывает. И когда вам говорят, что мы — хозяйева своей судьбы, не верьте. Всё давным-давно расписано, и не нами.

Но мы, упрямые создания, вновь и вновь идём по прежнему пути.

И каждый человек индивидуально проходит его с неистовством обречённого.

Но мы забываем о том, что чудный дивный мир, нарисованный воображением человека как дар высших сил, был определён нам здесь, на этой земле. И он не фантастичен, он был уготован для нас изначально — первые поколения представителей человеческой расы жили именно в нём: цветущие сады, пахучие травы, отсутствие одежды. В ней просто не нуждались. Человек был в своём доме... Попробуйте сегодня пуститься в путешествие куда-нибудь на север или пройти голым по сибирскому краю зимой. Но ведь всё это — наша земля, наш родной дом. И в этом доме мы чувствуем себя как в осаждённой крепости.

Чьими стараниями всё утрачено? Человека же. Первое преступление было совершено не тогда, когда Ева решила вкусить со Древа Познания, а когда Каин убил своего брата Авеля, выясняя, кто главней? То есть, кто более влиятелен и могуществен. И с тех пор человек систематически и методически истребляет себе подобных. Мало того, он находится в постоянной конфронтации практически со всеми живыми организмами планеты.

Какие животные, которых мы называем “дикими”, подпускают близко к себе человека?.. А почему? От него исходит потенциальная угроза. Эта угроза постоянно подпитывает тёмные силы, которые уже готовы торжествовать свою победу над самым агрессивным существом всех времён и народов. Его же руками. В его же стремлении к материальному стяжательству, ради которого все средства хороши: убийство, шантаж, подкуп, другие тяжкие деяния. Десять Заповедей завещаны не нам, а какому-то другому живому организму. Мы забыли о том, что для достойного существования надо совсем чуть-чуть. Но, если судить по накопленному богатству, то многие люди намеряли себе сотни-тысячи жизней.

И теперь, когда везде и всюду поднимается вопрос о гибели цивилизации, о уничтожении Земли, о победе тёмных сил, здравый рассудок человека должен победить и реставрировать Землю: сделать её такой, какой она была когда-то в древности. Надо всего лишь вернуться на несколько тысячелетий назад, и не телом, а сознанием. Надо почувствовать боль земли, ежесекундно истязаемой, насилуемой и уничтожаемой. Надо вернуть ей первоначальный вид. Возможно, все новшества техники, совершенствование приспособлений и механизмов даются нам свыше ради того, чтобы освежить землю, сделать её пригодной для житья и перестать выкачивать из неё жизненные силы.

Надо уважать её, ведь она — живой организм. Но когда терпение Земли будет переполнено, а вера в эту наглую, нахальную, тупую человеческую расу окончательно потеряется, — тогда жди беды. В принципе,

беда давно должна была грянуть, но её приближение сдерживают Подвижники человечества, пророки, мессии, которых мы сажали на кол, распинали на кресте, сжигали на кострах. Они своими “бредовыми” идеями, бессребреничеством, наивностью и верой отодвигают, замедляют день конца света.

... Но они ещё приходят, они ещё стучатся в наше сознание; они ещё говорят о том, что мы способны противостоять Тьме. Они — это те, кто способен сбрасывать с себя материальное, кто может ещё при земной жизни стать частью духовного мира. Ведь миры связаны, и только материя мешает нам общаться с Тем Миром, куда ушли в Странствие наши дорогие и самые близкие; куда отправится всякий человек. Ведь только там и именно там перед ним откроется возможность искупления, восстановления и обретения Света. Нет никаких наказаний за Той Чертой, даже для самых отъявленных негодяев. У всех есть возможность начать всё с начала. Нет ни ада, нирая, есть Свет и Тьма; есть возможность выбора: опять и опять, в который раз...

Глава 2. “Зрим и прелестен”

*И брезжилось что-то страшное. Какой-то запрет, зарок.
“Ведь кто сошёл с ума, тот уже никому не расскажет,
что же он понял”, — допытывался я в своём уме.
“Боже мой, Боже мой! кто же это постиг?
и отчего мне этого постичь нельзя?”...
“Хоть бы одним глазком заглянуть — и потом умереть”.*

В. В. Розанов. “Люди лунного света”

На открытии одной из многочисленных фотовыставок в Российском центре науки и культуры Вадим подошёл ко мне с эффектной брюнеткой, с причёской “под Клеопатру”.

— Позволь, старче, познакомиться тебя с Тамарой Никоновой. Она — поэтесса, автор нескольких книг, в том числе и для детей, и “крутая” бизнес-леди.

— Здравствуйте, я о вас уже слышала.

“Поэтесса” улыбнулась.

— Вот Штейн все уши прожужжал.

Ей поклонился, Вадиму пожал руку.

— Знаете, времени нет, но сегодня пришлось сюда прийти, — продолжила она непринуждённо, — мы скоро будем проводить здесь своё мероприятие и вас пригласим. Вы в “Вечёрке” трудитесь? Я тоже там начинала.

Я не преминул поинтересоваться:

— Неужели? И сумели так быстро подняться?

Вадиму был неинтересен этот обмен любезностями.

— Пойду с Магой пива попью, — сказал он, немного поскучав, — а вы пообщайтесь.

С Никоновой я сам просил познакомиться. Слухи о её деятельности и стихах ходили самые различные. Она слыла за мецената — немного спонсировала издание какого-то номера журнала “Лири”, содержала литературное объединение “Гармония”, была элегантна и красива. Добавлю, не по годам.

— Просила же не называть меня “поэтессой”, — скривилась она, провожая Вадима взглядом. — Но Штейн — неисправим.

— Простите, ничего плохого в этом слове не нахожу, — заступился я за друга. — Напротив, не понимаю, когда женщину называют “поэтом”. Это слово мужского рода... Да и не бывает женщин-поэтов.

— Не буду спорить пока, — согласилась Никонова. — Вы правы, если не брать во внимание...

— Сафо, Цветаеву, Ахматову? — подхватил я. — Первая, правда, гораздо меньше известна широкому кругу... Но они ведь тоже — вначале женщины, а потом всё остальное.

— Вадим просто терпеть не может моих стихов и считает меня графоманкой. Вот в чём дело! — возмущённо сказала Никонова.

— Но вы же делаете своё дело, печатаете книги, вот и продолжайте. Вы ж бизнес-леди, а вам никто не указ, — пытался я подбодрить её, но чувствовал, что бесполезно.

Оказывается, мой друг, не имея ни одной напечатанной книги, да и практически не имея журнальных публикаций, продолжал оставаться авторитетным критиком. Если к его словам прислушиваются такие как Никонова, у Штейна — дела не плохи.

— В бизнесе — да, — ответила она печально, — но в литературе... В принципе, не это главное, — приятно улыбнулась Никонова. — В жизни ведь столько позитивного. Не правда ли?

— Позитивного? — переспросил я. — Это по-русски значит “хорошего”?

— Именно, — согласилась она, не заметив иронии. — И чудесного, и даже загадочного. Словом, солнечного. А негативно, значит, темно.

Таинственно было это сказано, очень таинственно.

В ответ я поблагодарил и поинтересовался:

— Например?

— Например, вы в курсе, что все мы, — она резко понизила голос, — не с этой планеты?

— Да что вы говорите!

— Да, именно. Я, например, из созвездия Плеяды.

— А здесь как?

— Миссия.

— А я откуда?

— Тоже откуда-то оттуда, — она подняла глаза кверху и вдруг серьёзно:

— Не будем об этом говорить вот так вскользь, походя.

— Согласен с вами.

— Давайте перевернем тему, — предложила она. — Я не расположена к серьёзным разговорам.

— Давайте.

— Вадим говорил, что вы учились в Литературном?

— Да, имел такое счастье. Но ещё до Москвы оттрубил два года здесь на филфаке.

— А я его окончила, — вздохнула Никонова. — Хорошее было время.

— А что ж так грустно?

— Так оно прошло.

Мы рассмеялись.

Поговорили о стихах, изданных книгах, состоянии литературы в стране. Она была умна, имела чёткие суждения и давала точные формулировки. Но порой её эмоциональные всплески были подозрительны.

— А ведь вы в этом городе не просто так? — вдруг спросила она. — Наверняка ждёте чего-то.

— Да как вам сказать, — промямлил я в ответ, не зная, как реагировать.

— Хочу привлечь вас к работе нашего творческого объединения “Гармония”, — заявила Никонова решительно. — Вы нам подходите.

— Спасибо.

— Мы собираемся по субботам у меня в офисе. Это недалеко. Людей ходит много. Есть поэты, прозаики, художники.

Далее она опять снизила голос и наклонилась к моему уху:

— И даже контактёры.

Заметив мой недоверчивый взгляд, добавила:

— Да-да, их у нас много. Все — люди неординарные. Так что приходите, вам будет интересно. И кое-что вам, наконец-то, откроется.

— Спасибо, — заверил я, — обязательно приду. Надеюсь, я не ошибаюсь?

— Нет, вы не ошибаетесь, — ответила она твёрдо и уверенно. Но вдруг смягчилась и добавила с улыбкой:

— Но мне бы хотелось увидеться с вами раньше субботы. Созрела мысль о необходимости ввести вас сразу в члены правления.

Меня, признаться, удивило такое стремительное “продвижение по службе”.

— Обсудим перспективные планы работы объединения завтра вечером в холле отеля “Континенталь”. Вы сможете?

— Безусловно.

Она удовлетворённо кивнула.

Потом сунула мне визитку и ушла.

— Извините, необходимость, меня ждут в клубе “Байтерек”.

Мне показалось, становлюсь ближе к чему-то.

Загадка была во всей этой женщине: загадочны глаза, спрятанные за чёрными стёклами очков в дорогой оправе; загадочна одежда — длинная юбка и блузка чёрного цвета с вплетёнными золотистыми нитями. Голос её был тоже загадочен.

Всё было интересным и привлекательным. Жизнь вмиг преобразилась и блеснул в ней огонёк надежды — непонятно на что, неизвестно зачем.

Бывают же люди, которые иногда освещают нам серые будни: одни совсем коротко, другие дольше. Кто-то на мгновение блеснёт мыльным пузырьком на солнце и лопнет, но жить-то на это мгновение становится веселей.

И нашёл я, что горче смерти — Женщина, потому что она — сеть, и сердце её — силки, руки её оковы; добрый пред Богом спасётся от неё, а грешник уловлен будет. (Эккл. гл. 7).

Окончание в следующем номере.

Иосиф БРЕЙДО

“Благодарить судьбу
за милость...”

Давно уже замкнулся круг,
и впереди — одни повторы:
то примирения, то ссоры,
но много ль времени, мой друг,
отпущено? К чему раздоры,
коль в длинном перечне имён
всё меньше остаётся близких,
зато переполняет списки
имён ненужных легион,
и клерк боится наши риски
застраховать: белы виски...
Всё было, мало что осталось,
страшна уже не то чтоб старость,
а неурочные звонки.
Давай хранить же эту малость
и соблюдать простой закон:
прости и будешь сам прощён.

*Кто видел в море корабли
Не на конфетном фантике...*

На флоте заведён порядок строгий:
В поход не провожают корабли,
В моря уходят только по “тревоге”,
Устав с землёй прощаться не велит.
А в море вплоть до горизонта пусто,

**Иосиф
Вульфович
БРЕЙДО**

родился в 1947 г. В Киргизии на берегу озера Иссык-Куль. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1974 г. постоянно живёт в Караганде. Работает в Карагандинском государственном техническом университете заведующим кафедрой автоматизации производственных процессов, доктор технических наук, профессор. Автор поэтических книг “Метки и осколки бытия...” (2002). “Наворожи, гадалка, нам...” (2004), “Дорожная молитва” (2006), публикуется в литературных журналах России и Казахстана “Сибирские огни”, “Нива” и “Простор”, в республиканских и областных периодических изданиях.

И нет границ меж небом и водой,
И умирают постепенно чувства
От качки килевой и бортовой.
Конец похода и отбой "тревоги".
Сойдешь по трапу с борта корабля,
Насмешливо глядят земные боги
Как под тобой качается земля.
Пока придёт уверенность в походке,
Вернутся ли забытые слова,
И станет снова ль силуэт твой чётким?
Нет, надо жить на суше, ты права.
Но почему же снится мне порою
Как солнце, отражаясь от волны,
Встаёт над морем, словно над судьбою,
И солнечные брызги солонь.

Ночная тень

В разгаре ночь. Замученная бытом,
спит беспробудно женщина. В былом
остались принц и ухажёров свита,
от храпа мужа дребезжит стекло.
И нет конца у этой ночи длинной,
но вот рассвет забрезжил в полумгле,
над улицей, где тихо и пустынно,
мелькнула тень верхом на помеле.
На тополях зашелестела крона
и пробежала по траве волна,
бесшумно приоткрылась дверь балкона
и снова наступила тишина.
Домой вернулась тень, легла устало
на прикроватном коврикe, пока
вставать поспешно время не настало
под трели надоевшего звонка...
А утром глянет в зеркало пылливо
хозяйка и примерная жена
с улыбкою лукавой и счастливой,
а под глазами синева видна.

Апрель

Пока в соседнем переулке
под стенами не тает лёд,
а ветер северный несёт
сухие листья и окурки
и, съёжившись, народ бредёт,
терпи, не время для прогулки.

Озвучивать не время оды,
написанные в марте, впрок,
коль не закончился урок
капризной матушки-природы,

и ты бросаешь мне упрёк
за издевательства погоды.

И слёзы на глазах прелестных,
конечно, я не виноват,
но оправдания бесполезны,
покуда не проснулся сад,
деревья голые стоят,
и снег лежит в полях окрестных.

Поверить, что предрешено,
Как в самом деле получилось,
Благодарить судьбу за милость,
Смотреть в открытое окно
И пить во здравие вино
Или микстуру по рецепту,
Коль так предписано врачом.
Жалеть не надо ни о чём,
Пока посильно вносишь лепту
В круг жизни и своим плечом
Касаясь плеча другого,
Смеяться и грустить дано,
Грешить и ошибаться снова
И греться от тепла живого...
Пока распахнуто окно.

Печаль и радость — два крыла
в твоих глазах бездонно-чёрных,
какой же мрак тебя скрывал,
когда кружил я обречённо
в бесстрастии унылых дней
и был то пастухом, то паствой.
Ты не забыла обо мне
за эту сотню лет. Ну, здравствуй.

Перед отпуском

1

Я грешен, Господи, но не настолько,
Чтобы меня в июльскую жару,
Когда живое прячется в нору,
Перевозить по автострате бойкой.
Прямое солнце крышу раскалило
Так, что кипят мотор и голова,
От духоты слипаются слова,
И вытекает вместе с потом сила.
Я оказался в эпицентре ада,

Последние расплавились мозги,
Глоток воды, прошу я, сбереги,
Сокрыта в нём последняя услада.

2

Не закипай по пустякам,
Когда на солнце прееет темя,
И самое, быть может, время
Глотнуть холодного пивка
В тени на берегу реки,
Пруда, ручья иль океана,
Где умные и дураки
Сосуществуют равноправно...
Пора ленивых разговоров
И клёва рыбы на заре.
Июль — не время для раздоров,
Всё остальное — в сентябре.

3

Господь, избавь, прошу, от суеты напрасной,
Неделю дай пожить, хотя бы, жизнью праздною.
Чтоб в полдень засыпать под стук дождя по крыше
И слышать, как шуршат на сеновале мыши.
Считать старательно секунды, как когда-то,
Меж вспышкой молнии и громовым раскатом,
И просыпаться на заре без принужденья,
Но не вступать в конфликты с собственной ленью.
Чтобы в лесу повеяло грибным дурманом,
А озеро встречало утренним туманом,
И дождь с жарой чтоб шли попеременно:
Вот так хочу прожить неделю я, примерно.
Без расписаний жить, без всяких обязательств,
А подчиняться лишь капризам обстоятельств.
Ну, отпусти, Господь, хотя бы на неделю,
Ведь это всё в твоих руках, на самом деле.

Ночные поезда

Не склонность к переменам
и не дорожный зуд
меня в края иные
настойчиво влекут,
когда, как раб к галере,
прикованный к делам,
я сонный уезжаю
из дома по ночам
через пустынный город
в потрёпанном такси
к вокзалу, над которым
звезда дорог висит.

В вокзальных лабиринтах
 то душно, то сквозняк,
 вдыхаешь спёртый воздух,
 не выдохнешь никак,
 и вдруг в тиши тревожной,
 где слышен сердца стук,
 невнятный громкий голос
 взрывает немоту:
 кричит про скорый поезд,
 затерянный в степях,
 вновь замирают тени
 от стрелок на часах...
 Вот чем бы ни блазнила
 попутная звезда,
 прошу, пусть Бог отменит
 ночные поезда.

Снега осели. Кончилась зима.
 Открылись все изъяны, ямы, свалки,
 В грязи увязли люди и дома,
 Оттаял мусор, медь в нём ищет сталкер.
 Промозгло, сыро. Съежилась душа,
 Вдыхаешь волглый воздух как отраву.
 Скажи, на сердце руку положи,
 Такая вот весна тебе по нраву?
 Поэтому прошу, не ставь в вину,
 Что не люблю я раннюю весну.

Т.

Ты сказала, что в жизни
 нету места стихам,
 и поэт — это лишний
 человек, пополам
 рвущий душу, опасно
 отвлекая народ
 от трудов ежечасных,
 от реальных забот.
 В век компьютерной гонки
 и глобальных идей
 ни к чему голос тонкий
 одиноких людей.
 Надо жить с целью ясной
 по законам земным,
 а не верить напрасно
 в ускользящий дым
 слов красивых иль горьких,
 в их волшебную нить,
 что разъятые дольки
 может соединить...

Да, не может, пожалуй,
лишь имеющий слух
кожей ритм в речке шалой
и мелодии звук
ощущает и слышит.
И в синкопе времён
он гармонией дышит,
божья искра коль в нём,
пусть мерцающая неярко,
сквозь крошечную тьму,
сохранилась. И жарко
на душе потому.

Февраль

1

Зима уже пошла под горку,
перевалила на февраль,
трещат сороки без умолку,
пригрело солнышко, но жаль,
что грязно-серая вуаль
покрыла город втихомолку.

И день, и ночь лопатой ловкий,
неутомимый кочегар
подбрасывал так уголь в топки,
в печах поддерживая жар,
что воздух над трубой дрожал
и дым валил без остановки.

Увы, зимой не пахнет даже,
коль ноздреватые снега
осели вперемешку с сажей,
лишь вера в новый снег крепка.
И пусть мороз прижмёт слегка
потом, но город станет краше.
А кочегар пусть пот пока
смахнёт и по лицу размажет.

2

Конец зимы. Я в городе чужом.
Буря метёт уже вторые сутки.
Ни зги не видно, только ветер жуткий,
срывающий крыши, воеет за окном.
Закрываются магистрали и пути
на севере, на юге, на востоке,
а на вокзале поезд одинокий
не может от перрона отойти.
Колючим снегом степь занесена,

бесчинствует зима на самом деле.
Вдруг твой звонок пробился сквозь метели,
и, значит, неминуема весна.

Чайка реет над помойкой,
Голубь гадит, где попало,
Оттого нам мало горькой,
Что лишились идеалов,
А у новых — запах гнили.
Может, верили мы в байки
И не так, как надо, жили...
Но с волны взмывали чайки.
Учит век: быть надо стойким,
Только все уроки — втуне,
Коль хохочут на помойке
В голос чайки-хохотуны.

Дымкою затянут небосклон
и трёхпалый лист роняет клён.
Осенью невидимо на плечи
давит ноша прожитых времён:
навсегда разлуки, редки встречи
с тем, кого запомнил молодым.
Стелется вдоль улиц едкий дым,
и, похоже, в этот тёплый вечер
бесплезны поиски звезды:
листья жгут и затопили печи.
Но грустить, ей-богу, не резон,
надо переждать антициклон.

Ещё не наступило лето,
Но столь нежданное тепло
Надолго на сердце легло.
Я благодарен Вам за это.

В сплошном кольце надсмотрщиков нет пахарю удачи:
На каждого по мытарю и ростовщик впридачу.

В истории — таких примеров множество —
Глубокий след оставили ничтожества.

Волкам плевать на бляньё баранов, на ужас в их глазах, на стук сердец,
Но крайне важно, чтоб приумножалось количество и качество овец.

Вперёд и до конца — любой ценой:
Величье замыслов и духа.
Жаль, результат, как правило, иной:
Руины, пепел и разруха.

Вся грязь всплыла со дна души
В эпоху подростости и лжи.
А, впрочем, помнит ли страна
Другого рода времена?

Зря карабкался вверх и боролся за приз —
Понимаешь в тот миг, когда падаешь вниз.

Иметь собственное мнение —
Очень часто преступление.

Мысль не убить — давно известно всем,
Но искалечить можно без проблем.

Есть у победы продолжение —
Обычно это поражение.

Большой апломб и самомнение —
Ещё не опыт поколения.

Ты защитил достоинство и честь,
На это документ с печатью есть.
Печать-то есть, но где же честь? Бог весть!

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

Всё в тебе и с тобой

*В обществе бойко толкуют о разделении властей —
судебной, исполнительной и законодательной.
Придумали термин о четвёртой власти — прессь.
Но есть высшая власть — ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.*

Плеб Успенский, 1877 г.

Обычно очеркисты выбирают героем своей новой публикации нестандартную личность, с каким-то неожиданным поворотом в биографии, с изюминкой, завораживающей читателя в ключе неожиданности.

Включение неожиданности может поярче раскрывать многогранность характера, помыслы и действия человека. Но зачем же так мучить себя, терзаться в поисках супергероя с семью пядями во лбу?

Все мы, человеки, во многом похожи друг на друга. Но жизнь каждого из нас малоизвестна, может быть, только какая-то драматическая встряска, беда может напомнить, что в отношениях мы созданы друг для друга.

А сама жизнь — калейдоскоп, в котором разноцветные стекляшки превращаются в причудливые узоры. У детворы моего времени эта игрушка считалась особым подарком, всегда восхищала. Шелохнёшь чуть-чуть цилиндрик — и цветные осколки переместятся и рисунок изменится. Он практически не повторяется. То перед взором снежинки из зелёного изумруда, то засверкают морской синевой, окрасятся нежно-сиреневым цветом. Значит, так уложились эти самые стекляшки, притёрлись друг к другу. А в зеркальной призме создают самые восхитительные узоры.

Согласитесь, вся наша земная жизнь — тоже чудо-калейдоскоп, с постоянно меняющимися красками. Узоры грандиозны, масштабны. Долго выбирал в этом человеческом калейдоскопе самое яркое искристое стёклышко, что бы отливало бриллиантовой чистотой. Наконец-таки нашёл, чего хотелось.

Мой герой Рашид Каиржанович Акимов — отнюдь не богатырского телосложения, невысокий, его статья — самая обыкновенная, лишена рекламной броскости. В нём нет и капельки напускного величия, чем сегодня страдает чуть ли не каждый второй. Бог наделил его главным — быть всегда земным и делать то, что очень нужно людям.

Отец ему как-то сказал:

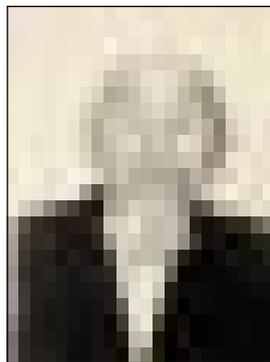
“Сынок, помни, что пахарь создан Всевышним для добродетельства. Помни постоянно о справедливости и совести. Степняк — человек несладкой доли. Любые блага добываются своим умом. И никогда не жди чудес. Единственное чудо на земле — хлеб. Никогда не изменяй ему. Кем бы ты ни стал и куда бы тебя ни заносила судьба”.

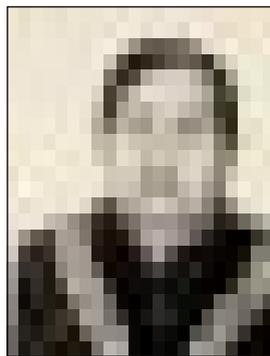
Он любил слушать суждения отца, прошедшего всё военное лихолетье, не раз глядевшего смерти в лицо. Призвали его за два года до войны. Первую солдатскую закалку получил в Кушке, давшей путёвку славы и храбрости не одному азиатскому юноше. Оказавшись в пекле сражений, Каиржан понял, что на нашей земле существует немало авантюристов, несущих разорение, готовых бросить в жертву всё ради своей личной корысти и возвышения. Философия отца залегла глубоко-глубоко в памяти сына Рашида, она стала указателем всех действий и поступков и всё больше привязывала его к земле, избавляла его от искушений, праздности. Установки отца стали детям Каиржана Акимова светлой молитвой.

Сквозь дымку времени вспоминается любопытная притча о справедливости, рассказ о некоем пустынноике, имевшем лошадь и льва. Конь-трудяга возил воду, дрова. А лев охранял его, выполнял роль караульщика. Однажды лошадь отошла в сторону, потерялась и пристала к каравану какого-то купца. У древних кочевников случалось всякое. Пустынноик рассвирепел и заставил исполнять всю работу льва. Несколько лет лев отбывал повинную и выполнял роль тягловой силы: катил тяжёлую арбу. Но однажды лев наткнулся на огромный караван верблюдов, нагруженных товарами. Хозяин каравана — ушлый купец, который несколько лет назад увёл пристающую к нему лошадь. Лев в ярости бросился на купца и заревел, будто по всей степи прокатился небесный гром. Купец в ужасе бросил всё и убежал без оглядки. Лев забрал лошадь и верблюдов и всех привёл в свою обитель. Пустынноику подвалило целое богатство. Рассказывая эту историю, отец часто спрашивал у Рашида: “В чём вина купца и прав ли пустынноик, овладевшим чужим имуществом?”

“Многие явления, которые происходят в жизни, требуют осмысления. Главное — не изменяй правде. Служи ей. Всё зло в жизни от обилия вранья. Враньё — оружие подлецов и негодяев”, — об этом часто вёл разговор отец с нами, с соседями, с друзьями по деревенской улице. Он любил размышлять о жизни без пафоса, потому что был очень земным. Он часто вспоминал своих фронтовых однополчан: и тех, кто остался на полях сражений, и тех, кто вернулся... Бессонница отца озаряет все наши беспокойные дни, — не спеша рассказывал мне Рашид Каиржанович. — Вспоминаю некоторые эпизоды, чтобы выстроить биографическую цепочку жизни всего рода Акимовых. До сих пор, — признался мой соседник, — мне просто не приходилось вспоминать публично о предках. Родители — это всегда трепетная тема... Наша семейная история переплетается с ерейментауской землёй. Байтас... 30-е годы. Голод. Для нашей семьи начались хождения по мукам. В результате дедушка, которого звали Аким, оказался на Иртыше, у самой границы с Омской областью, где жизнь оказалась сытней и теплей. Вблизи Кайманачихи

**Каиржан Акимов,
отец.**

**Карима Акимова,
мать.**

расположилось весьма благополучное село Уйгули. И всё будущее было связано с этим колхозом”.

И тут я не выдержал и признался, что хорошо знаю это чудное место на Иртыше. Здесь, можно сказать, оттачивалось моё журналистское перо:

“Здравствуйте! Сколько раз приходилось распивать чай и бешбармачить у председателя тогдашнего колхоза Муката Махамбетова. С какой широтой и добродушием он относился ко мне, молодому собору областной газеты “Большевистский путь”.

“Впрямь — мир тесен. Вы даже знали этого удивительного человека, которого все уважали за мудрость. Колхоз его гремел”.

Завеса прошлых лет как бы раскрылась, и в сердце постучались многие журналистские встречи и эпизоды, о чём тогда я писал. Газеты всех калибров: от самых крупных, известных, до районок, рассказывали о мирных делах только вернувшихся с войны. Фронтвые победы закреплялись высокими урожаями хлеба, разрасталось поголовье на фермах, где в то время господствовал изнурительный ручной труд.

Иртышский район считался рейтинговым, говоря по-теперешнему. Созданные ещё в 20-х годах первые советские зерносовхозы “Суворовский”, “Кутузовский”, “Северный” и животноводческий “Кайманачихинский” по сбору зерна не имели конкурентов. Разве только совхоз “Октябрьский”, из соседнего Максимо-Горьковского района, мог посоперничать с хлеборобами Иртышского района. И совхоз “Гигант”, что в Ростовской области.

Тогдашний секретарь райкома партии Павел Тихонович Антонов довольно часто выезжал в хозяйства, приглашая в поездку областного собкора. Как он выражался, “чтобы ощутить бесконечность и дух поля”. В своих репортажах я старался передавать этот созидательный дух пахаря и величие колоса.

Антонов был тонким политиком, не любил пустословия, интриганов, доносчиков. А ведь массовый подхалимаж всё-таки благополучно присутствовал и тогда, как и сегодня. Будучи волжанином, рабочим из Красного Сормова, он имел магическое влияние на всех сельчан. Был признанным лидером иртышской хлеборобской гвардии. Кабинет первого секретаря был открыт людям с утра до позднего вечера. Для всех находил время послушать, поговорить, утешить. Ему был присущ добрый крестьянский юмор.

Приехали мы как-то в Голубовку, довольно дальнее село от райцентра, в колхоз имени Ленина. Председатель Губа (запомнил имя) мне показался каким-то своеобразным, прижимистым, любитель подискутировать по любому поводу, посудачить и “побазарить”. Губа шустро стал жаловаться на жизнь, рассказывать о проблемах.

“Ты всё время плачешься. Как тебя люди терпят, такого хныксу. Живёшь одним днём, всё ноешь и ноешь. Хватит. Поехали в поле. Там и определимся”.

Картина, которую мы увидели, удивила нас противоположностью. Ничего панического не было. Хлеба стояли превосходные. Близилась уборка, и Губа решил, по-видимому, подстраховаться, схитрить малость: упрятать часть урожая. Едем-едем, Павел Тихонович что-то шепнул шофёру, и тот прибавил газу. И тут Губа вдруг спохватился: куда едем?

“Как куда? В райцентр. Заедем ко мне домой, борщом вкусным тебя покормлю. А то ведь заработались сегодня. С утра на колёсах. Проголодались”.

“Ко мне ближе. Поворачивайте в село”.

“Наконец-то, дошло, что надо хотя бы стакан чая предложить”, — Антонов довольно часто позволял себе такие шутки-прибаутки.

Мукат Махамбетов любую встречу начинал с предложения попить чайку. Он сам мог осушить целый самовар. Страдал сахарным диабетом и испытывал постоянную жажду. Но дело и он, и его люди знали хорошо. Уйгулинцы довольно часто брали на себя запредельные нагрузки. Антонов всегда ставил их всем в пример. По важным вопросам советовался всегда с Махамбетовым. Вообще говоря, прежние хозяйственники не страдались никакими знаниями, самых экстремальных ситуаций, которые довольно часто возникали в жизни сёл.

Семья Акимовых в Уйгулях была многодетной — 12 детишек. К нынешним дням остались десять. Маленького Рашида с трёх лет опекал дедушка.

“В нынешних семьях почему-то принижена роль воздействия дедушек с бабушками. А ведь когда-то у казахов это была норма: передавать ребёнку доброту и душевность. Делалось это неназойливо, не силком или грубыми окриками, что часть встречается сейчас. Откуда берутся брань, озлобленность, сквернословие? Сорняки бездуховности и цинизма сеют некоторые родители. И в этом им усердно помогают каналы телевидения. Много, что показывают, нарушает нравственные основы молодёжи. Духовный вакуум может обернуться огромной бедой. Детям в семьях перестали рассказывать сказки, петь колыбельные. Сунут ребёнку “сникерс” — и всё, будь здоров, малыш. А бабушки и дедушки открывали великий смысл жизни. Дедушка всегда твердил: нужно работать и работать.

Он сам шёл по жизни твёрдым шагом. Умер в возрасте 83 лет. А за год до этого он вместе с такими же аксакалами, как он, всё лето на пойменных лугах Иртыша вручную косил сено и заготавливал корма на всю зиму. При этом не кричал и ни на кого не жаловался. Нынешняя лень молодёжи укорачивает жизнь и отупляет мозги”.

Акимовых в Уйгулях почитали все: и старших, и детишек. Время приносило сельчанам постоянные испытания. Невмоготу понять, нужно ли было колхоз, где весь трудовой люд притёрся друг к другу, превращать в отделение Беловодского совхоза, который появился на базе Беловодской МТС. Что ни год — эксперименты. Все надеялись, что будет лучше, а получилось как всегда: через пень-колоду. А жизнь села всё увядала.

Рашид Каиржанович, бывая в Уйгулях, приходя к мазару, где покоятся дедушка с бабушкой, и, присаживаясь на корточки, молит Аллаха, чтобы его никогда не покидала теплота предков. Свои убеждения дедушка передавал и детям, и внукам, и всем односельчанам.

“Все мы — дети природы, — часто рассуждал он. — И человек, и скот, и травы степные. Мы вековечно привязаны к природе. Надо знать каждую речушку, каждый колодец, где можно попить коня или овцу, знать каждую ложину с густой травой”. Жизнь переменчива. Она летит стремительней летящего камня. Вековой опыт — это конечно, хорошо. Но необходимо обучение. Мир меняется, без знаний мы станем хищниками природы. Человек без знаний — засохшее дерево. Как видите, у всех нас живёт дух скотовода. Это с детства, — признаётся Рашид Каиржанович. — Поэтому мы с братом пробивались в Целиноградский сельхозинститут. Первые попытки были безуспешны: не прошли по конкурсу. Обучался я в казахской десятилетке, а пошёл на экзамены в русскую группу. Пришлось вернуться,

сесть на коня и довольствоваться положением пастуха. Но зато какая романтика!

Солнце только всходит, а ты уже в степи, ветерок утренний прошибает свежестью всё тело. Изучил характер каждой коровы. Хотел быть похожим на пастуха из фильма “Весёлые ребята”, где Леонид Утёсов с огромным арапником гонял скот.

... Ну а потом — армия. Забайкальский военный округ. Сержантская школа в Чите. После военного обучения попал в знаменитый Нерчинск. Там в подземельях отбывали каторгу бунтари свободы — декабристы. Помните: “Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье”. О людях, бросивших вызов старому мироустройству, нам рассказывали почти каждый день. И о преданности жён декабристов. Мы, курсанты, заучивали слова: “Оковы тяжкие падут.. и на обломках самовластья напишут ваши имена”.

Вернувшись после службы, я решил не испытывать больше судьбу.захотел стать простым трактористом. Но отец ни в какую: “Я люблю скот. И ты должен стать ветврачом. Ведь говорят, надежда — сладкий удел человека”. Ослушаться отца я не мог”.

Прошли годы. Где бы ни бывал Рашид Каиржанович, куда бы ни заносила служебная карьера, он ощущал солнечность, теплоту прииртышских раздолий. И нёс в сердце благодарность и дедушке, и отцу. На ветфакультете в Целиноградский сельхозинститут он всё-таки пробился. Причём сдавал экзамены на русском языке, в отличие от многих парней и девчонок коренной национальности. Преподавателями были весьма знаменитые учёные. Они замечали, с каким глубоким интересом парень вслушивался в каждую лекцию, с какой аккуратностью записывал в тетради главные положения. Они по-новому открывали студентам мир природы. Здоровые животные — фактор крепкого здоровья человека. Врач лечит человека, а ветврач — человечество. Эти слова академика Скрябина почти каждый день звучали в аудиториях, расположенных в Учхозе в посёлке Интернациональном, который когда-то отстроили высланные корейцы.

Животноводство в годы студенчества героя этого очерка на государственном уровне было провозглашено второй целиной. Все вновь созданные совхозы обрастали уникальными механизированными комплексами, площадками для интенсивного откорма скота.

Чтобы получать мяса больше и чтобы оно было вкуснее, рационы обогащались хлореллой, которая выращивалась в бассейнах. Варили брагу для повышения аппетита бычков. Скотники довольно частенько попивали эту брагу и ходили весёленькими. На ферме в Рождественке на семинаре показывали, как изготавливается паста из молодой кукурузы. Свиначки, очаровательные немочки, тут же сострили: “Теперь наши хрюши будут не только превращаться в сосиски и окорока, но и доиться. Масло начнём взбивать”. На некоторые фермы доярок и телятниц принимали на конкурсной основе. Мясокомбинат работал в круглосуточном режиме. У ворот создавались очереди на сдачу откормленного скота. Холодильники были забиты до самой крыши. Рефрижераторы не успевали увозить мясо, и никуда-нибудь, а в Москву, в Ленинград, в города индустриального Урала. Востребованность казахстанской продукции была повседневной и значимой. Один из популярнейших поваров Москвы, готовивший еду только для элиты, признался:

“Ваши бычки пасутся на чистейших травах, пахнущих цветами. В этих растениях неповторимые соки жизни. Выбираю для кухни только молоденькое мясо “белоголовой”.

Только в Учхозе, куда после института был приглашён на работу ведущим специалистом Рашид Акимов, содержались четыреста коров с 4-тысячным надоем каждая. Две с половиной тысячи свиней. И семь тысяч овец самых различных пород. В том числе уникальных кроссбредных, дающих тончайшую шерсть. Доярка Галина Михайловна Доценко была награждена двумя орденами Ленина. Такой же высшей наградой страны был отмечен труд другой доярки — Куляш Булебаевой.

Каждый руководитель целинного хозяйства считал своим долгом побывать в Интернациональном, чтобы посоветоваться с учёным человеком, посмотреть базы, полюбоваться ухоженным скотом. Рашид Каиржанович стал ключевой фигурой, и щедро делился опытом. При нём степь благоухала. В подросших посадках пахло густым настоем дикого горошка, донника, люцерны. Здесь прочно обосновались личные пасеки. Ну чем не рай?!

Ныне, к большому огорчению, все землевладения Учхоза превратились в территорию самовольного захвата, в пространство бурьяна. Ветры разносят отсюда на десятки километров сорняки. Вдоль дорог по пояс поднялись репейники и лопухи. Хотели свободу и суверенитет — получили всё это сполна. И расползаются чащи бурьяна во все направления от Интернационального. В этих диких глухих дебрях и развилась злополучная саранча, погубившая огромные хлебные нивы в своё время.

Акимов всю эту метаморфозу, которая произошла после него, называет одним словом: “Сволочизм”.

Тем не менее Рашид Каиржанович все годы, отданные учёбе и работе в Учхозе института, вспоминает с искренним трепетом и нежной теплотой. На четвёртом курсе к нему пришла любовь. Девушка из Кентау, Раушан училась на втором курсе. Чувства первых объятий. Ощущение будто ты в космосе. Синь неба. Невесомость. Тихими ночами они всматривались в небо, пытались определить звезду, которая должна была стать их жизненным ориентиром. Раушан стала ему Божьим подарком. Но на поверхность всплывали, как для всех молодых, те же проблемы.

“Не вздумай, сынок, бросать институт, — требовал отец. — Пока я крепок, учись вместе. Выбрось из головы, чтобы ты прервал учёбу и вернулся в село, а она продолжала учиться. Ты должен теперь сознавать больше и видеть дальше. Понял? Любовь надо хранить, лелеять, растить как нежный цветок. Это тоже работа — уметь любить. Мы отщипываем любовью от мира куски и соединяем их собою. Любовь — бессмертие”. Потом он настоял, чтобы я прошёл целевую аспирантуру в Витебском ветинституте. Каждый день учёбы обогащал такими знаниями, о которых многим и мечтать не приходится. В этом институте преподавали 21 профессор, имена которых имеют мировое значение.

Честно говоря, нет дня, чтобы я не вспоминал прекрасную белорусскую землю. Храню расписание авиалиний, чтобы при первой возможности утолить тоску, слетать и поклониться этой ветеринарной Мекке. Я учился, зная, что моя нежная Раушан растит троих детей”.

Перестроечные мытарства Рашид Каиржанович испытал в полной мере. И по сей день ему приходится выбираться из многих тупиковых ситуаций. Развал могучей страны, разрыв связей. Слишком просто, облегчённо

воспринималась возможность обрести выгоду и зажечь в условиях рынка. Наивная вера в доллар оказалась сильнее идеологии коллектива, дружбы, братства. И село оказалось бедной Золушкой. Город диктовал крестьянам, да и по сей день диктует цены на хлеб, запчасти, горючее и стройматериалы. Об этом много пишут и говорят, а воз остаётся и ныне там.

В те годы в каждом доме, как проклятие, звучало злое слово “бартер”. За цистерну солярки, добытую левым путём, нагло требовали целый гурт скота. Не грех здесь вспомнить горькую участь некоторых директоров, которых криминальные молодчики брали на “счётчик”. Многие руководители стали мучениками новоиспечённых агробаронов. Они не выдержали шантажа, и во имя спасения детей, семей пошли на самоубийство. Светлая им память...

Бартер нёс людям гибель. Акимов в это время оказался руководителем ведущего района области — Целиноградского. Людям он часто напоминал слова Горького: “Всё минется, одна правда останется”. “Пока солнце не взойдёт — роса очи выест”, — слышал в ответ.

“Не выест”.

Опирался он, конечно, на золотарёвский опыт, известного целинника Евгения Михайловича Золотарёва, многие годы проработавшего в районе, воспитанника Николая Ефимовича Кручины. Стиль Акимова — открытость, идеальная личная честность и порядочность, уважение окружающих его людей. При нём район сохранил свои посевные площади, структуру производства. Сеяли сильную и твёрдую пшеницу, крупяные культуры, картофель, возделывали овощи. Руководство области и республики заметили интеллигентность районного акима, его умение вести диалог с сельчанами и давать отпор тем начальникам, которые стремились как-то прилипнуть к делам района ради личной наживы.

Однажды его вызвали для серьёзного разговора в областной центр.

— Рашид Каиржанович, есть необходимость перевести тебя в Щучинский район. Понимаешь, Боровская зона — особая территория. Всё там гибнет. Нужно сохранить природу. Для всех казахстанцев это — царство красоты, зелёная симфония. Президент собирается превратить эти места в зону туризма и отдыха. Начнётся строительный бум. А когда лес рубят — щепки летят. Ты — человек, любящий природу, землю. Надо поработать и сохранить всё это.

В те годы Акмолинской областью руководил человек со светлой душой, истинный целинник, прошедший испытания производством Сергей Витальевич

Н. Назарбаев, Р. Акимов, С. Кулагин.

Кулагин. Благородство ему передала мама, которая до сих пор живёт в селе Петровка, при всём высоком положении сыновей. Это был прекрасный семейный пример любви к земле. И к советам такого человека Рашид Каиржанович не мог не прислушаться.

Новый район с 80-тысячным населением принял нового акима без обычного сопротивления или равнодушия. Можно сказать, даже с оптимизмом. В одном Щучинске проживало тогда почти 20 тысяч пенсионеров. Многие стали ворчунами. Это хорошо понимал Рашид Каиржанович, обеспечивая щучинцев необходимым покоем. Свежесть леса... Всё это было. Но необходимо было всю эту благодать открыть людям. Человек должен уметь пользоваться творением Всевышнего, приучить всех сохранять в лесу всё живое. Убил зверя — убил часть природы. А любителей полихачить, показать свою “крутость”, мнимую значимость, возвеличиться, мило провести время со своими любовницами было много. Нет-нет да раздастся телефонный звонок высокой персоны:

“Выезжаем. Приготовьте достойный стол, да ещё с французским коньячком”.

Дело дошло до того, что газета “Казахстанская правда” была вынуждена выступить с критикой таких “любителей” природы. После публикации аппетита немного поубавились. В выходные дни по личному требованию Президента закрываются шлагбаумы на дорогах для машин государственных чиновников.

Более важным для себя Акимов считал укрепление позиций экономики, социалки. В 1999 году район собрал на круг по 20 центнеров зерна. Появился президентский указ о передаче Национального парка “Бурабай” под охрану государства. Развернулось строительство казахстанского “Артека” для детей.

Такие руководители, не знающие личного покоя, своего рода фанатики, постоянно используют высоким руководством на прорывных участках. И, по-видимому, мудро поступил тогдашний аким области Мажит Есенбаев, человек с острым государственным чутьём, назначив Акимова градоначальником Кокшетау.

Летопись жизни этого города продолжается уже почти два столетия, а точнее — указом императора Александра I летом 1822 года на этом месте был создан опорный пункт-форпост. Уже через два года были открыты два округа — Кокчетавский и Каркаралинский.

Весной 1824 года на многочисленном собрании казахов торжественно был открыт Кокчетавский окружной приказ, начальником которого избран Габайдулла Валиханов.

... Близость людская... Ощущение, что ходишь по земле, по которой ступали мудрый Аблай-хан, революционер-ленинец Валериан Куйбышев, Сакен Сейфуллин, академик Вернадский. Они дышали этим же воздухом, запахами цветов, которые и поныне расцветают у синих озёр. Это чувство греет. Надо уметь радоваться каждой былинке. Сколько размышлений приходили к новому мэру Кокшетау. По счёту он уже был девятым. Особенно после встреч с людьми, приёма их. Почти каждый приходил со своими проблемами, горестями, беспокойством.

“Наше бешеное, судорожное время довольно часто порождает бездушные. Нам некогда улыбнуться старику, ребёнку, встретиться с другом детства. Я уже вам признался, что тоскую по Витебскому ветинституту,

который мне открыл мир природы. Мои родители высоко чтит мораль и нравственность. Я уже не говорю о величии Победы, которой скоро 65 лет. Те же солдаты не ожесточились на войне, они были сердечны, сентиментальны. Разве сейчас услышишь такую задушевную песню, как в годы военных испытаний? Потому и должны мы уважать прошлое”, — говорил мне на встрече в Кокшетау Акимов. Радуюсь, что при нём город хорошел, становился солнечней. Он хотел, чтобы каждая улочка, каждый двор превращались в цветники или в скверик. Ему хотелось сохранить умеренный ансамбль города, гармонию с природой. Расположенная вблизи сопка по инициативе Рашида Каиржановича засаживалась соснами, липами, черёмухой. Нельзя, чтобы земля пустовала, чтобы по ней проносились пыльные ветры.

Слушая Рашида Каиржановича, я припомнил гору, расположенную в центре знаменитой Кармелевской долины в Израиле. Она засажена породами деревьев, завезённых сюда со всех континентов Земли известным миллиардером Ротшильдом. Теперь на Святую обетованную землю приезжает люд со всего мира, чтобы увидеть созданный главным капиталистом мира земной рай. Старый миллиардер придумал проложить аллею даже для слепых. Они прохаживаются по ней и точно определяют по запаху, где цветут розы, мята, экзотические лилии. Дети миллиардера перенесли прах своего отца в специальный склеп, который высится над морем и этой чудесной виноградной долиной. Люди благодарно кланяются ему, и дай Бог, чтобы когда-нибудь с такой любовью кланялись нынешним олигархам. Но в одном я убеждён, что кокчетавская сопка превратится в живой изумруд в короне города.

По числу памятников, мемориальных композиций и различных музеев Кокшетау занимает, пожалуй, ведущее положение в республике. Эти знаки — благодарность эпохи тем конкретным героям, жертвовавшим всем во благо будущих поколений. А градоначальник, как известно, в ответе за всё: и за протекающую у кого-то крышу, и за неубранный мусор строениями, и за толпу, образовавшуюся у стоянки автобуса. Кстати, знаете ли вы, что отличает англичанина от русского? Когда у англичанина протекает крыша, он засучивает рукава и лезет чинить эту крышу, а наш мужик строчит жалобы во все инстанции.

... Осеннее увядание. Дожди. Брызги грязи. У комхозовцев начинается момент пробуждения. Рыть канавы, сваривать трубы, укладывать фундаменты, будто лета не хватило. Пришлось занять жёсткую позицию, чтобы все работы по благоустройству городского хозяйства завершились до листопада.

Люди уважали Рашида Каиржановича за умение решать даже самые трудные дела. Они тянулись к нему, а его тянула всё-таки ширь полей. И те фермы-крохотульки, которые каким-то чудом уцелели. Масло в огонь подливал его добрый друг, известный в Казахстане хозяйственник Иван Адамович Сауэр.

“Рашид, земля по тебе скучает. В Щучинске ты был “главным официантом”, а в Кокшетау “главным дворником”, — подтрунивал он. — Хватит. Как поют итальянцы: “Вернись в Сорренто!”. Скотовод не должен жить на асфальте”.

Акимов давно всеми чувствами, разумом ощущал зов земли, деревни, правда, искорёженной, униженной перестроечными экспериментами.

Новым поколениям придётся ещё долго пожинать плоды неразумных действий резать по живому. Люди сёла побросали, их между собой поссорили, лишили многих прежних благ: детских садов, школ, библиотек. Многие даже потеряли свои земельные паи, и само село стало им чужим. Рождение ребёнка стало целым событием. А ведь детки — единственное чувство привязанности к жизни. Чем ребят гуще, — старикам помереть надёжнее. Ведь не зря говорили: “Коль баба порожня или девкой ходит — быть недороду. Жди голоду”.

У того же Сауэра в “Родине” дети рождаются как из рога изобилия, и потому у него людям живётся богато и в большой радости. Селу придётся пройти целую эпоху возрождения, благо, что сейчас высшее руководство Казахстана находит ресурсы для поддержки села.

И произошло то, что, по-видимому, должно было произойти.

К этому времени главой области был назначен молодой промышленник из Лисаковска — Альберт Павлович Рау, с ярко выраженной немецкой хваткой и деловитостью, пунктуальностью, подтянутостью. Назначая его, Президент страны поставил главную цель: создать в области мощную продовольственную базу. Хватит завозить со всех краёв и весей, чуть ли не из самой Австралии, продукты животноводства.

В разговоре с Акимовым Рау задел ту струнку, которая напоминала о прошлом.

“Это верно, Рашид Каиржанович, что, будучи пастухом, ты одним свистом мог собрать целую отару овец или коровий гурт? Говорят, что это хорошо получается у каждого пастуха”.

“А что вы думаете, животное тоже существо с понятием: оно привыкает и к свисту, и когда разговариваешь с той же бурёнкой”.

“Вот я как раз об этом и говорю. В области надо свистнуть так, чтобы, наконец, в районах скот появился и петухи в сёлах закукарекали. Я понимаю, что по шучьему велению ничего не делается. Но я убеждён, что у тебя получится”.

Акимов полтора года назад стал главой Астраханского района, и встретили здешние сельчане его, как крестьяне встречают весну со всей её благодатью.

Люди поверили, что к ним вернутся справедливость, правда, уважительность к тем, кто служит земле, увесистому колосу. В сельское производство района пошли финансовые потоки. На лизинговой основе приобретены десятки новых уникальных почвообрабатывающих комплексов. Стали завозить удобрения. Реанимируется животноводческая отрасль. В этой работе у него много единомышленников, появились состоятельные надёжные инвесторы. Например, заброшенные земли совхоза “Образцовый” превратятся в поливные картофельные плантации. Они переданы крупному специалисту картофелеводства Евгению Илларионовичу Шишову. В Камышенке появилась молочная ферма. А в Колутоне, где много лугов, появится ферма мясного направления.

Нынешним летом хлебные поля района занимают триста пятьдесят тысяч гектаров. Вот он, астраханский размах, и, конечно же, личная энергия Акимова.

Много сейчас разговоров о глобальном финансовом кризисе. Слово “кризис” употребляется по поводу и без повода. Вот с каким мнением на этот счёт выступил доктор сельскохозяйственных наук, уважаемый аграрий

Галим Кулжанович Кудайбергенов на предпосевном совещании, куда его пригласил Акимов:

“Американцы, которые придумали этот кризис, живут в своём формате. Там всё завязано на долларе. Да, остановились некоторые конвейеры по выпуску легковушек, затормозилась работа на предприятиях, связанных с электроникой. Но мы-то казахи. Мы с вами не выпускаем холодильники, не связаны с высокими технологиями. Мы производим те продукты, которые даёт наша земля. И просто смешно слушать о безработице на селе. Поэтому я утверждаю, что у многих сельчан кризис в голове. Все дворы в сёлах частные. Посмотрите на некоторые огороды, палисадники, улицы — там одни сорняки. Причём здесь кризис? Чтобы вырвать эти сорняки, не надо много ума. Чтобы поправить покосившийся забор, побелить домик, убрать навоз, посадить яблоньку или куст смородины, не нужны никакие доллары. Возьмите молоток, гвоздь, лопату, и сохраняйте те традиции, которые идут от наших дедов. За всем этим наша лень-магушка. Я много ездил по миру, видел, как крестьяне обрабатывают землю. Они пахут — я тебе дам. Он, жена, дети — вся семья. Извините, но мы часто запрягаем телегу впереди лошади”.

Акимов оказался на гребне разных эпох и больших перемен. Но он не бросает камни в прошлое. Это совершенно не присуще казахам. Эта нация никогда не отворачивалась от прошлого, и тем сохраняла целостность степи и цивилизацию. Говорят, что генералами не рождаются. Считанные воины становятся полководцами и руководителями. Становится лишь тот, кто сердцем может понять другого. Нужны щедрость души, разум. Узкий мирок собственных благ, равнодушие к другим — это гибель. Недавно в Астраханском районе школьниками начаты интересные акции “Капелька” и “Чистый родничок”. Детвора находит родники на Ишиме, других речках, расчищает их, обновляет им жизнь. И эта связка человека с природой, несомненно, принесёт добро.

Как-то при разговоре о жизни и внутреннем психологическом состоянии этого интересного человека Рашид Каиржанович протянул мне стихотворение малоизвестного автора, в котором отражены его чувства. Хотелось бы, чтобы все прочли эти строки, в которых такие глубокие мысли:

*Тополя вырубают. Такое обычное дело —
За назойливый пух, что в шоне летит высоко,
И кружит по дворам, и змеится позёмкою белой,
И по солнечным лужам плутает среди облаков.*

*Тополя вырубают. Всё, кажется, просто и ясно.
Их так долго терзали дожди и снега, и ветра,
Что костистые ветви к земле наклонились опасно,
Отслужили, отжили,
Должно быть, и правда — пора.*

*Отчего же тогда по-сиротски безмолвно тоскует
Неуютное небо среди оголившихся стен,
И всё кажется мне — это долгую память людскую
Вырубают живьём, ничего не сажая взамен.*

Необходимое дополнение

Не скрипучей телегой, а локомотивом быть селу

В требовании главы государства быстрее наполнить наши магазины и продовольственные рынки добротными продуктами питания с собственной нивы и фермы, сада и огорода, большое людское беспокойство. Оно должно встряхнуть все государственные структуры, активно включиться в процесс вливания новых сил в село и превратить его в мощный локомотив экономики страны.

Зачем производить “Вольво” и “Мерседесы”? Зачем строить “Боинги”, если можно занять ведущее место и весьма благоприятные позиции на мировом рынке зерна и мяса в пору возможного продовольственного кризиса.

“Кризис как сель. Он смыкает слабые плотины, а сильные остаются”, — сказал Нурсултан Абишевич Назарбаев в одном из интервью.

Продовольственный пояс вокруг Астаны является особым поручением Президента. Он должен стать тоже своеобразной плотинкой, источником обилия.

Астраханский район несомненно займёт достойное место в этом проекте. Нынешний первый руководитель района Рашид Каиржанович Акимов второй год возрождает то, что было порушено, концентрирует волю и разум сельчан на необходимость превратить каждый клочок угодий в живую землю.

Сразу же после нуротановского съезда, в котором участвовал Акимов, я записал откровенный разговор с ним о происходящих в деревне переменах.

— Есть такое выражение: “Откуда пошла земля русская?” — напомнил я старинную притчу Рашиду Каиржановичу. — Кстати, почему редко кто задумывается о точке отсчёта героических целинных свершений? Подвига, которому сегодня 55 лет. Который, к сожалению, похоронен конъюнктурщиками. А ведь именно Астраханка — тогдашний Новочеркасский район стал началом начал грандиозного рывка страны к большому хлебу. Да, были предвестники надежды. Вспомним ленинские слова: “К югу от Омска и Оренбурга простираются огромные степные земли, ожидающие тепло крестьянских рук...”. Шёл год 53-й. Продовольственные проблемы превращались в противостояние, в озлобленность людей. Войну выиграли, а бесхлебье не можем одолеть. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС того года Никита Хрущёв раскрыл всю подноготную, причины хронических голодух в деревнях. Стало ясно, что продовольственная судьба страны зависит от казахстанцев, омичей, алтайцев, от крестьян уральских регионов и Заволжья.

Зимой 1953-1954 годов Никита Сергеевич снарядил в Акмолинск группу своих помощников, чтобы углублённо разобраться, сопоставить все “за” и “против”. Порученцы Хрущёва по заснеженным дорогам пробрались в Новочеркасский район, чтобы взять пробу земли, поговорить с теми, кто живёт в этих краях чуть ли не со столыпинских времён. Новочеркасцы никогда не испытывали нужду и никогда не жаловались на жизнь. Трудолюбия им не надо было занимать. И обилие в каждом доме буквально поразило элитных москвичей из самых высоких верхов. Всех продуктов было

столько, что невозможно их было съесть до нового урожая. Но тогда были различные заготовительные организации, и они закупали остатки продукции подворья. И прежде всего, не дремали сельхозкооператоры, которые, к сожалению, оказались невостребованными в сегодняшних условиях. К чести россиян, белорусов, прибалтов, там сохранилась потребкооперация, и она процветает, у них прочный альянс с самыми изысканными европейцами, теми же финнами, французами, австрийцами, шведами.

В одном из сельских домов гости Москвы увидели связки кукурузных початков. Знаменитый академик счёл это даже фантазией. И попросил несколько початков, чтобы преподнести Хрущёву. За застольем москвичей угощали бочковым разносолом, поразительно вкусными солёными арбузами, а на чай подали варенье из вишен, сливы, пироги с начинкой черёмухи и облепихи.

“Земля у нас благодатнейшая. Если поднатужиться чуть-чуть миром, утрём всем нос. Хлебом обеспечимся под самую завязку. Так и передайте Никите Сергеевичу”, — свидетелем этих встреч и разговоров был тогдашний первый секретарь райкома партии Александр Иванович Липитюк, который вскоре весной 54 года на станции Джалтырь лично встречал первого руководителя страны. Кстати, он удивил Хрущёва ещё одним любопытным сообщением: на территории района археологи обнаружили множество примет древнейшей грандиозной оросительной системы. Выходит, и тысячи лет назад здесь люди добывали пропитание.

О продовольственном поясе вокруг Астаны ныне ведётся немало разговоров. Люди шарахаются от сегодняшних цен на завозные продукты из самых далёких стран и весей. Надо же: завозить сыры из Австралии, а мясо из Мексики и Аргентины. Импортные продукты практически недоступны большинству. И качество их тоже вызывает сомнение. Замороженные, пролежавшие в каких-то хранилищах, они потеряли и вид, и вкус.

Акким района целиком и полностью согласился с моими доводами и сказал, что астраханцы не имеют права не участвовать в проекте, который должен улучшить жизнь горожан. Многие сельчане привозят в Астану продукты личного подворья и все отмечают их высокое качество. Все они делаются по-домашнему. Но в реализации много стихийного. Всё зависит от перекупщиков.

— Район располагает весьма солидными земельными запасами. Пашни и луга раскинулись на площади полмиллиона гектаров. Уже нынешней весной засеяли зерновыми 330 тысяч гектаров. Нам удалось восстановить размеры хлебного поля героических целинных лет.

Ширь степная безбрежна. Много лугов и пастбищ. Поэтому взялись активно восстанавливать крупные фермы. В Камышенку завезли молочный скот. Там будет содержаться восемьсот коров с удоем 4-5 тысяч литров молока в год от каждой. На этой ферме уже получен приплод от племенного ядра. Технология доения и переработки молока российско-немецкая. С созданием фермы село будто пробудилось.

— Действительно, без привычных ферм и многих гуртов вокруг посёлка село выглядит необитаемым островом. А мы на нём неприкаянные робинзоны.

— Телёночек, крохотулька ягнёнок, малюсенький жеребёнок — через них крестьянские дети прикасаются к живой природе. Поэтому камышенцы восстанавливают заброшенные скотобазы, перестраивают их

по-современному. Преображаются и заливные луга на реке Колутон. Нам пришлось закупать семена и луговых культур, и для возделывания кормовых в богарных условиях. Суданка, например, даёт высочайшие урожаи. Именно на Колутоне появится ферма по выращиванию и откорму мясного скота. Хотелось бы, конечно, сделать ставку на нашу казахскую белоголовую породу. Но не так просто сегодня купить первичный материал. Чистокровная белоголовая стала редкостью. Тем не менее, в той же Первомайке и в Острогорском сельчане намерены серьёзно заняться откормом. Будет восстановлено производство сливочного масла и сыров в Новочеркасском. Мы там провели реконструкцию старых производственных мощностей и закупили новое оборудование.

Глава района рассказал о том, что все сельчане с энтузиазмом восприняли антикризисную программу, изложенную Президентом Казахстана. Сделан серьёзный крен в сторону поднятия экономики сёл, чтобы они превратились, наконец-таки, в источники качественных продуктов питания. Есть живой пример, о котором можно рассказывать с особым восхищением. Год назад не стало одного из создателей крупного хозяйства по производству баранины, конины, картофеля. Все помнят доброе имя Кайредена Карбаева. Он создал на своей потомственной земле несколько ферм, по существу перестроил село, создал людям все социальные блага. Численность лошадей в его табунах уже достигает тысячи. В отарах две тысячи овец. Без посредников эта фирма продаёт экологически чистую продукцию в универсамах “Цесна-Астык”. Дело отца сейчас продолжает его сын — Кабиден.

На территории Астраханского района два хозяйства с примечательным названием: Зелёное и Ягодное. Память людская сохранила немало фактов щедрости самой природы, например, в Ягодном люди собирали вёдрами дикую клубнику, ароматную, богатую витаминами. Её сушили на зиму, варили удивительно вкусное варенье. Люди лечились отварами этой чудо-ягоды. Ныне аким района призвал сельчан вернуть степи эту щедрость.

Первоцелинники, выстраивая первые улицы, обживая степь, разбивали около своих домиков вишнёвые, яблоневые сады. Выращивали малину, крыжовник, смородину. Хозяюшки разводили коз. Приготавливали брынзу по самым хорошим крестьянским рецептам. Астраханский чеснок сохранял свою свежесть от урожая до нового урожая. Из него плели косы. Неужели всё это унесено ветром времени? Нет же. Люди любят землю. Приходит прозрение. Так что село не останется всё-таки скрипучей телегой.

... Первый этап хлеборобских дел завершён успешно, и сама “небесная канцелярия” отблагодарила людей за усердие щедрыми дождями. Они залили астраханские степные дали в самом конце мая. Просторы зазеленели. На фоне этой густой зелени трогательно смотрятся грациозные пары серых журавлей, нежно оберегающих свой выводок. Вот она, настоящая любовь земная, уроки природы как выстраивать людские взаимоотношения.

Журавль на поле — быть году хлебным.

г. Астана.

Сергей ШЕВЧЕНКО

“В терпкий бег
отпущены поводыя...”

Предвечная

Из капель непреложных соответствий
была сотворена восходом мира,
когда ещё к воде струились сети —
непойманных словес искала лира.

Предел песка, такой прекраснодушный,
выдумывал следы твои и ленты
шагов. И праздновали лужи
своё высвобождение из тлена,

и, отразив твои персты как знаки
ещё не обретённых аллегорий,
вода стремилась к Солнцу, так же заки
взбирались ввысь объятями нагорий.

И, сосчитав все бусы из ракушек,
ты нитку пропустила в гласных слов.
Закат играл. И ветер был послушен
велениям распущенных волос

твоих. И ты в ладонь Начала
песок лила наивнейший на свете.
Закат играл. Ты вечер сочиняла
из капель непреложных соответствий.

Волошин

Круги руин похожи на круги.
На кольцах дня ты в роли акробата
читаешь силу обречённых крыл,
в мозолях ощущается лопата.

Уже захлопнут киммерийский Крым,
как табакерка в складках у халата.

Все времена похожи — что рука
ребёнка с горстью взрослого пожалась.
Вдали огонь, степной разброд, угар
и крики птиц, давящие на жалость.

Уже завешан красным авангард —
мигающий необретённый жалюзь.

Ничто не сможет силу обратить
в иное, чем победа половодья
над старой дамбой. Вот, фитиль, утиль —
во все пожары брошенная сводня.

Уже в твой дом заправлены пути,
но в терпкий бег отпущены поводья.

Руда толпы, бросая красный шлак,
вбиваясь в здания, корёжит коридоры. —
Он отзвуком смирил тяжёлый шаг —
поэт наоборот нам тем и дорог.

Уже Волошин бьёт в хрустальный шар,
он созерцает призрак Термидора.

Мой дом — это фрегат, я ищу корму,
я смотрю в окно, лбом припав к окну,
там Герасим-месяц топит ночь-Муму,
опускаю тюль — лучше быть одному.

Месяц — нелепый крюк, вешаться — только ведру,
остальным — чихать, ёжиться на ветру,
я встаю, иду, сияясь заснуть к утру —
это нелепый труд — я всё равно умру.

Лёгок твой телефон, трубка моя тяжела,
видно, insult в мозгу руку отнял; желать
вечных движений себе — это пиво, жара,
задремавшая рядом не твоя жена.

Всё известно давно, всё доказал Эвклид,
или Эсхил — продавец вечных каменных плит;
литфонд хорош лишь без приставки “лит” —
что мне до него? Сердце не зря болит.

Гоголь

Зима. Снег загрязняет центр прихожей,
как кровь брачное — простите — ложе,
как пейзаж на фото незнакомая рожа.

Если знакомая — хуже. Трогай, —
как сказал птице-тройке писатель Гоголь,
птица клюнула в темя, стала кусаться — погань.

Зима. Грачи, ремонты, пляжи отшумели.
Жена сидит и греет руки об шар-пея,
прикручивая пуговицу к шинели.

К Гоголю стучатся в двери, говорят: “Вам повестка в суд, в военкомат, возможно, на крестный путь” — он подпишет, ирония неуместна.

Он пойдёт туда, и его ограбят — лишь потрогает волосы жестом крабьим, возвращаясь писать арабески. Араба

он не видел — в лакеях разве.
В прихожей поймёт, плача развязно,
чётких границ меж слезами грязью

нет. В духовке сгорает забытый ужин,
пожар с криком “Папа” рвётся наружу,
и Гоголь, спасаясь, садится в лужу.

“Лучший моряк не умеет плавать, Синдбад
тоже не плавал, он ходил по воде, как по суше”, —
думал Гоголь в замёрзшей прихожей. Зима.

Декарт

Когда-то этот мир был лишь эпитаф
к иному миру. К трём его томам.
Но некто приобрёл зевок сома
и прекратил записанные игры.

Тогда мятежники сходили за деталь
ландшафта. Времени без места.
Упали в ад сыны из чувства мести
и плакал Бог-Отец — Дедал.

Распятые — друг систем координат —
выклянчивало творчество из твари.
В лесах бродил свободным минотавром
тогда ещё непонятый Декарт.

Он влагу пил из конусов сосулук,
и горло гоготало от истерик,
чтоб в вихре нерасправленных материй
не зарекаться от Cogito ergo sum-а.

Прометей

Наугад вскинет брови
надувной полускомканый Бог,
он как нежить стоит над бассейном
замороженной в точку реки,
он не Гуд и не Робин,
просто компас его
указал на леса и на брови, и к сернам
отражением летят кулики.

Одинокий он, как нераскрытый букварь,
незакрашенный угол раскраски, —
он упал в свою мимику с верой бруска
в буратинно-столярные сказки.
Он скоблит свои сутки
полётом орла,
но он ладит скорей
с ртами певчими;
в старой кожаной куртке
грустит как коралл —
он прикован к скале
своей печени.

Рафаэлический сонет

Косули ночи
бежали к Сикстинской Мадонне —
открыто и безвозмездно
к младенцу, что гол и нетрезв.
Ему слышен голос: “Сыночек,
не удаляйся от дома” —
а он смотрит в нежную бездну
и видит там только крест.

Из всех ксерокопий распятыя
он выбрал, что с яблочным вкусом,
с непойманным вкусом форели, —
наш мир — только блики на платье
Мадонны, что ждёт с Иисусом
сошествия Рафаэля.

Босхианский сонет

Творился в небе переменный ток,
а ты стоял, как мёртвый трансформатор,
предполагал, что он ударит вбок,
подобно коннице у скифов и сарматов.

Но он рассёк твой симметричный мозг,
не надругавшись над приличием и носом,
повис на молнии — как на хвосте опоссум —
и вновь прозрел. Ты снова Босх.

И приходя в холодный храм,
ты вновь падёшь перед иконой,
но ревматизм и пол бетонный —
и по холстам, как по коврам,
ты удаляешься в бездонный
двумерный мир ужасных функций.

Ночь — это чёрным когтём разбитые соты,
пасечник — тоже медведь, но иного сорта:
не бурый, не белый — цвета закатных сопок.

Ночь, как молебн; полиглот монастырский
видит взошедший промасленный сырник
и зёрна без плевел — светила без смысла.

Его длинный взгляд плачет цветом кагора,
там причастием вьелись Златоуст и Григорий
Богослов — епископ — а важен ли город?

Чтоб писать и креститься, хватило б трёх пальцев —
остальными играть на гитаре, ковыряться в ухе;
руки мёрзнут, и лучше не просыпаться,
а если проснулся — пожелай “ни пуха”

сему миру, а будучи послан
с палаткой, как делал апостол
Павел, увидевший Рим, а после —

тюрьма, наглые урки, подвалы,
тусклая ночь — елей без мёда — сварен —
ищешь тесных и прожитых спален.

Ночью твой пульс заменяет капли,
солнце всё дальше — неправ был Коперник,
вертишь чётки ударов, и молишься: “Верь мне...”

Эволюция

В душе выживают лишь сильнейшие,
кто небесный свод сумеет вынуть,
сделав из него не богवेशалку,
а коровы солнечное вымя.

Он войдёт и станет плакать хлоркою,
и садиться будет больно очень —
страшно относиться к типу хордовых,
но страшней — к подтипу позвоночных.

Будет прыгать в рвении приватном
по верёвкам бельевым, как дождь по веткам —
страшно перейти в отряд приматов,
но страшней остаться человеком.

Бреясь беспилотной бритвой,
в зеркале увидит спящий бицепс —
не умея утонуть, как рыба,
страшно осознать, что ты не птица.

Как ребёнок куклу с паской, с блюдцем
 позабыл, вбегая в новый вектор,
 так спеша к обеде, эволюция
 бросила в парадной человека.

Он устроил там кафе и душевые,
 мощных кладбищ крестные активы,
 чтобы некоторые, может быть, живые,
 не любили чувства перспективы.

Он лицо не вывернет наружу,
 умываясь, будто моет сердце —
 человек, он для того и нужен,
 чтоб не дать засохнуть полотенцу.

Миллионное молчание

На расстоянья аховые —
 коррозия молчания,
 бегут ушные раковины
 в молчании о Чацком:

Карету мне, как в Лету
 кануть —
 хоть на диване,
 как бьёт безусый рекрут
 по Оливеру Кану
 и забивает.

Свет выключен — два квантика
 глазами можешь слузгать —
 молчит Сибирь и Аттика,
 как мантия
 моллюска.

Молчанье без подробностей —
 глубокое, как пепси,
 большое, как бьют Бритни,
 и в комнате, как в омуте, —
 компьютер бесполезен,
 молитвенно спит принтер.

Среди ночей, перронов
 оно бредёт как мальчик,
 из “дай” сплетая “нате”,
 из короля — виват
 на Лигу чемпионов, —
 пока никто не плачет.
 Пенальти.
 И финал.

г. Костанай.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-7 за 2009 год)

8 марта

Ирак разрешил своим казахам вернуться на историческую родину.

Опубликовал в праздничном номере материал, подготовленный на основе собираемого мною не один год досье под условным названием “Мужчина и женщина”. Там есть такая, например, история. Молодые англичане, полюбив друг друга, решили пожениться, когда ей было 26, а ему 24 года. Однако мать невесты категорически возражала против этого брака, и они расстались, но продолжали мечтать друг о друге. И после смерти матери Элюд (так звали англичанку) много лет искала своего возлюбленного и нашла — через журнал пенсионеров — в возрасте 86 лет. И они обвенчались. “Слава Богу, — воскликнула Элюд, выходя из церкви, — а то я боялась умереть старой девой”.

Или вот ещё: самому старому иранцу исполнилось недавно 154 года. Его последняя — седьмая по счёту супруга моложе его на 100 лет. У него 211 внуков. Больше 70 лет он проработал кузнецом, всегда любил поесть, отдавая предпочтение мясу.

Американка Л. Чандлер в свои 51 год 22 раза успела побывать замужем. И не собирается останавливаться на достигнутом.

Один швед несколько лет работал в Нигерии, где дважды женился, что не противоречит тамошним законам, а потом привёз обеих жён в Швецию. И здесь у него начались проблемы — его чуть не уpekли за решётку за двоежёнство. И тогда он, чтобы не обидеть ни одну из своих чернокожих пассий, развёлся с обеими, продолжая, тем не менее, с ними двумя жить, чего шведские законы не запрещают.

10 марта

Прекращён выпуск бумажных рублей, так как рубль настолько обесценился, что себестоимость его производства превысила его покупательскую способность.

Какими только уничижительными эпитетами не награждали в последнее время рубль: и “деревянным” называли, и “рваным”... А я помню его после хрущёвской денежной реформы: когда мы с братом Шуркой ездили в детстве к деду с бабушкой в деревню Чубаровку — через Купино, мать давала нам по рублю, и на каждый можно было купить по десять (!) сливочных мороженых в вафельных стаканчиках. Я съедал от силы пару, а “старшой” мог осилить и пять...

11 марта

Умер Олег Иванович Анохин. Мы познакомились, став депутатами областного Совета. Наши места были рядом в зале заседаний, потому что мы избирались в соседних округах. Он из рабочих, глубоко порядочный, искренний человек.

Как-то, ещё в самом начале нашего депутатства, в выходной день он позвонил мне домой и предложил прогуляться и поговорить, как нам работать в Совете, как распорядиться своими депутатскими полномочиями... Чтобы потом было не стыдно смотреть в глаза избирателям — так он дословно выразился.

Как наивны мы тогда были, особенно он... Как мучительно переживал он наши депутатские дразниги, аппаратные игры, нашу депутатскую недееспособность.

Олег Иванович умер, можно сказать, на работе — почувствовал себя плохо, упал и в больнице скончался.

Вдруг захотел, не дожидаясь некролога, написать о нём самом, хотя бы несколько строк... Получилось “Слово прощания”, редколлегия одобрила...

Поминали Олега Ивановича дома. Жена, Раиса Александровна, незнакомый мне человек, обняла: “Спасибо вам за “Слова...”, такие хорошие.

Пришли “независимые”, к которым он тянулся в облсовете, хотя и поругивал их за эпатаж, — Юдин, Смелаш, Долотова, Воложанин... Мне первому дали слово... Говорили все и все — хорошо...

Долотова сказала, что посещает теперь церковь, и в этом находит главную опору в жизни. Помня её неистовость на пленумах, конференциях и сессиях, я удивился и порадовался за неё.

А Олег Иванович собирался жить: перед самой смертью ему звонил знакомый немец-дачник, уехавший в ФРГ, завещал морозостойкие сорта винограда...

— Хотите, и вам дадим? — простодушно-искренне предложила на прощанье Раиса Александровна. — У вас ведь есть дача... Будете вспоминать Олега...

— Да-да, конечно, — сказал я и тут же ушёл, чтобы не заплакать при ней...

Второй день идёт съезд российских депутатов. Опять пыль до потолка: депутаты во всём винят президента, а он — их. Ну разве они могут договориться!

Связисты объявили нам стоимость своих услуг: тысяча рублей за полугодую подписку. Всё-таки подействовали на них мои ругань и угроза, что не приму их условий, если стоимость доставки трёхразовой (в неделю) “ЗП” окажется дороже пятиразовых “Казправды” и “Егемен Казахстан”.

Теперь надо определиться с нашей издательской ценой, которая у “Казправды” — 360, “Экспресс К” — 500, у “Комсомолки” — 900, а у “Правды” — 1200. Смешная цена у “Советов Казахстана” — 54 рубля (без доставки), но это потому, что Верховный Совет почти полностью дотирует её издание. Думаем остановиться на 1400 рублях, с доставкой будет чуть дороже “Советов” и чуть дешевле “Казправды”. А подписчики пошлют нас, хитромудрых, на хрен. И правильно сделают!

Обзвонил соседей. Расценки у связистов в Кустанае, Целинограде, Кокчетаве примерно те же, что и у нас. Кустанайцы посчитали: им понадобится дотация на второе полугодие в 104 миллиона рублей. Для сравнения: нам выделяют 24 миллиона.

13 марта

Тает... И на солнце уже припекает мою растущую лысину. А в тени всё ещё холодновато...

Вчера наносили с Володей Бугаевым визит директору Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донскому, который оплатил, а теперь дарит редакции два замечательных японских фотоаппарата. Меня Семён Аронович угощал кофе с коньяком, а заодно я подпитывался его житейской мудростью.

— Как вам удаётся в нашем нынешнем хаосе сохранять физическую форму, а главное — душевное равновесие? — допытывался я.

— У меня налаженное производство, никто не дышит мне в затылок, — отвечал он, — я не делаю себе поблажек: утром зарядка, вечером бассейн, который я должен переплыть 25 раз. Домой появляюсь к полдесятого, голодный, как зверь, и жена уже знает — лучше меня сразу покормить, чем о чём-то расспрашивать. А поел — и жизнь-то не кажется такой безнадёжной.

Потом С. А. заметил, что у него уже всё есть (я понял — в материальном плане) — для остатка жизни хватит, но почему бы и не поработать ещё, пока остаются силы и возможности.

Я стал возражать: понятно — есть жизненная философия, заданный рабочий ритм, но всё это очень часто вступает в непримиримые противоречия с абсурдом действительности, когда все “школы” и “философии” летят в тартарары, когда прощается истинная натура и хочется орать, материться, лупить тех, кто рядом.

И тогда он рассказал мне следующую историю. Недавно он вернулся из Африки, где их, группу директоров предприятий, возили на природу, и они видели, как львы завалили огромную самку буйвола. Но шкура у неё такая крепкая, что прогрызть её они не могут. И тогда в дело вступает старая, многоопытная львица — прогрызает самое уязвимое место у буйволицы на брюхе, и львы начинают пожирать её изнутри!

— К чему история? — опередил мой вопрос Донской. — А к тому, что у меня за годы работы шкура стала как у той буйволицы, такую жизнь я прожил.

И тут же подкинул леща мне самому: не надо, мол, и тебе приbedняться, я ведь тоже могу спросить — как ты умудрился пережить на своём редакторском посту трёх первых секретарей обкома и одного главу обладминистрации?

С. А. Донской дал понять, что и с А. А. Жабагиным у него отношения складывались отнюдь не идиллически, хотя тот, уходя на повышение, вспомнил сказанные ему однажды Донским в непростом разговоре слова: опираться можно лишь на то, что сопротивляется. Кстати, с Жабагиным они неплохо знали друг друга и раньше, но когда тот вернулся в область уже в новом качестве, Донской повёл себя так — будто они незнакомы. И это тоже его всегдашний принцип выстраивания отношений с прежними знакомцами, которые поднимаются наверх.

Умён, ох умён Семён Аронович! Вот бы о ком написать...

На съезде российских депутатов — всё тот же театр абсурда, свара, которой не видно конца. Ельцинские предложения не проходят. Его окружение уверяет Б.Н. в том, что Верховный Совет и съезд хотят сделать его, российского президента, декоративной фигурой. А это, в свою очередь, наверняка приводит властолюбивого Ельцина в бешенство.

Один из депутатов сделал на днях горькое признание: он был среди тех, кто готовил декларацию о суверенитете России, и понимает теперь, что если бы не она, не случилось бы ни путча, ни Беловежской пуши, ни развала Союза, ни сегодняшних бесконечных разборок в самой России. Мы сделали всё это своими руками, продолжал он, мы не оправдали надежд народа, а потому мы все должны уйти, и президент тоже.

Да, давно ли Ельцин и Хасбулатов были — не разлей вода, а сегодня именно они сеют семена раздора. Сил нет смотреть на весь этот российский бред...

Получил гранки будущей книги “Помню и люблю”. Полистал... Хороший, чёткий шрифт... Сложные чувства, в том числе и горделивые, вроде — “И мы можем!”. По-моему, книжка имеет право на жизнь. Дело за “малым” — найти деньги для издания.

Общался со Славой Лесовским. Сказал, что разговор наш — не начальника с подчинённым, а двух способных людей, один из которых поопытнее... Сказал ещё, что он неплохо начал, но я жду от него большего, ведь пришло время его и таких, как он.

Кажется, он не понял, чего я от него добиваюсь, или сделал вид...

Людмила Ермолина написала заметку про Сергея Умнова — тренера бассейна “Толкын”, установившего уже второй личный рекорд. В первый раз, в ноябре 1990 года, он прошёл без остановки на стадионе “Динамо” сто километров за 23 часа. А на днях на спор проплыл 15 километров в бассейне за девять часов. При этом он сделал всего один перерыв на несколько минут, чтобы выпить чаю. Его выигрыш составил шесть тысяч рублей.

С Серёгой мы знакомы ещё по Железинке, где я начинал работать в районной газете, а он после института преподавал в здешней школе физкультуру. Мы оба бегали с ним по утрам, каждый сам по себе, и встречались иногда за этим занятием на заснеженном стадионе... Это Сергей затащил меня в своё время в бассейн, за что я ему очень благодарен. Мой личный рекорд — километр за 35 минут, но после этого я уже “готов”. А он плыл примерно с такой же скоростью все девять часов.

16 марта

Опубликовали национальную программу разгосударствления и приватизации на 1993-1995 годы (II этап). Я ещё в первом как следует не разобрался...

Тодор Живков уже приговорён к семи годам лишения свободы за злоупотребление служебным положением. Этот приговор он обжаловал. Но неприятности бывшего болгарского руководителя на этом не заканчиваются: теперь его обвиняют ещё и в том, что по его личному распоряжению 30 лет оказывалась финансовая поддержка коммунистическим партиям в других странах. Речь идёт о сумме в 22,5 миллиона валютных левов, которые переводились в доллары и через советского посла в Софии переправлялись в Москву.

Если вина Живкова по этому делу будет доказана, ему “светит” от 10 до 30 лет тюрьмы.

Похоже, болгары решили переплюнуть западных немцев, уже замордовавших Эриха Хоннекера. Хотя и тем, и другим далеко до румын, в два счёта прикончивших своего бывшего вождя Чаушеску — по принципу “революционной целесообразности”. А то возись потом с ним в судах, доказывай очевидное... Тут же сразу всё ясно: нет человека — нет проблемы.

Узнал из нашей газеты, что вот уже год как в Павлодаре открыт областной уфологический центр — при кафедре физики бывшего индустриального института, ныне именуемого госуниверситетом. В течение года исследовательская группа несколько раз выезжала по различным сигналам для обследования предполагаемых мест посадки НЛО, но, к сожалению, ничего конкретного не выявила. Будем надеяться — выявит в дальнейшем, потому что даже мы не раз излагали в газете свидетельства очевидцев разного рода аномальных явлений, которые трудно было объяснить простыми оптическими обманами.

17 марта

Принцип “разрешено всё, что не запрещено” у нас некоторые истолковывают по-своему, пускаясь во все тяжкие. Наш журналист брал интервью у руководителя

местной контрольно-финансовой службы, и тот сообщил ему прелюбопытные факты.

Директор завода, депутат местного Совета, приватизировал (то есть купил по символической цене) персональную “Волгу”. Потом, уже как гражданин, сдал эту самую “Волгу” директору (то есть самому себе) в аренду. И предприятие, где он директором, теперь платит гражданину, то есть всё тому же директору, 12 тысяч рублей за аренду автомобиля. И всё законно. Ну разве не гениально!

Директор одного из самых крупных местных банков взял в своём банке на год беспроцентную ссуду (разрешено!) и положил её в другой банк под 60 процентов годовых. Через год ссуда была возвращена, а на его счету оказалось три с половиной миллиона рублей дивидендов. И всё законно.

Директор одного из самых крупных предприятий области строит трёхэтажный особняк на берегу Иртыша, не платя за это ни копейки. А по бумагам всё чисто, хотя на самом деле строительство ведётся за счёт предприятия.

Так и идёт дикое первоначальное накопление капитала. Идёт, между прочим, мимо таких простодыр, как я и мне подобные, каковых большинство.

Гуляли в воскресенье с Пашкой. Он вдруг спрашивает:

— А если бы люди не родили друг друга, то все бы тогда умерли?

И ещё:

— А хороших людей больше, чем плохих?

Первая пресс-конференция Д.К. Ахметова. Хорошо, уверенно держался. Поздравил нашу газету с приближающимся 75-летием.

Руководителям республиканской группы идеологической поддержки новой Конституции был вице-премьер К. С. Султанов. Энергичен, напорист, уверен в себе, отлично выглядит... Откуда в них столько жизненной силы, особенно после того как разрушено и предано анафеме главное, чему они поклонялись — коммунистическая идея (он почти всю жизнь в идеологах), и все мировоззренческие ориентиры общества поменялись на противоположные?! Поражаюсь этим людям.

Хотели юбилей газеты провести скромно, по-домашнему, в редакции. Замглавы обл администрации В. В. Шершнёва застыдила меня: это не ваше личное дело, надо сделать в театре большой праздник. Я упирался как конь, потому что не знаю — как и что делать. Хотя права, наверное, она.

В России после завершающегося, наконец, съезда народных депутатов продолжается “обмен любезностями”. Пресс-секретарь Ельцина заклеил консервативный съезд, а пресс-служба Хасбулатова в своём решительном “отлупе” назвала съезд последней надеждой россиян. А сами россияне, во всяком случае, большая их часть, наверняка не знают — кому из них верить.

Звонил в Караганду. “Индустриальная Караганда” выходит два раза в неделю форматом и объёмом “районки”. Нет бумаги, уже задолжали издательству 90 тонн. Ждут уже оплаченного вагона (40 тонн) из Соликамска, части сотрудников предложено уйти в месячный неоплачиваемый отпуск... Да, правильно мы сделали в прошлом году, что все деньги вбухали в бумагу.

Есть ещё, как минимум, полугодовой запас, и выходим три раза в неделю обычным форматом.

18 марта

В совхозе имени Ленина, сигнализирует наш иртышский собкор Г. Жаманбалинов, назревает забастовка животноводов. Доярки и скотники грозят не выйти на работу из-за того, что им уже больше четырёх месяцев не платят зарплату. А это семь миллионов рублей. Восемь миллионов рублей здешним жителям должны за сданные ими заготовителям молоко и скот с личных подворий. С тех пор прошло уже полгода, и эти неполученные деньги обесценились вдвое.

Готовы бастовать механизаторы совхоза “Селетинский”, которые уже несколько месяцев работают без зарплаты. Общая же задолженность по ней в Иртышском районе достигла двухсот миллионов рублей. Причина одна — в банке нет наличных денег. Но с другой стороны, если в совхозе имени Ленина на расчётном счёте — миллионы, тот же “Селетинский” — в долгах как в шелках и на грани банкротства.

20 марта

В Павлодаре пресечена кража века — сверхдефицитного редкоземельного металла галлия, который производится на нашем алюминиевом заводе. Двое рабочих сумели умыкнуть сразу 20 килограммов галлия, пытались его сбывать в гостинице “Иртыш” за миллион рублей, но были задержаны милицией.

Павлодарский галлий высокой чистоты известен во всём мире, потому что используется в космической отрасли, высокоточном приборостроении. Его производится в мире меньше, чем золота, поэтому похитители явно продешевили с ценой. Но каков же порядок на образцовом алюминиевом, если с него можно было украсть такую партию сверхценной продукции.

22 марта

Суббота. Солнце. Тает. Хорошая погода для праздника... Наурыз в этом году впервые отмечается как государственный праздник — с особым размахом. На центральной площади установили около трёх десятков юрт. Ходили на праздник вместе с Пашкой, смотрели театрализованное шествие, концерты. Море людей, шум, толчея — не припомню за последнее время столь пышного и массового празднества, подобной атмосферы приподнятости и единения среди казахов.

Зашли в одну из юрт — тракторного завода, нас угостили мясом (меня) и сладостями (Пашку). Но мне показалось, что “персонал” уже замордован визитёрами, и его можно понять...

Вообще же у меня двойственное отношение к нынешним гуляниям по самому разному поводу — торжественным дням, юбилеям, презентациям. С одной стороны, понимаю: людям нужны праздники, особенно те, что под всякими дурацкими предложениями прежде запрещались, а с другой — всё это порой напоминает пир во время чумы. Всё кругом валится, многие не знают как свести концы с концами, а кто-то гуляет...

Посмотрел сегодня на замглаву обладминистрации В. В., и так её жалко стало... Работает как вол, на себя и на дочь, младшую школьницу, времени не остаётся. Муж трагически погиб...

Должность — собачья, средоточие всяких общественно-политических, идеологических, социальных, религиозных противоречий. Упёртые в своей правоте славянофилы и национал-патриоты всё время недовольны... Тут сколько ни

работай, что ни делай — не угодишь... А если одним и угодишь, то других прогневишь... И всё это едва ли не изо дня в день.

Бедные бабы — что с ними наша жизнь делает: то при партии они мордовались на своих “престижных” должностях, то при нынешнем суверенитете...

Два дня гулял за государственный счёт, надоело, уж лучше работать. Был на двух приёмах: главы обладминистрации — для узкого круга, и главы горадминистрации — для круга более широкого. А причина всему — приезд представительной делегации из Мангистау — в рамках межобластного обмена. Раньше павлодарцы дружили и соревновались с карагандинцами, а теперь предписано делать это не с соседями, а северным областям с южными, которые — чем дальше друг от друга, тем лучше. И поскольку в составе мангистауской делегации был редактор областной газеты В.И. Вова, на приём был приглашён и я. До сих пор на подобных мероприятиях мне бывать не приходилось, и я трижды переточивал в нашем “белом доме” — нет ли тут какой-нибудь ошибки?

Застолье проходило в бывшей “малой” гостинице для привилегированных лиц на берегу Иртыша, именуемой теперь бизнес-центром. Пишу “застолье”, потому что никакого серьёзного, да и вообще внятного разговора на приёме не было. Отчасти ещё и потому, что делегация высоких гостей, утомлённая длительным перелётом, с торжественными проводами дома, с двумя посадками для дозаправки самолёта (тоже с угощениями), выглядела не совсем свежей.

Стол ломился от избытка яств и дорогих напитков — во всяком случае, я такого в своей жизни не видел. Начались заздравные речи... Главный гость “сошёл с дистанции”, когда ещё далеко не все тосты были произнесены, и его под руки увели наверх, в отведённые апартаменты. А застолье продолжалось.

Редактор В. И. Вова, которому надоели речи о том, как хорошо, оказывается, дружить не ближним соседям, а далёким друг от друга регионам (как это оригинально, ново и вообще замечательно!), сказал, когда ему дали слово, что дружить областями невозможно, это глупость, а вот конкретным людям дружить не только можно, но и нужно, поэтому он прилетел повстречаться со своим старым другом С. П. Шевченко.

Тост, разумеется, вызвал неудовольствие, и Вову свои даже хотели поправить, на что он заметил: не хотите — не слушайте, другого я вам всё равно не скажу.

На следующий день приём проходил в ресторане гостиницы “Сарыарка”. Было три стола: один, поменьше, центральный — для высшего начальства и два других, побольше, расходящихся лучеобразно от главного. И хоть наши “общие” столы тоже были небедными (закуски — от деликатесов из конины до осетровых и икры; напитки — шампанское, водки “Посольская”, “Золотое кольцо”, “Русская” — в экспортном варианте и т. д.), степень “излишеств” центрального могла поразить кого угодно: там были и коньяк “Наполеон”, и ликёр “Амаретти”, и виски, и бренди... Так что сразу было видно — кто есть кто на этом приёме.

Ранжир гостей определялся близостью их места к главному столу. Мы с А.М. Мухамеджановым по этой табели о рангах числились где-то в середнячках.

Опять говорили тосты, перемежаемые концертными номерами, выпивали и закусывали. Когда очередь снова дошла до В. И. Вовы (в группе других гостующих), он сказал, что это унижительно — выходить для тоста к “главному” столу, как для отчёта, нечто подобное практиковалось у римских императоров... И что групповым может быть секс, но никакой не тост... После чего призвал власть поддерживать таланты, поскольку посредственности пробьются в жизни сами.

Слушали его с явным раздражением — похоже, Вова изрядно утомил своей экстравагантностью чиновников, не привыкших к подобным откровениям...

Хотя чем лучше был глава их делегации, не просыхавший все эти дни и заревешший на этом приёме испитым голосом “Надо мной небо синее...”, тем самым демонстрируя свои вокальные данные.

А героем дня на вечере стал, безусловно, Тохтар Аубакиров — первый казахский космонавт. Он просто купался в волнах всеобщего обожания. И на меня произвёл прекрасное впечатление: нет в нём ничего от утомлённых славой людей — открыт, дружелюбен, скромен, с улыбкой, напомнившей мне гагаринскую. Когда он подошёл после своего тоста к нам троим — А. М. Мухамеджанову, В.И. Вове и ко мне с рюмкой, Вова, чью импульсивность подогревали в эти дни и избыточные винные пары, предложил три наши месячные зарплаты для создаваемого в Казахстане аэрокосмического агентства, переживающего финансовые трудности. Т. Аубакиров, отшутившись, заметил: мы наверняка не самые богатые люди в этом зале, да и к тому же трёх наших зарплат всё равно будет маловато... Стало быть, он ещё и умён. Не сгубили бы только хорошего мужика, не затаскали по ритуальным мероприятиям, не заласкали бы...

24 марта

Вчера принёс заявление Слава Лесовский. Уходит редактором в “Компаньон”. Да и как не пойти: зарплату “положили” — 45 тысяч рублей, пообещали квартиру (записали в контракт), сулят прочие блага. Я пожелал ему удачи, посетовав лишь на то, что узнал о его переходе не от него самого, а от других.

Жаль, что Лесовский уходит, у нас он хорошо начал и, безусловно, рос, хотя мог бы проявлять себя и поактивнее... Оказалось, звал с собой Александрова, Лисовскую, Митрофанова... Никто не пошёл.

Не последнюю роль “в вводе” Лесовского сыграл Серёга Горбунов — это он свёл его с главой “Пульса” К.К. Жумабековым, который хочет реанимировать “Компаньона”. Злось на Серёгу, хотя это, в общем-то, глупо: если вчерашнему выпускнику журфака сразу предлагают зарплату вдвое больше моей, да вдобавок квартиру, которую я ему по нынешним временам обещать не могу, то грех отказываться. К тому же Лесовский — парень со здоровыми профессиональными амбициями.

На днях Б. Н. Ельцин обратился по ТВ к народу: в России нарушен баланс ветвей власти; власть узурпирована Верховным Советом и съездом народных депутатов; Хасбулатов олицетворяет собой реванш коммунистических сил; Зорькин (председатель Конституционного суда) не проявил в этой ситуации принципиальность и т. д. В связи с этим Б. Н. объявил о введении так называемого особого периода (нечто вроде чрезвычайного положения, но без приостановления деятельности Верховного Совета и съезда); заявил, что в перспективе съезда народных депутатов не будет, а только Верховный Совет; сказал, что намерен провести всенародное голосование о доверии ему и вице-президенту Руцкому — пусть россияне сами решают, кто должен руководить страной — президент или Верховный Совет.

Руцкой сразу же откестился от заявления Ельцина, заявив, что с ним оно не согласовывалось. Зорькин собрал заседание Конституционного суда, который объявил многие положения речи Ельцина (читай — его намерения) противоречащими Конституции России. Верховный Совет собирается созвать съезд народных депутатов и поставить вопрос об отрешении от власти президента, попирающего Конституцию.

М. Федотов, министр печати России, которого я не раз слышал на съездах Союза журналистов СССР и других журналистских сборах, объявил решение Конституционного суда не имеющего юридической силы...

Слово за слово — и опять понеслось...

Ко всему прочему у Ельцина умерла мать. Он улетел на Урал её хоронить, а Верховный Совет собирается обсуждать вопрос о созыве внеочередного съезда народных депутатов.

25 марта

Опять — как амёба. Расползаюсь во все стороны, разваливаюсь на куски, ощущаю постоянно сосущую пустоту внутри. Понимаю — нельзя себе позволять этого, но никак не удаётся собрать самого себя воедино. Говорю себе: да ведь хуже было, и не раз, но ведь стискивал зубы и повторял: “Остап снова был холоден и готов к борьбе”, — шёл на работу. А сейчас... Подумаю о предстоящем юбилее газеты, и руки опускаются. Убеждаю себя: да проведём мы этот злосчастный юбилей, никуда не денемся... Ну, будут накладки, это же не трагедия... Но не проходит это ощущение безысходности и раздавленности... Может, кто-то порчу на меня напустил? И смех, и грех...

Только что позвонил домой какой-то мужик (не представился) и, волнуясь, спросил: может ли он выразить через нашу газету поддержку Ельцину? Вряд ли, говорю, ведь это может быть воспринято как вмешательство во внутренние дела дружественного нам иностранного государства. К тому же, добавляю, кто-то потом наверняка захочет покритиковать Ельцина и поддержать Верховный Совет. Что тогда делать будем?

“Правда” дала материал о том, что в престижном районе Москвы (кажется, в Крылатском) строится “дом специального назначения”, предназначенный для Ельцина и его окружения. Семейство Ельциных займёт в нём целый этаж.

Интересно, последует ли опровержение от имени недавнего главного борца с привилегиями?

Да, не позавидуешь в эти дни Ельцину... А каково было Горбачёву, которого в своё время третировали Ельцин и его команда?

Давно заметил: те, кто давно живут в Казахстане, особенно родились или выросли здесь (я имею в виду, неказахов), куда более терпимо и адекватно относятся ко всему у нас происходящему, нарождающимся атрибутам независимости, чем те, кто приехал в Казахстан уже взрослым, после учёбы по распределению, оргнабору и т.д. Я это даже по нашей конторе ощущаю. Как только возникает любой межнациональный напряг, не имеет значения, пустяковый или серьёзный, как тут же первыми “возникают” те, кто появился в Казахстане не так давно — их раздражают практически любые проявления казахского национального самосознания, и они тут же готовы, как один мой университетский знакомый, “встать в принцип”.

Последний случай — празднование Наурыза. Говорю с толковой, в общем, журналисткой, готовившей отчёт с праздника:

— Что же ты так писала — будто барщину отработывала, сквозь зубы?

— А что, там есть неточности или я должна была писать, приплясывая? — сразу вскинулась она.

— Да нет, просто ты могла бы объяснить русскому читателю, почему казах так дорог этот праздник, в чём его душа...

Не поняла, и разговор у нас не получился...

Ругаем с матерью брата Шурку — ни слуху от него, ни духу...

Я где-то читал, что, кроме всего прочего, рак чаще зарождается у людей, испытывающих постоянное беспокойство, душевную маету, внутренний разлад, безысходность. Всё это бывает со мной очень часто, и как-то я даже матери пожаловался. И услышал в ответ: такие уж мы, Поминовы, уродились — принимаем всё близко к сердцу... Но меня-то самого жизнь уж сколько била — пора бы привыкнуть. Но натуру, как видно, не переделаешь...

Гуляем с Пашкой по вечерам. Второй день ходим на Иртыш, по рыхлому, оседающему на глазах снегу; ноздреватому, с прозеленью, береговому припою льда.

— Папа, правда же, если люди будут себя вести разумно, войны не будет? — спрашивает он и, помолчав, продолжает: — А если — неразумно, то будет война?

— А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Нам воспитательница в садике книжку читала — так сказал дядя, который всё знает, я забыл — как он называется...

Ну не идиоты ли? Читать в детском саду ребятишкам предсказания прорицателей?

Как мог, объяснил ему, что у людей должно хватить ума и не допустить этого. (Хотя люди вроде всё умнеют и умнеют, а войн на земле не убывает; только раньше дрались с соседями, а теперь “правильные” государства учат таким образом “неправильные” за тридевять земель). Наверное, не слишком я Пашку убедил, потому что в тот вечер он ещё не раз возвращался в этой теме, придя в конце концов к выводу: война — это плохо, на войне все дома будут разрушены и придётся их заново строить. Вот бы его в советники к наиболее упёртым в своей исключительной правоте политикам.

Вслед за Каракумами наш неутомимый путешественник — рекордсмен-экстремал Марат Жыланбаев решил покорить и Сахару. Ему предстоит пробежать по пустыне две тысячи километров — по 85 километров в день. Спонсирует его, как и прежде, генеральный директор “Экибастузугля” В.В. Каландаришвили.

Это, наверное, самое опасное из путешествий Марата, поэтому в пути его должен сопровождать джип с водителем и проводником-алжирцем и представитель московского клуба “Приключение”.

Пока материал готовился у нас к печати, М. Жыланбаев уже отправился в путь. Удачи тебе, Марат!

На Экибастузской ГРЭС-2 ускоренными темпами строят второй энергоблок мощностью 500 тысяч киловатт. Восемь таких уже действует на Экибастузской ГРЭС-1 и один — на ГРЭС-2. Но все они вводились ещё в Советском Союзе, и их строила, без преувеличения, вся страна, а тут многое придётся делать самим, хотя без помощи тех же россиян, украинцев не обойтись. Блок должен быть сдан в эксплуатацию в конце этого года.

Прослышав про хорошие заработки, квалифицированные рабочие перебегут сюда со своих предприятий, переживающих кризис. Недавно подали заявление сразу 15 рабочих “Дормаша” — Калкаманского завода, выпускающего бульдозеры. Если дело так пойдёт и дальше, с завода убегут многие другие, а ведь на этом предприятии держится по сути весь Калкаман.

27 марта

Опять смотрел по ТВ съезд российских депутатов — очередной внеочередной, как его сразу остроумно характеризовали. Бедные россияне: опять их с

головы до ног накачивают политикой. Чрезвычайно благодатная пора для болтунов, демагогов, краснобаев... Никого ведь не интересует — что ты на самом деле значишь, умеешь ли делать дело и отвечать за него... Бесконечная говорильня, где у каждой стороны свои неотразимые аргументы, причём и те, и другие (часто взаимоисключающие) принимаются на “ура!”.

У Ельцина на съезде сторонников, похоже, меньше, чем противников. Теперь его, помимо прочего, обвиняют в том, что он пляшет под дудку американцев.

Известный публицист-международник Иона Андронов привёл выдержки из заявлений Белого дома, наложив их на существующую ситуацию, из чего следует: Ельцин действует чуть ли не по указке Клинтона...

Хотя всем давно пора понять: Россия как сильная страна по большому счёту никому не нужна, включая американцев, надо самим себя вытаскивать из пропасти, поднимать экономику, занимать подобающее место в мире. А если и учиться у американцев — то умению работать и всегда ставить во главу угла собственные интересы.

На съезде предлагали начать процедуру отрешения президента от власти, упразднить саму эту должность, предлагали, чтобы одновременно ушли в отставку Ельцин и Верховный Совет во главе с его председателем. Хасбулатов заявил: если дело во мне, то я готов уйти немедленно...

Многие встали на защиту Ельцина — всенародно избранного президента, который имеет право напрямую обратиться к народу, пусть народ и решает — кому руководить страной. Сам Б.Н. предложил вынести на всенародное обсуждение два вопроса — о доверии ему и парламенту.

Отчасти правы, вероятно, и те, кто говорит: и президент, и парламент были избраны в другой стране — СССР, поэтому должна произойти смена обеих ветвей власти.

Наблюдая за тем, как упражняются в словопрениях на съезде политики,шний раз убеждаешься в том, как мало стало значить слово, как оно обесценилось, какова культура говорящих и слушающих, как можно оправдать всё что угодно...

Вчера ко мне на работу зашёл Николай Богормистов. Мы несколько лет не виделись, и он, взглянув на экран телевизора, где шёл всё тот же российский съезд, заявил:

— Пришло время братья за “калашников” — опять коммуняки голову поднимают!

Я резко возразил:

— Неужели не навоевались за 70 лет? Или одной Гражданской войны мало?

Николай:

— Коммунисты признают только силу.

— А если в этой новой схватке пострадает и твоя семья, близкие?

— Значит, так угодно истории, — резюмировал он.

— А ты не задумывался, почему у коммунистов и сегодня есть союзники, почему их идеи находят отклик у огромной массы людей — враз обнищавших, имеющих все основания быть недовольными политикой нынешних российских властей? А как быть нам, 25 миллионам русских, в одночасье оказавшихся за границей?

— А как заехали сюда — так и выбирайтесь! — отвечивал Николай. — Это коммунистическая идеология — заботиться обо всех и вся. А сегодня пусть каждый сам решает свою судьбу.

Так у нас шёл дурацкий бессмысленный разговор, как у слепого с глухонемым...

Понятно, у Николая есть основания быть недовольным компартией, из которой он в своё время был исключён за какие-то прегрешения, по нынешним

временам пустячные... Его исключили из партшколы, окончание которой гарантировало хорошую карьеру, таскали в КГБ. Словом, испортили человеку жизнь... Уже работая у нас, Николай пытался восстановиться в партии, но ему всякий раз отказывали, а потом и вовсе, как он считает, выдавили из редакции — под давлением того же КГБ. Так что было из-за чего озлобиться... И ждать от Николая разумной взвешенности в подобных делах не приходится. И ведь он такой не один.

Я же с течением времени испытываю всё большую неприязнь к политике и политикам. Вряд ли есть на свете занятие грязнее, бессовестнее и подлее...

Любопытно, что Н. А. Назарбаев, призвав какое-то время назад россиян договариваться, с тех пор публично о “съездовской разборке” ни разу не высказался. Зато “Казправда” уже два раза едко и хлестко прошла по российским депутатам и Хасбулатову.

А в Москве у Красной площади идут два непримиримых митинга — сторонников и противников нынешнего курса Б.Н. Ельцина.

“Президент России Борис Ельцин является для нас борцом за реформы и свободы в России. И наш долг состоит в том, чтобы поддержать его” — заявил вице-президент США А. Гор.

В поддержку курса Ельцина высказались также премьер-министр Японии К. Миядзава, правительства Греции и Испании.

Узнал из нашей газеты: пенсионеры совхозов “Путь Ильича”, имени Гагарина, “Кызылжарский”, “Приозёрный” Аксуского района выращивали в прошлом году на выделенных им землях сахарную свёклу. Затем её отправили на сахарный завод в Талды-Курган, а оттуда получили сахар, который обошёлся в итоге по 45 рублей за килограмм. Каждому пенсионеру досталось, в зависимости от вклада, от 40 до 60 килограммов.

А абсолютным рекордсменом по выращиванию свёклы стал председатель совета ветеранов совхоза имени Гагарина П. И. Захаркин, выравнивший и собравший семь тонн сладких клубней, за что получил четыре центнера сахара.

Хороший материал Ольги Фроловой о том, как живут сегодня в посёлке соледобытчиков Таволжан...

Директор совхоза имени Гагарина В.И. Левченко возродил в своём хозяйстве добровольную народную дружину. Дружинников он заинтересовывает и материально: каждый может купить за полцены по две шкуры норки, а также получает три дополнительных дня к отпуску. И в селе сегодня порядок.

В Павлодаре и Экибастузе довольно долго гастролировал цирк лилипутов. Я не ходил — постеснялся, а Булат Ахметов не только пошёл, но и взял интервью у примы цирка Ирины Дорошенко. Помимо прочего, коснулся и деликатной темы любви... Ирина ему сказала, что, бывает, маленькие женщины (лилипуты никогда не называют себя лилипутами, предпочитая слово “маленькие”) влюбляются в больших мужчин и наоборот, вот и сама она уже два года живёт с “большим”. Иногда в результате таких отношений рождаются дети. Самое сложное для маленькой женщины в таком случае выносить и родить ребёнка, ведь плод вырастает большим — до трёх килограммов, и при родах без хирургического вмешательства не обойтись.

Многие маленькие отказываются иметь детей, чтобы не травмировать их психику... Иногда им задают на концертах идиотские вопросы: а правда, что у вас есть своя маленькая страна, со своими маленькими домами, коровами, собаками и свиньями?..

Думаю, материал Булата будет прочитан, а кое-кому ещё и мозги прочистит.

28 марта

Воскресенье. С обеда смотрю съезд. Похоже, Ельцин с Хасбулатовым своё уже отработали... Вчера вечером, после обсуждения проекта постановления об отрешении президента от власти, Ельцин предложил выработать решение о достижении согласия или что-то в этом духе, а сегодня утром добавил: он готов отказаться от всенародного опроса о доверии ему и парламенту, если будет принято решение, выработанное им, Хасбулатовым, Черномырдиным и Зорькиным. Там восемь или девять пунктов, включая его заявление об отказе от опроса, и то, что депутаты сохраняют свои полномочия до истечения их срока.

Выступили представители всех фракций и групп, почти все в хвост и в гриву “несли” Ельцина, а многие — и Хасбулатова (то он в оппозиции к президенту, то за ночь становится его союзником)... В конце концов постановили голосовать — тайно, через кабины — проект решения об отставке обоих — Ельцина и Хасбулатова. Телеоператоры показали лицо последнего, пока шло голосование, — напряжённое, бледное, с застывшим подобием улыбки.

Как раз в это время на Васильевском спуске готовился митинг в поддержку Ельцина. Но на него, конечно же, пойдут и его противники. Мэр Москвы Лужков предложил депутатам, чтобы не нагнетать страстей, не ходить на этот митинг, а лучше пообедать в Кремле.

Чем может кончиться дело, если съезд всё же отстранит президента, а он (всенародно избранный) и его союзники не подчинятся? Как быть в таком случае силовым структурам: кого слушать, чьи указания выполнять? Что делать местным властям — кому подчиняться?

Когда Ельцин вчера выступал перед депутатами, то производил впечатление не очень здорового человека: видно, неважно себя чувствует и его чем-то колят... Как себя поведёт народ — станет горой за своего недавнего любимца или, устав от экспериментов над самим собой, примет решение съезда? Что будет делать “коллективный Распутин”, как остроумно окрестил (и не без основания) один из депутатов ельцинское окружение, не раз подставлявшее “хозяина”? Кстати, припомнили Ельцину и рельсы, на которые он собирался когда-то лечь, если будут повышены цены и ухудшится благосостояние народа. И падение с моста в реку... И выступление “под мухой” в одном из университетов США...

Мать моя, глядя на всю эту “собачью свадьбу”, заметила: “То-то Горбачёв и ГКЧП сейчас радуются...”.

Эх, Расея, Расея...

Почти двое суток идёт снег — то мелкий, то большими мохнатыми хлопьями. Мать заметила: “Раньше говорили — Бог сита вытряхивает...”.

Сорвался наш с Пашкой поход на дачу. Гуляли с ним сегодня по бурану, и он сказал: “Когда я вырасту, у меня будет много денег”. — “А зачем они тебе?”. — “Ну, у меня будут сыновья — я им что-нибудь подарю на день рождения”.

Звонила Ольга из Алма-Аты. Сегодня они с Димкой выезжают домой. Обижается на меня, что не звоню. Я и правда всё собирался, да так и не собрался. Честно говоря, соскучился по ним...

29 марта

Утром узнал результаты голосования. Отправить Ельцина в отставку съезду не удалось — не хватило 60 голосов (требовалось так называемое квалифицированное большинство). Против отставки Хасбулатова также высказалось подавляющее большинство.

Что в итоге? Ельцин в тот же день заявил на митинге своих сторонников о результатах голосования как о провале съезда, благодарил москвичей за поддержку, обещал работать ещё лучше (хотя куда уж лучше-то?).

А съезд забурился с новой силой. Хасбулатов был, как Остап Бендер, снова холоден и готов к борьбе. Поручил подготовить проект постановления, в котором предупредить Ельцина — если он будет призывать к бунту, то съезд вернётся к вопросу о его отставке. Выступил депутат от оппозиции, которому кто-то из митингующих сторонников президента размозил голову, и уверял: в первых рядах этих митингующих были пьяные и наркоманы.

Срочно вызвали министра МВД и Лужкова, который заявил: для депутатов был организован специальный коридор, по которому они могли спокойно пройти к себе в гостиницу “Россия”, к тому же никто их не просил лезть в толпу митингующих. Кто-то тут же предложил отправить в отставку Лужкова, на что тот прямо на трибуне рассмеялся: меня избрали москвичи, и только они вправе решать мою судьбу.

Пресс-секретарь Ельцина выступил с заявлением, в котором, не стесняясь в выражениях, говорил всё, что он думает об этом съезде и большинстве депутатов. Заявление откровенно хамское, но и депутаты хороши: у них ведь был шанс воспользоваться ситуацией и принять решение о досрочных совместных выборах нового парламента и президента, и они его упустили... Тем самым съезд себя дискредитировал.

В вечерних новостях по ТВ сообщили: съезд потребовал отстранения В. Костикова от обязанностей пресс-секретаря президента, а его недавнее заявление передано в прокуратуру.

Кажется, съезд, так ничего и не решив, сегодня, наконец, закончит свою работу.

Впервые в жизни был вызван в суд — в качестве свидетеля. С газетой судится территориальный комитет по госимуществу — за ту нашу злосчастную статью с критикой в его адрес по части предпочтений, оказываемых “приватизаторами” “Пульсу”. Шёл я в суд с достаточно лёгким сердцем, и начал свою речь с того, что мы, наоборот, всегда поддерживали комитет, а с его руководством — Алибаевым и Гетманом — у меня и вовсе добрые товарищеские отношения. Сказал ещё, что мы изо всех сил старались разрешить конфликт миром...

После чего мне был устроен унижительный перекрёстный допрос адвокатом истцов и самим Гетманом: знаком ли я с законом о печати; в каких случаях публикуется опровержение, должен ли журналист проверять факты, когда готовит материал? И прочее, прочее, прочее... Сначала я ещё держался, потом стал горячиться, сбиваться... А доконало меня следующее: когда я в очередной раз (наверное, напрасно) в ряду других аргументов опять заговорил о наших добрых отношениях, Гетман холодно заметил, что хотел бы отмежеваться от этого моего признания (может, он выразился иначе, но смысл был именно таков: нечего, мол, тут козырять дружбой с ним). Я тут же осёкся и сказал, что понял его... Потом он ещё попытывался: что именно хорошего я для него сделал (а ведь было заседание бюро обкома партии, на котором я единственный его поддержал, и прочие вещи), но я наотрез отказывался отвечать.

Так что закончил я куда хуже, чем начинал, оказавшись совсем неготовым к разговору в таком ключе. Думаю, это была их продуманная иезуитская тактика: сбить с толку, замордовать вопросами, вывести из себя. На суд они привели с десятков свидетелей, и за что только ни цеплялись. Я слишком поздно понял: идти сюда надо было с каменным сердцем, оставив при себе все воспоминания о прежнем товариществе, добрых отношениях, мысль о мировой. А Гетман с Алибаевым, в отличие от меня, к суду готовились и всё сделали для того, чтобы поставить нас на место.

30 марта

Суд мы проиграли, во всяком случае первую инстанцию. Несколько положений корреспонденции Н. Д. Марчевского, “усиленные” твёрдой рукой подписавшего её Ю. А. Ковхаева, признаны несоответствующими действительности, и по ним мы обязаны дать опровержение. Другая часть претензии истцов — о выплате им в качестве компенсации морального ущерба 50 тысяч рублей, отвергнута как несостоятельная... Но в принципе это ничего не меняет. С “той стороны” к войне с нами готовились по всем правилам юридической стратегии и тактики, наняв адвоката-зануду, приведя кучу свидетелей, в числе которых оказалась даже журналистка, не прижившаяся в нашей газете, а потому имеющая на нас зуб... А мы даже адвоката взять не удосужились и в результате “обделались”...

Ждём официального решения суда и, может быть, потом подадим апелляцию... Но прецедент, увы, создан, и очень нехороший.

В Москве открылся XXIX съезд КПСС с повесткой дня: “О воссоздании международной политической организации”. Надо узнать — поехал ли на него кто-нибудь из наших партийцев.

В 115-летнем возрасте скончалась самая старая жительница Британии Шарлот Хьюз, которая неизменно объясняла секрет своего долголетия пристрастием к бренди, жареной свинине и соблюдением десяти заповедей. 110-й день рождения она отметила на борту сверхзвукового самолёта “Конкорд”, путешествуя из Лондона в Нью-Йорк.

1 апреля

На днях в редакцию пришла группа возмущённых родителей: закрывают детсад, куда они водили своих детей. Валентина Богормистова навела справки. Оказалось — всё правда: уже месяц детсад жил в долг, задолжал магазинам 250 тысяч рублей, и те больше не дают продуктов. А у Индустриального района, к которому детсад относится, денег нет тоже, у него самого долгов на 140 миллионов рублей. Выделили недавно 30 миллионов — как хочешь, так и дели...

А родителям что в этой ситуации делать?

Хороший материал заведующей домом-музеем Павла Васильева Лидии Бунеевой в сегодняшнем номере. Меня больше всего заинтересовали письменные свидетельства старожилы Павлодара Филиппа Николаевича Заливина о пожаре жарким сухим летом 1901 года, уничтожившим большую часть города.

“Если бы в одном месте горело, а то в десятках сразу. И как не гореть-то. Постройки деревянные, да ещё у всех сарай сплошные и сеном покрытые. Попала искра, уголёк — через минуту пошло полыхать. На грех ветер чуть с ног не валит. Солнце жарит — спасу нет. Головёшки, не угли разнесит по всему городу и станице. Здесь кинешься тушить, глядь, а через квартал уже пластаёт. Улочки тоже были

узенькие, и дома друг к другу тесно лепились. Каменных домов в ту пору было два — Дерова и Филатова. Ну и горело всё с треском, как порох, что близко не подступиться. Больше двух суток бушевал пожар. Начался он в казачьей станице, ветер был на город. Через час горело уже в десятках мест. Город горел во всех концах. Что могли сделать две ручные пожарные машины — станичная и городская? Население — в панике. Вместо того чтобы тушить, многие погружали свои лохмотья на телеги и уезжали, удирали в степь. В станице тогда до пятисот дворов было. От города осталось несколько кварталов на берегу около каланчи, да магазин Дерова...”

Утро, запарка... И посетителей — как прорвало. Только растолкал всех — звонок по селектору от Зои Суворовой:

— С вами всё в порядке?

— Не понял вас, Зоя Алексеевна...

— Ну, там у вас ничего не случилось?

Вообще-то она человек не назойливый, скорее деликатный, но тут уже я начинаю раздражаться:

— Мне некогда, что вы хотите?

— Я видела — к вам пошёл человек, а второй остался ждать на лестничной площадке. Понимаете, у них вид, не вызывающий доверия... Вот я и подумала... Может, вам помощь нужна?

Тут я начинаю понимать, что она беспокоится о моей безопасности, и начинаю хохотать... Успокоив Зою Алексеевну, сам иду в приёмную (секретаршу отправил отвезти срочные бумаги), там и вправду сидит человек... Попросился на приём, минут десять морочил мне голову, я так и не понял — зачем он приходил. А когда, уже после его ухода, вернулась секретарша, обнаружила, что из приёмной исчез телефон... Вернее всего, его утащили как раз те двое, которых заподозрила Зоя Алексеевна.

3 апреля

Публикуем слёзное письмо сессии областного Совета к руководителям энергопредприятий, угольщикам и нефтепереработчикам с просьбой пересмотреть в сторону понижения отпускные цены на электроэнергию, уголь, горюче-смазочные материалы для села...

Суббота. Весна как будто припаздывает... Идёт мокрый снег..

Смотрю по ТВ старое (1955 год) кино — “Неоконченная повесть” с Элиной Быстрицкой и Сергеем Бондарчуком в главных ролях. Молодой Евгений Матвеев в роли секретаря райкома (Матвеев сегодняшний внешне всё больше напоминает мне отца)... Этаким даже социалистический не реализм, а романтизм — так бы я определил жанр этого фильма. Многие наивно и вызывает улыбку. Но есть особая, неизъяснимая прелесть в фильмах тех и последующих лет. Наверное, всё дело в какой-то их необыкновенной доброте, наивности и простодушности, которые можно назвать и душевной распахнутостью... И прочем, прочем, прочем, чего напрочь лишены все нынешние, хотя и зачастую ладно скроенные, но холодные фильмы. Жаль, что мы с обретенной свободой утрачиваем то, чего терять не следовало бы...

Болеет Данька... У него сильнейшая ангина, высокая температура. Я сказал ему, что, когда сам сильно болел в детстве, то у меня бывали галлюцинации. Описать я их точно не мог, но помню ощущение сильнейших тревоги и страха за что-то мною не по своей воле сделанное, которое грозит чем-то страшным очень близким мне людям.

А Данька точно описал, в чём выражаются его кошмары: руки и ноги у него кажутся маленькими и тонкими, а всё вокруг очень большим, гигантским, и от

этого усиливается ощущение собственной беспомощности перед этим огромным непонятным чувством.

Ольга сказала: что-то подобное чувствовала в своём детстве и она, когда сильно болела.

В последнее время много пишут о Горьком. Пишут разное... Некоторые ставят ему в вину “Литературные забавы”, в результате которых пострадал и наш Павел Васильев, другие “оду” “Соловкам”, на которых проходили “перековку” те, кого советская власть посчитала неблагонадёжными... Находят другие изъяны в его жизни и творчестве...

Между тем от близких своего отчаянного положения он и сам никогда не скрывал, когда — как ни сделай — всё равно найдутся желающие укорить. Он был настолько велик в своё время, что от него все и всегда чего-то ждали. Верхушка новой советской власти, и в особенности Сталин, хотели осенить его словом свои деяния, а те, кто эту власть не признавали, ждали от него осуждения “красного террора”. А он, помимо прочего, был просто человек, хорошо понимающий, что изменить в этой жизни уже ничего не сможет. Он прошёл суровую школу ещё царских времён, поэтому и рассчитывал, что новые будут совсем иными... А когда увидел, что творит новая власть, взялся за издание газеты откровенно оппозиционного ей толка, в которой публиковал и свои “Несвоевременные мысли”. За что она, кстати, и была вскоре закрыта. А сколько людей он защитил, скольким помог, направляя многочисленные письма Ленину, Сталину, Луначарскому.

Как-то к нему пришла совсем ещё юная поэтесса — ей нечем было кормить своего грудного ребёнка. И он написал ей рекомендательное письмо с просьбой помочь в какой-то распределительный комитет. А чтобы просьба выглядела весомее, добавил приписку: ребёнок его незаконнорождённый сын. Помогло! В дальнейшем он использовал подобный приём неоднократно, пока этот самый комитет по распределению благ направил ему протест: у нас уже не хватает питания, чтобы прокормить всех незаконнорождённых детей товарища Горького.

Конечно же, он был фигурой трагической и очень дорого заплатил за своё внешнее благополучие и подогреваемую властями славу...

До юбилея газеты два дня. Весь издёргался... Боюсь провала... Плавал в бассейне и думал: как взгреют меня за те 500 тысяч рублей, что мы на этот праздник затратили. И успокаивал себя: мы ведь и зарабатывали — в марте от рекламы, объявлений и розницы имели больше семи миллионов рублей...

4 апреля

Ходили с Ольгой на барахолку. Купили мне турецкую кожаную куртку за 50 тысяч рублей. И ещё накидки на диван и кресла. На прежние деньги, наверное, в общей сложности рублей 500. А на нынешние — две моих месячных зарплаты. Дороговатое удовольствие...

6 апреля

По-моему, неплохой номер мы выдали к 75-летию “ЗП”. Главным образом он составлен из старых публикаций газеты, которые сами по себе лучше всего характеризуют времена и нравы.

Я сделал несколько выписок...

“Многих трудов стоило тов. Карандашову, партийцу, разбить крепко укоренившуюся веру в Бога, поборов все старые предрассудки у девушки Пелагеи Слинковой. Она согласилась выйти за него замуж по-новому...”

... В клубе при массовом стечении сельчан открывается торжественное заседание. Представители различных сельских организаций приветствуют новобрачных и преподносят им подарок — самовар и чайный сервиз. Жених в ответном

слове благодарит за приветствие и даёт торжественное обещание в годичный срок ликвидировать безграмотность своей будущей жены.

Дальше представитель ячейки РКП(б) делает доклад о новом быте, после чего члены президиума составляют акт о браке и выносят на утверждение присутствующих... В этом акте даётся наказ жениху и невесте, как нужно построить семейную жизнь по новым советским законам. Заседание закрывается с пением “Интернационала”...

А на другой день в саду состоялся семейный вечер. Выступили декламаторы, пел хор, а гости оживлённо спорили о старом и новом быте...”.

(“Степной пахарь”, 1922 год).

“В переданных лозунгах к 1 Мая по вине радио вкрались искажения...”

Лозунг № 20 читается так: “Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам (Сталин). Безжалостно раздаём двурушников и трижды презренных наймитов буржуазии из подонков бывшей зиновьевско-троцкистской свары. Выше знамя Ленинско-Сталинской непримиримости ко всем врагам Ленинизма”.

В лозунге № 4 после слов “искореним последний буржуазии” вставить: “долгой благодущие и ротозейство!”.

(КазТАСС). “Колхозный путь”, 5 мая 1935 года.

“Инженер-электрик совхоза “Прииртышский” Виктор Левченко в течение года по путёвке комсомола работал на Кубе. Этот снимок (публикуется) со своим автографом подарил ему вождь кубинской революции Фидель Кастро”.

(“Звезда Прииртышья”, 1963 год).

“В прошлом году доярка племзавода “Песчанский” Н.Н. Каргина надоила от каждой фуражной коровы по 5553 килограмма молока. Ни одна доярка области до сих пор ещё не добивалась таких высоких показателей”.

(“Звезда Прииртышья”, 7.07.1973 года).

8 апреля

Контрактом века назван меморандум о создании совместного предприятия “Тенгиз-Шевройл”, который подписали Н. А. Назарбаев и директор-распорядитель “Шевройла” К. Дерр. Предприятие рассчитано на 40 лет, оно будет разрабатывать крупнейшее нефтяное месторождение на северо-восточном побережье Каспийского моря. Каждая сторона имеет долю по 50 процентов, а доходы от нефтедобычи будут делиться так: 80,4 процента Казахстану и 19,6 процента — “Шеврону”... Плюс налоги и другие платежи для бюджета Казахстана. Общая сумма инвестиций за 40 лет должна составить 30 миллиардов долларов, а общий доход от добычи нефти, по расчётам, 210 миллиардов, тогда как эксплуатационные расходы — 83 миллиарда.

В Павлодаре начали делать операции по имплантации искусственного хрусталика. Первую такую операцию провёл заведующий глазным отделением областной больницы Абай Телеубаев, который стажировался в московской клинике С. Фёдорова (там, где оперировали С. П. Шевченко и отказались делать операцию мне). Деньги для приобретения искусственных хрусталиков выделили алюминиевый завод и АО “Пульс”.

Первым к операции готовили мужика, но он в последний момент засомневался в её успехе, и на операцию согласилась Лидия Григорьевна Понетаева. Всё прошло благополучно, и теперь она хорошо видит.

Прооперированы ещё три пациента, пока бесплатно, хотя искусственный хрусталик стоит недёшево.

А Абай Телеубаев, кстати, начинал свой врачебный путь в железинской районной больнице, почти в то самое время, когда и я работал в железинской

районке. Хорошо бы познакомиться с ним — я ведь по сути одноглазый, мой левый глаз едва видит.

Ну, кажется, всё — почти отпраздновали... Не без накладок, но зато и без провала...

Собралось в театре человек 400 приглашённых и прочей неорганизованной публики. Торжественно-художественная часть вместо предполагаемых двух с половиной часов затянулась на четыре с лишним...

Говорили, надо сказать, не слишком хорошо, по большей части длинно. Переплюнул всех П. А. Побережников, рассказавший сразу три невразумительных истории, из которых трудно было что-либо понять...

В.М. Шкурко и Б. М. Иштутин по сценарию должны были спеть репортёрскую песню — вместе. А вышло, что спел каждый свою... И смех, и грех...

В перерывах слово предоставлялось многочисленным дарителям, звучали музыкальные номера.

Людмила Ермолина загодя подсуетилась и “обула” всю редакцию в новые “дугые” сапожки, выпускаемые нефтеперерабатывающим заводом, Людмила Бусыгина организовала подарок от тракторного завода — десяток стиральных машин “Малютка”.

Глава обладминистрации сдержал слово: выступивший от его имени О. К. Кожанов сказал, что редакция получит новую “Волгу” (пять миллионов рублей за неё платят они, пять должна изыскать редакция). И эта машина, кстати, уже в редакции.

Дарили магнитофон и магнитолау, пишущую машинку, телефоны, деловые папки, вазы, авторучки, бензин, деньги... Мне лично были обещаны две лошади — от О. К. Кожанова и главы администрации Павлодарского района Б. Г. Рамазанова. (Я эти дары всерьёз не воспринял, а наутро раздался звонок Рамазанова: “Когда и куда доставить лошадь?”).

Глава Павлодарской горадминистрации А. В. Рюмкин пообещал конторе трёхкомнатную квартиру. А мой давний железинский приятель Виктор Егерь, организовавший кооператив по изготовлению мебели, презентовал редакции роскошный набор из дивана и двух больших кресел. (Увидев всё это в кабинете, Ольга вздохнула: “Хорошо бы такие дома иметь...”).

Что же до полагающихся мне пары коней, то я на утренней планёрке предложил объявить конкурс на лучшее их использование: например, сдать в аренду, подарить детскому дому и т. д. Ольга потом сказала: люди над тобой смеются — ему, мол, подарили, а он делает какие-то дурацкие жесты. Я же на самом деле не могу их считать своими — ну, с какой стати?

Возвращаюсь, впрочем, к празднику... Отличную поздравительную программу-“капустник” подготовили для нас братья-телевизионщики, подарив впридачу видеокассету с шуточным представлением-поздравлением.

После вечера все ринулись в кафе, где в двух залах были накрыты фуршетные столы, украшением которых стала фирменная водка в больших, с ручками, графинах — под два литра каждый (это Николай Марчевский выцыганил на нашем винно-водочном заводе). Скоро я почувствовал себя немного чужим на этом празднике жизни, и мы с Ольгой улизнули, не дожидаясь окончания банкета... Впрочем, окончания его дожидаться было мудрено, потому что на следующий день утром мне позвонил на работу Марчевский и заплетающимся голосом сообщил: “Мы тут втроем — Шевченко, Бабин и я — всю ночь сидели и теперь догуливаем... Подходи, а? У нас тут ещё есть...”.

11 апреля

Воскресенье. Вербное... Целый день сибаритствую... Гулял с Пашкой, дочитывал накопившиеся газеты... Теперь вот, на склоне дня, взялся за ручку — надо написать, как мы “доюбилеивали”.

“По-семейному” праздновали на квартире у Зои Суворовой — все журналисты. И вот этот вечер по-настоящему удался. Выпивали, говорили тосты, танцевали, устраивали розыгрыши.

Запомнился тост Гришиной — иногда надо что-то потерять, чтобы потом понять, что потерял. Так она по-своему каялась за свой недолгий уход из конторы и не думаю, что кривила душой. Она же подготовила прекрасный номер для культурной программы, нарядившись героиней очередного телесериала, пародировала нас, в том числе мои “блёстки”...

В. Г. Семерьянов играл на гитаре и пел, чего я за ним за всю мою бытность в конторе не замечал. Принимали его “на ура!”. Зоя Суворова талантливо иронизировала над постоянными авторами её редакционного хозяйства — отдела пи-сем и вообще оказалась прекрасной хозяйкой.

Правда, кое-кто опять “поднаелся”, но отнеслись к этому по-домашнему снисходительно.

Словом, все в тот вечер были в ударе и всем было хорошо...

Наш давний автор Б. Поздняков устроил нашей газете разнос в многотиражке алюминиевого завода “Энтузиаст”. Повод — абзац из отчёта с сессии Павлодарского горсовета, установившей для предприятий и организаций единый транспортный налог в шесть процентов от фонда оплаты труда. Суть этих нескольких строк: против решения выступил директор алюминиевого завода и его можно понять, ведь средняя зарплата на предприятии около 40 тысяч рублей в месяц, и платить заводу придётся куда больше, чем другим. И вот, наверняка получив задание от своего начальства, наш автор, а по совместительству юрист завода, несёт нас по кочкам. И в чужой карман-то мы заглядываем, и ничегошеньки в рыночных отношениях не понимаем; как были, так и остались органом, печатающим всякую чушь, вроде “сладкой женщины”... И лучше было бы не тянуть за уши угасшую “Звезду” (имеется в виду — Прииртышья), а открыть ещё один цех алюминиевого завода и зарабатывать с его помощью деньги... И столько во всём этом “отлупе” яда, злобы, желания заклеить, размазать по стенке, что просто диву даёшься...

Поразительнее всего, что автор всегда производил на меня впечатление интеллигентного, деликатного человека... Вот что деньги с людьми делают... Конечно же, он выполнял заказ... И время выбрали — не раньше и не позже, а именно 7 апреля, в день юбилея газеты.

Мы, конечно, ответим... И от “двора” Позднякову откажем, потому что — за тон и аргументацию, которыми он пользовался, вообще-то надо бить по физиономии...

Вчера в первый раз в этом году выбрались на дачу. Там ещё сыровато, но немного поработали, сгребли прошлогодние листья, убрали старые ветки, которыми укрывали на зиму виноград.

В дом на этот раз никто не залез — и то хорошо...

Прилетели скворцы и уже облюбовали соседний скворечник. А наш или висит низко, или держится неустойчиво... Помню, в совхозе прилёт скворцов был для меня настоящим праздником.

Вроде немного и побыли на даче, а лысина обгорела на солнце и сегодня малость побаливает...

Продолжение следует.

Раиса РЯБЦОВСКАЯ

Через все ИСПЫТАНИЯ

Немного предыстории. Несколько строчек о том, как я познакомилась с Кажымуратом Сеилхановичем Хайрушевым.

В составе нескольких женщин из группы “Здоровье” мы каждый день в летнее время собирались на море. Кто-то просто делал гимнастику, а кое-кто ещё и совершал пробежку по берегу моря, у самой кромки воды. И вот однажды мы пришли на своё место, прямо по спуску у девятого микрорайона, где выстроено кафе “Алина”, и остолбенели от неожиданности: от самой их подсобки до воды была приварена большая чёрная решётка ограды, причём повернута она была острыми зубьями именно к воде. Мы все впали в уныние, потому что теперь уже свободно не пробежишься по побережью. Чтобы миновать решётку с острыми зубьями, нужно, как минимум, снять кроссовки и где-то по колено войти в ледяную воду, поскольку ограда выступала примерно на метр в море. А если приличная волна, так и того хуже, у тебя уже имеются все основания травмировать себе руку выше локтя, пробегая в тот момент, когда волна отхлынет.

Все мы, естественно, страшно расстроенные, начали роптать: “Что делать и к кому теперь обращаться?”. Потому что такого беспредела никто из нас ещё никогда не видел, чтобы человек в своём городе не мог пробежаться у моря. Мы написали письмо, все его подписали, но куда с ним идти? Ибо каждый знает, сколько предстоит в подобном случае проволочек. Кое-кто от этого уныния перестал даже ходить на зарядку. А другие направились заниматься в другую сторону.

Как-то я иду с пробежки, смотрю, brave парни проводят какое-то спортивное мероприятие, типа эстафеты или кросса. Я уже было прошла мимо, но затем вернулась и спросила у одного из мужчин:

— Скажите, пожалуйста, среди этих людей есть кто-нибудь из руководства?

Он с готовностью ответил:

— А вот, начальник областного управления ЧС г-н Хайрушев стоит.

Я немного подождала, пока он освободится, и попросила его уделить группе “Здоровье” пару минут внимания. Он, видно, будучи по натуре отзывчивым человеком, тут же спросил:

— А в чём дело?

Я попросила его пройти к кафе “Алина” и собственными глазами увидеть, в чём дело.

Когда Кажымурат Сеилханович увидел всё “это” собственными глазами, тут же воскликнул:

— Это форменное безобразие, — и, обращаясь к помощнику, сказал, — это надо немедленно убрать, иначе здесь без конца будут травмироваться люди.

Его сразу же обступили женщины из группы “Здоровье” и начали просить, чтобы он помог нам. Так у нас появилась надежда, потому что он производил впечатление делового, серьёзного и ответственного за свои слова человека. Когда он уходил, спросил у меня:

— А вы кто такая? Как ваша фамилия?

Я ответила:

— Какая разница, кто я такая? Вот если поможете нам, я подарю вам свои книги, и тогда узнаете мою фамилию, если вам это интересно.

И ровно через четыре дня, к нашей великой радости, решётку срезали. Вот таким и должен быть человек слова! Я тогда впервые, что называется, зауважала Кажымурата Сеилхановича. Тогда и мне надо своё обещание выполнять. Я отвезла и подарила ему свои книги. По его словам, они ему понравились. А это тоже радость для автора.

Я пишу не только прозу, но и стихи. Спустя какое-то время мне подали идею о том, что мои четверостишия можно записать на диск, используя казахскую музыку в виде фона, сказав при этом:

— Если вы хотите, чтобы это действительно звучало, рубаи должен читать именно мужчина с хорошо поставленным и приятным голосом.

Мы с подружкой перебрали в памяти всех знакомых мужчин и пришли к выводу, что в городе всего два человека с подходящим случаю голосом. И один из них Кажымурат Сеилханович, у него не только необыкновенной красоты тембр голоса, но ещё и мудрость. Я позвонила ему, обращаясь с просьбой оказать мне любезность и прочитать четверостишия. При всей его колоссальной занятости он не отказал, за что я тоже была ему очень благодарна. Но запись диска затормозилась из-за финансов. Всё это пока повисло в воздухе на неопределённое время.

Вот и вся предыстория. И с этим слегка меркантильно-творческим настроением, что когда-нибудь эта запись всё же состоится, я позвонила Кажымурату Хайрушеву, чтобы поздравить его с Новым годом, сказав при этом, что у меня вышла пятая книга — фантастический роман “Земной рай”. И что если у него есть желание прочитать её, я могу ему её подарить.

Кажымурат Сеилханович воскликнул:

— А я хочу подарить вам книгу о моём отце.

Я удивилась:

— Что, на русском языке?

Он ответил:

— Да, на русском. После Нового года я созвонюсь с вами и принесу книгу.

И вот пятого января Кажымурат Сеилханович позвонил и быстро проговорил:

— Раиса Ивановна, сейчас такой напряжённый период, на дорогах гололёд, без конца травмируются люди. В Бейнеу сильные снегопады, снег выпал до метра высотой, там пропало несколько человек, у меня есть буквально одна минута, я заскочу, отдам вам свою книгу и заберу вашу. Я уже в районе вашего дома.

Я едва успела подписать свою, и побежала вниз. Мы обменялись книгами, и я вернулась домой. Дома прочитала название “Вопреки всему”, авторы Аманкелды Жумаш и Болат Рыскожа. На лицевой стороне книги фотография отца Кажымурата Сеилхановича — Сейлхана Габдуллина. Доброе, спокойное и мудрое лицо. Сын и отец невероятно похожи друг на друга.

Сначала я отложила её. Честно говоря, по разным причинам я не очень-то люблю мемуары на военную тематику и военную литературу.

Затем я взяла книгу и начала читать её, честно говоря, только из уважения к Кажымурату Сеилхановичу, но она оказалась настолько интересной, что за один вечер прочитала немало страниц. И так в течение нескольких вечеров я прочла её от начала и до конца. Из всех искусств я больше всего люблю хорошую книгу. Причём не просто хорошую книгу, но и познавательную, если из неё можно узнать что-то новое.

Цитирую: “Сегодня, в 2008 году, аксакалу 87 лет. И на зависть всем его врагам, — если таковые ещё остались, — а, главное, к радости близких, он всё ещё полон энергии и жизненных сил и готов вступить в любую схватку для торжества справедливости”.

Поэтому мне хочется обратиться к герою этой удивительной книги и не менее удивительной Судьбы: “Уважаемый Сейлхан-ага, я верю каждому Вашему слову, каждому эпизоду Вашей действительно удивительной и героической жизни. Я поверила абсолютно всему, что написано в ней. Верю ещё и потому, что Вы, уважаемый Сейлхан-ага, истинно человек чести и благородства, каких мало! Ибо столько тяжёлых и трагических моментов, выпавших на Вашу долю в жизни, не только не сломали Вас, не вынудили “приспособляться” к не менее тяжёлым и трагическим обстоятельствам послевоенных лет, но закалили внутренне самосознание и волю, что не позволило Вам потерять личностные качества, в том числе и самоуважение. Всё это остаётся в человеке, если оно передано по крови от великих предков!”.

Теперь о книге.

Действительно удивительнейшая судьба у Сейлхана Габдуллина. В восемь месяцев после своего рождения он остался круглым сиротой.

В ту тяжёлую пору, когда целые селения буквально “выкашивала чёрная оспа — карашешек, его отец объезжал аулы, чтобы морально поддержать земляков. И остановился у одного дома, чтобы попить воды. А когда вошёл в дом, то увидел, что он полон мертвецов. Повсюду стоял трупный смрад, тем не менее, будучи настоящим человеком и не думая о себе, он начал переворачивать тела, надеясь найти хоть кого-то живого, но всё напрасно.

Я невольно подумала при этом, а смог бы кто-нибудь из современных мужчин решиться на такой истинно отважный и даже героический поступок, зведомо зная о смертельной опасности? И ответила себе: “Вряд ли”. А он ещё наклонился над каждым из покойников. Едва успел отец маленького Сейлхана приехать домой, как свалился от оспы. И через некоторое время в бреду, так и не приходя в сознание, скончался. Ещё через две недели заболела мать маленького Сейлхана и тоже умерла.

В восемь месяцев столь долгожданный ребёнок остался круглым сиротой. Его дедушке с бабушкой к тому времени уже было под восемьдесят, сил и здоровья для воспитания младенца просто не было. К тому же в их семье уже жил пятилетний мальчик Онгарсын, сын старшего дяди Сейлхана, который тоже, за год до этого, умер от оспы. Тогда на семейном совете решили женить внука деда — Кайроша, которому исполнилось всего 16 лет, на четырнадцатилетней Казире. Итак, эта пара молодожёнов (они по сути ещё сами были детьми) получила в “приданое” сразу двух маленьких детей — 5 лет и восьми месяцев.

Мне, например, даже представить такое тяжело! Опять-таки смог бы кто-то из современных, донельзя избалованных отпрысков, осилить подобное бремя?! Это ведь просто колоссальный груз, забота, ответственность (шутка ли, двое маленьких деток!?), которые легли на их ещё неокрепшие плечи.

И ещё одна семейная быль из этой части повествования показалась мне просто удивительной, поскольку похожа на легенду. Когда будущая мама Сейлхана только вошла после свадьбы в дом своего мужа, свёкор подарил ей белого верблюжонка, сноха от радости, сияя весёлой улыбкой, сняла со своей шеи платок и повязала его на шею очаровательному верблюжонку. И так получилось, что целых восемь лет не было детей ни у неё, ни у белой верблюдицы. Снохою дед был недоволен внутри, а вот верблюдицу, не дающую приплод, он несколько раз порывался отправить на мясо. Сноха, как известно, не имеет права перечить главе дома, но она слёзно упросила мужа уговорить отца и не забивать верблюдицу.

И когда через восемь лет у неё родился единственный сын Сейлхан, в этот же год у верблюдицы появился верблюжонок. Бог говорит, что ни один листок не упадёт с дерева без Его ведома, так и мама малыша, видно, чувствовала, что после того как они оба с мужем погибнут от оспы, её сыночка выкормят молоком белой верблюдицы. Так и вышло. И ещё раз мамина любимица — белая верблюдица сослужила хорошую службу Сейлхану. Когда пришла пора отдавать мальчика учиться, его приёмный отец Кайрош отвёз его в школу. Это была первая советская школа-десятилетка. И вместо оплаты за проживание и за еду он отдал хозяину дома, где он поселил Сейлхана, белую верблюдицу.

Время шло, мальчик хорошо учился, с детства проявляя большие организаторские способности. В 1939 году Сейлхан, успешно закончивший школу, поехал в Алма-Ату. И поступил в педагогический институт. Оттуда же и был призван в армию. Так жизнь бросила спокойного паренька в горнило бурных и неизведанных событий. Вот что он говорит об этом сам: “В те далёкие годы только что приехавший в город аульский парнишка, абсолютно не понимавший, что означает мировая политика, идеологическая война, война за сферы влияния, война за жизненно важные пространства, не понимал, почему он, молодой казахский паренёк из провинции, должен ненавидеть каких-то финнов, а затем немцев. Не понимал, почему он должен их убивать, отнимая у матери сына, у девушки — жениха. И они должны его убивать. За что и почему?”.

Вскоре началась финская война. Рассчитанная всего на несколько недель, эта военная кампания, в подготовке и в ходе которой командованием Красной Армии были допущены серьёзные просчёты, продлилась несколько месяцев: мирный договор с Финляндией, признавшей своё поражение, был подписан только 12 марта 1940 года.

После этого полк, в котором служил Сейлхан, пешиим ходом двинулся в сторону Латвии. Дальнейшую службу Габдуллин проходил в Прибалтике. Затем разразилась Великая Отечественная война — самая страшная и кровопролитная.

Цитирую: “22 июня 1941 года, когда Германия напала на нашу страну, я запомнил на всю жизнь. Мы ещё спали, когда с предрассветной зарёй мы услышали отдалённый гул, который с каждой минутой нарастал и усиливался. Все проснулись, хотя подъём ещё не объявили. Никак не могли понять, что это за шум, пока не увидели немецкие самолёты. Как тёмная саранча, они накрыли всё небо. Они летели с запада на восток стройными рядами по 20-30 самолётов.

Когда командиры собрали всех нас по тревоге и сообщили нам о начале войны, это было уже лишнее, мы и без них поняли, что грянула большая беда. В ситуации, когда сверху на нас неслись немецкие самолёты с бомбами и пулемётами, а нам командиры раздавали самозарядные винтовки с тридцатью патронами, да ещё приговаривали, чтобы мы экономно тратили патроны — всё это выглядело до слёз смешным.

Вскоре мы увидели то, чего никак не ожидали: пред нашими глазами выросли их танки. Их было до того много, а рядом с танками столько солдат, что первоначально мы испытали шок, мы были в полнейшей растерянности: как можно воевать с винтовкой, да к тому же с ограниченным количеством патронов, когда перед нами полчища врагов в железной броне?

Первое, что пронзило нашу голову, была мысль, что мы абсолютно не готовы отразить натиск врагов в таком количестве и с таким мощным вооружением. Наш полк не то что располагал самолётами, танками, зенитными орудиями, автоматами, патронами, но у нас не было даже таких вещей, как госпитали, врачи, санитары. Только винтовки да голые руки. Мы, как и вся страна в целом, были застигнуты врасплох. Кто в этом виноват? Уж точно не солдаты!

... Когда мы приняли на себя мощнейшую атаку со стороны вражеской армии, нам, с нашими винтовками и голой задницей, ничего не оставалось, как пойти в отступление. Через каждые сто метров отступления мы лихорадочно рыли окопы и траншеи, в надежде удержать врага. И даже в этом неравном бою мы показали чудеса храбрости. Ни один солдат не бежал с поля боя. Отступали только по приказу командиров. Ни одного павшего или раненного в бою бойца мы старались не оставлять в руках врага. Как только получали малейшую передышку, вместо того, чтобы отдохнуть, мы рыли могилы, чтобы похоронить убитых товарищей...”

И вот в одном эпизоде, когда практически безоружные бойцы вынуждены были отступать, им необходимо было перейти речку. А с другой стороны из одного из домов без конца строчил немецкий пулемёт; поэтому перейти реку не было никакой возможности. Тогда командир, видевший во время артподготовки, что Сейлхан мало того что отличается завидной выносливостью, сноровкой, но и лучше всех из отряда плавает, дал ему первое боевое поручение:

— Сержант Габдуллин, вот и наступил твой час! Тебе надо незаметно переплыть реку и “снять” этого сукина сына, который засел в доме напротив. Сможешь это сделать? Иначе он всех наших бойцов во время переправы положит.

В помощь ему он дал ещё одного бойца. Реку они переплыли, но добраться до избы невозможно, над их головами всё время свистели пули. Тогда Сейлхан пошёл на обманный манёвр, он повесил на свою винтовку пилотку и приподнял её. Фашист начал лупить по ней, а Сейлхан со вторым бойцом тем временем пошли в обход, добрались до избы и бросили в окно гранаты. Пулемёт замолчал. Пора возвращаться, но Сейлхан не мог оставить врагу свою винтовку и вернулся за ней. И в этот момент он был ранен в ногу, но даже с таким ранением ему удалось снова переплыть реку и вернуться к своим.

Командир похвалил отважного бойца и пожал ему руку. Благодаря ему остальной отряд смог переправиться без особых потерь. Но отступать всё же приходилось. Сейлхан-ага вспоминает: “А положение с каждым днём всё больше ухудшалось. Временами мы не знали, какой сегодня день недели, даже какой месяц. Голод, усталость и полное неведение происходящего в стране действовало на нас удручающе. Мне, а также другим, которые получили ранение, было особенно тяжело. Нога моя распухла, отчего временами испытывал адские боли. И всё равно я старался никому не быть обузой и всю свою поклажу нёс сам.

Когда мы прошли территорию Литвы и приблизились к Белоруссии, то поняли, что попали в плотное окружение. Мы предприняли несколько штурмовых атак, чтобы вырваться из окружения, но наши попытки были тщетными. И каждый раз теряли большое количество своих солдат. А вскоре закончились и патроны. Немцы, увидев, что мы перестали отстреливаться, обратились к нам, что сопротивление бесполезно, что лучший выход для нас — это сдаться. И только после этого командир полка собрал всех нас и спросил прямо: “Что будем делать?”

Он без всяких околочностей коротко обрисовал ситуацию. А в конце сказал, что у нас осталось только два пути. Первый: биться с немцами до конца голыми руками, пока все не поляжем; второй: сдаться в плен. А то, что шанс вырваться из окружения у нас равен нулю, понимали все. Убедившись, что мы готовы последовать любому его приказу, командир принял решение: прекратить сопротивление. А в армии, тем более во время войны, приказ командира не обсуждается. Если бы он сказал, что будем биться до конца, мы бы так и поступили. И, скорее всего, полегли бы все до единого, не причинив немцам никакого урона, потому что нечем было этот урон им наносить”.

Затем был плен. Бойцов грузили, как скот в вагоны, и отправляли в Германию. Сейлхан-ага вспоминает: “То ли оттого, что я вырос в окружении чистой, невинной природы, а в детстве меня поили молоком верблюдицы, то ли я генетически перенял физическую силу и жизненную энергию моего далёкого предка Мастека, я оказался выносливее многих моих сослуживцев и друзей по несчастью. На некоторых из них было жалко смотреть, настолько они ослабли в пути”.

Несколько перевалочных лагерей, и затем печально знаменитый Бухенвальд, где человеческая личность терялась, и оставался только присвоенный человеку номер. Об ужасе концлагерей сказано много. Сейлхан всё это видел своими глазами, то есть был живым участником всех этих событий. Он вспоминает: “... когда ты прошёл ад под названием Бухенвальд, когда ты неделями не ощущаешь во рту вкус самого худого мяса, когда ты начисто забыл вкус настоящего хлеба, когда ты постоянно живёшь в ожидании голодной смерти, ты начинаешь каждому глотку свежего воздуха, каждому куску хлеба, пусть даже с опилками, относиться с великой радостью. Вот через какие муки и унижения нам пришлось пройти. И этот ад называется Бухенвальдом”.

Затем в жизни Сейлхана произошла перемена. Однажды немцы выстроили всех узников, кто ещё держался на ногах, и скомандовали бежать стометровку. Все думали, что сейчас начнут им стрелять в затылок, но всё равно побежали те, кто ещё мог двигаться, следуя принципу: “Двум смертям не бывать, а одной не миновать!”. Те, кто смог хотя бы быстрым шагом “пробежать” стометровку, были погружены в вагоны и отправлены в шахту, расположенную в Бельгии — добывать уголь для фашистов. Так Сейлхан оказался в Бельгии.

Шахта находилась глубоко под землёй. Чтобы научить пленных добывать уголь, с ними туда спускались бельгийские специалисты. Они сочувствовали пленным и иногда даже сообщали им, как продвигаются дела на фронтах. Единственным утешением, если можно так сказать, применительно к тому времени и случаю, было для Сейлхана то, что он встретил своего земляка из г. Чимкента Мадияра Байжанова. С тех пор они всегда держались вместе, поддерживая и ободряя друг друга. И вместе мечтали о побеге.

Но “с пойманными заключёнными гитлеровцы обращались особо жестоко: после того как его избыют до полусмерти, его подвешивали на деревянный столб, где он должен провисеть сутки, чтобы все видели, как они поступают с теми, кто решил бежать. И если он выживет после суточной экзекуции, то его снимали и отправляли обратно в барак. Но не все выдерживали наказание, некоторые умирали прямо на столбе”.

Далее Сейлхан-ага говорит: “О побеге из лагеря можно говорить много, потому что эта мысль занимала голову каждого из нас. Ведь сами посудите, какой нормальный человек упустил бы шанс, если бы представилась возможность безнаказанно убежать? Это особо касалось нас, казахов, выросших в степи, в просторе и независимости. Неволья для нас была пуще смерти.

Во все времена кочевники славились своей непокорностью и жаждой к свободе. Мои родственники, уважаемые аксакалы, рассказывали, что в старину казах, если обидится на своего султана или хана, мог за ночь собрать пожитки и откочевать в другой аул. И с ним ничего не могли сделать. У нас не было, как у русских, крепостной привязанности к своему помещику. Поэтому мы, пленные казахи, возможность побега всегда обсуждали. Мы всегда были готовы, при первой же возможности, совершить дерзкий побег. Но от этого шага сдерживала только одна проблема: наш природный генотип.

Если русские или другие ребята европейской внешности, переодевшись, могли выйти за ворота вместе с бельгийцами, а после раствориться среди местного населения, то мы этого не могли сделать. Мы, представители монголоидной расы,

сразу же привлекали к себе внимание, и тут же попадались в руки охраны. Несколько побегов, совершённых казахами из других барачков, проваливались именно по этой причине. Поэтому нам, прежде чем решиться, надо было всё рассчитать до мелочей. Много раз мы планировали побег, готовились тщательно, но после долгого обсуждения и анализа приходили к мнению, что надо подождать. Смелый, но глупый риск — хуже всего”.

Со временем заключённые всех захваченных Гитлером стран начали объединять свои усилия в борьбе с фашистами, так как понимали, что только таким образом они могут добиться победы. Сейлхан-ага вспоминает: “Увеличилось количество подпольных антифашистских ячеек, комитетов, заключённые, в знак протеста против античеловеческих условий содержания, стали саботировать работу и наносить ущерб производству. Количество побегов увеличилось несмотря на жестокие меры наказания.

Заключённые, доведённые до отчаяния условиями содержания, а также желая внести свою лепту в крах третьего рейха, усилили работу по саботажу. К примеру, с 1943 по 1945 годы узники Бухенвальда занимались выпуском оружия для немецкой армии на заводе “Рустлоф-Верн”. Если в начальный период военнопленные полностью выполняли поставленное перед ними плановое задание и выпускали по 55 тысяч автоматов в месяц, то в марте 1944 года этот показатель упал до 8 тысяч, в апреле до 6, а в мае было изготовлено всего 600 штук. (Источник: книга Н. М. Лемещука “Не склонив головы” — о деятельности антифашистского подполья в гитлеровских застенках).

Другой факт. По требованию подпольного комитета военнопленных инженеры из числа узников, ответственные за конечный результат, стали специально выпускать оружие и боеприпасы с браком. Так, к примеру, из 9300 ракет серии ФАУ-1, ФАУ-2, сброшенных с неба на Лондон, взорвались только 2400, а у остальных взрывное устройство не сработало, так как индукционные катушки, приводящие бомбу к взрыву, специально были собраны из бракованных материалов. И такие саботажные работы проводились почти во всех лагерях”.

Мысль о побеге не покидала Сейлхана и его друга Мадияра. Сейлхан-ага вспоминает, что накануне побега ему приснился сон: “Как будто я на белом коне отца Кайроша, на том самом, который так понравился знаменитому в наших местах разбойнику Амангали, скачу в направлении севера. При этом временами конь не бежит, а прямо летит по небу, точь-в-точь, как лошадь Кобланды-батыра. И у меня необыкновенно счастливое и безмятежное состояние.

Утром я проснулся и не сразу вспомнил, где нахожусь. Когда даже пришёл в себя, то состояние приподнятости долго не покидало меня. Вечером, во время ужина, я рассказал землякам про свой сон. Они были несколько удивлены моему необычному сну, но не стали его анализировать, а лишь сказали, что всё будет хорошо. Вообще в лагере, да и в жизни тоже, многие не придают снам серьёзного значения. Не верят, что бывают вещие сны. Я согласен, что нельзя верить каждому сну, но среди них бывают такие, особые, навеянные, быть может, аруахами (духами предков), которые сбываются. И я чувствую разницу между ними. Этому сну я полностью поверил. Я понял, что обязательно вернусь домой живым и невредимым. Так оно и случилось”.

Наконец они с Мадияром решились на побег. Далее я специально привожу довольно большой фрагмент воспоминаний нашего земляка, чтобы каждый попытался осознать, сколько же тяжких испытаний выпало на долю одного человека. И чтобы каждый молодой мужчина, если ему доведётся читать эти строки, задался вопросом: “А смог бы я выдержать всё это, окажись в подобной экстремальной ситуации, в ситуации, когда ты, сидя в тёплом кресле, не фильм про “войнушку”, как говорит молодёжь, смотришь, а твоя собственная жизнь

висит на волоске?”. Ведь Сейлхан, по своей природе спокойный и добрый человек, выросший в привычной для него обстановке, среди близких ему людей, вдруг оказался по воле Судьбы в ситуации — покруче любого экстрима. А в экстремальной ситуации вернее всего и раскрываются все личностные и чисто человеческие качества мужчины.

Так вот о самом побеге. Сначала они хотели воспользоваться традиционным способом, то есть бежать ночью во время смены, перерезать колючую проволоку и бежать к лесу. Но буквально накануне трое заключённых воспользовались этим методом, в результате чего двоих поймали, один сбежал. И немцы дополнительно усилили охрану этого участка, то есть выделили для этой цели ещё и собак. Остался второй способ — обратиться за помощью к вольнонаёмным бельгийцам.

Сейлхан-ага вспоминает: “За период пребывания в лагере мы, как профессиональные психологи, научились по малейшему взгляду, поступкам, репликам распознавать людей, кому можно доверять, а кому нет. И даже среди немецких солдат встречались неплохие ребята. А среди вольнонаёмных — порядочных и добрых было очень много.

В первый день с одним из специалистов переговорил Мадияр, а во второй — я. Бельгиец сразу не ответил, лишь попросил подумать. Он понимал, на какой риск мы идём, и ему, чтобы нам помочь, надо было подготовиться, всё продумать: как сделать так, чтобы всё завершилось удачно. На третий день, когда мы пришли в ночную смену, он тихо спросил у меня: “Вы ещё не передумали?”. Я твёрдо ответил, что нет. Тогда он сказал: “Будьте готовы, сегодня ночью, ближе к рассвету. Я сам к вам подойду”.

И вот она, та самая ночь, решающая, роковая: или мы погибнем, или же вырвемся на свободу. Всю ночь мы с Мадияром проработали рядом. Всё делали машинально, оба в сильнейшем напряжении, в ожидании когда это произойдёт и чем всё это кончится. В жизни много было у меня судьбоносных моментов, но эта ночь среди них, пожалуй, самая великая и решающая. Что ждёт меня? Что ждёт нас с Мадияром? О, Аллах, помоги нам! Не оставляй нас, не дай погибнуть на чужой земле!

Где-то к четырём часам ночи в подземелье, где мы работали, пришёл наш “ангел-хранитель”. В руках у него фонарь, осветил наши лица и дал команду следовать за ним. В шахте были две небольшие вагонетки, в которые загружали отходы металла и вывозили на поверхность. Он повёл нас к этим вагонеткам и сказал, чтобы мы залезли в одну из них и легли на дно. Затем пожелал нам удачи и ушёл. Дальше мы сами знали, что произойдёт. Через некоторое время пришли такие же узники, как и мы, закидали сверху нас металлическими отходами и отправили вагонетки по рельсам. И они поехали. Лежу и слышу биение своего сердца вперемежку со скрипом вагонетки. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем они остановились.

По свежему ночному воздуху мы поняли, что поднялись на поверхность земли. Вдруг кто-то сверху стал снимать металлические листы, проволоку. Он указал нам на силуэты ночных охранников, а затем рукой показал в сторону ограды и сказал: “Всё, ребята, бегите в ту сторону. Да хранит вас Бог!”.

Привыкшие работать в темноте, мы быстро определились в ситуации. Мы находились на производственной территории. Она тоже охранялась, но не так, как жилые казармы. Здесь и проволочная ограда тоже была совсем другой. Сквозь её натянутые ряды можно было спокойно пролезть. Главное, надо было выбрать момент, когда охранники окажутся к нам спиной. Их было двое и они то сходились, то расходились. То есть они шли навстречу друг к другу, пока не сойдутся, а затем как по команде разворачивались на 180 градусов и шли в обратном направлении. Вот когда мы немецкую точность используем против них же.

Минут десять мы лежали в своём укрытии и наблюдали за силуэтами немецких солдат. Вот они развернулись и пошли размеренными шагами навстречу друг другу, через две минуты они встретятся. Встретились, развернулись и пошли обратно. Ждём, чтобы они ушли на расстояние, откуда не будут слышны наши шаги. В нашем распоряжении две минуты. Но нам хватит и одной, мы уже всё просчитали.

Прежде чем добраться до проволочной ограды, мы должны пройти угольную насыпь, затем горы металлических отходов, но последние лучше обойти с правой стороны, чтобы не создавать лишнего шума. Лучше потерять пять-десять секунд, чем привлечь к себе внимание. Мы бросились вперёд! В угле мы вывалились, как черти, хотя было темно, мы представляли себе, какой должен быть у нас вид. Но нам сейчас не до таких мелочей. Когда добрались до колючей ограды, мы впервые возблагодарили Бога, что у нас на ногах деревянные колодки, в противном случае острая проволока могла бы изрезать нам ноги. Тогда бы мы точно далеко не убежали. А то, что мы немного порезали себе руки, тела и лица, нас ничуть не беспокоило, главное, ноги целы.

Как только мы перебрались на ту сторону ограды, мы тут же выбросили деревянную обувь и босиком устремились в тёмную глушь. Апрельская земля была ещё холодной, но для нас это — мелочи. Подумаешь, немного простынем, это разве беда?

Ничего не видно, бежим без оглядки, сами не знаем куда. Главное — вперёд, подальше от концлагеря, подальше от проклятых фашистов, быстрее к лесу. Вперёд к свободе! Я всё бегу и бегу, бегу и бегу, пока не остановился, чтобы отдышаться и посоветоваться с Мадияром, куда нам дальше идти. Оглядываюсь, а его рядом нет. Не могу понять, куда он испарился, только что бежал рядом. Может, он отстал и надо его подождать? Жду минуту, другую, а его всё нет. А, может, он вперёд убежал? Бегу в темноте и высматриваю каждую тень, каждое дерево, в надежде найти Мадияра. Нет его. Куда он, чёрт, провалился? Вокруг столько деревьев, это тебе не степь, где человека можно увидеть за версту.

Нет, скорее всего, он где-то рядом, мы просто затерялись в темноте. Желая быстрее убежать от места заключения, мы просто не заметили, как оказались в разных местах. Сейчас я его найду. Начинаю тихо его окликать: “Мадияр, Мадияр...”. В ответ слышу только шелест листьев. Эх, были бы мы в степи, сейчас как бы крикнул: “Эй, Мадияр, иттын баласы, кайдасын?” (Где ты спрятался, собачий сын?). А он появился бы из-за оврага, холма или куста и тут же отозвался: “Что ты раскричался, как петух гамбургский?”. И мы бы кинулись обниматься. Но, увы, здесь кричать нельзя. Мы в чужой стране, в незнакомом лесу, из-за любого дерева могут появиться фрицы и повязать нас.

Пока я искал друга по несчастью, вдруг услышал отдалённый лай собак. Всё, началось! Это погоня за нами. Ещё не было случая, чтобы немцы просто так оставили побег. Они обязательно постараются найти нас и жестоко наказать. Таковы правила любого лагеря, чтобы другим не было повадно. Всё, Мадияр, я знаю, ты где-то недалеко, может быть, нас разделяют всего лишь метров 100-200, и ты, скорее всего, тоже ищешь меня и диву даёшься, куда же твой друг запропастился. И ты тоже, конечно, услышал лай собак. Теперь нам поздно искать друг друга, надо бежать и спасаться. Не то нас затравят собаками. Мадияр, дорогой, если даже меня поймают, ты должен спастись, надеюсь, ты не забыл наш уговор?

А уговор у нас с Мадияром был таков. Кто бы из нас ни выжил, он обязан каждый год, 4 апреля, день нашего побега, отмечать как важнейшее событие жизни. Вспоминать и рассказывать людям, что нам пришлось пережить в концлагере.

Лай собак всё громче и громче, раздались выстрелы. Прощай, Мадияр, Бог даст, ещё свидимся. И я устремился в глубь леса. Лучше погибнуть от голода, холода, пусть меня затравит дикий кабан, если здесь они имеются, чем вновь оказаться в лагере”.

Читая строки этого удивительного, пробирающего до глубин души, повествования, я подумала о том, насколько всё же прихотлива Судьба человеческая и на какие просто невысказанные виражи способна она. После утомительного и голодного блуждания по лесу оба друга всё же попали в партизанский отряд, куда и стремились, но до самого конца войны, находясь в одном и том же партизанском отряде, так и не встретились. Во-первых, среди бойцов не принято было задавать много вопросов, а тем более расспрашивать. Во-вторых, их отряд находился не в одном и том же месте бельгийского леса, а для большей безопасности солдат, в нескольких точках. И только на крупные диверсионные задания отряд собирался в полном составе.

Надо сказать, что у многих казахов есть так называемая коммерческая жилка в крови. Это я уже неоднократно видела своими глазами, живя среди них достаточно долгое время. Хотя из исторической литературы мы знаем, что и у русских купцов было это свойство характера. Про русских купцов говорилась расхожая байка о том, что “где русский купец прошёл, там еврею делать нечего”. Сами русские купцы способны были надуть кого угодно, но их самих — ни за что.

Сейлхан-ага вспоминает, что и у Мадияра была такая жилка и хватка. Даже работая в шахте, он из старых резиновых покрышек делал отличные галоши, нижнюю часть, более плотную, пуская на подошву, а боковую на верх, где сшивал, где склеивал эти резиновые галоши и затем, выменивая их у вольнонаёмных на хлеб, приносил хлеб в барак и делил его с товарищами. И позднее, когда командир партизанского отряда Шукшин, отметив у него это качество, использовал дар Мадияра во благо товарищей: доверяя ему одежду и различные вещи, отобранные или отбитые у фашистов. Мадияр загружал всё это в чемоданы и отправлялся в соседнюю Францию, там всё это продавал, а деньги привозил в партизанский отряд для пропитания и прочих нужд. Уже после войны, когда фронтовые товарищи всё же встретились, Мадияр с улыбкой вспоминал: “О, тогда я деньги целыми чемоданами в отряд привозил!”.

А пока что обессиленные друзья блуждали по лесу в поисках партизан. Но Мадияру повезло чуть больше: он блуждал в незнакомом лесу всего одиннадцать дней, а затем наткнулся на партизан. Обессиленный Сейлхан первые дни, не имея верного ориентира, блуждал по лесу без сна и без еды. Сейлхан-ага вспоминает: “На четвёртый день после побега я не выдержал, упал под одним деревом, свернулся калачиком и крепко заснул. Мне снились кошмары, временами просыпаюсь с криком, немного побегая вокруг, чтобы согреться, сворачиваюсь и опять засыпаю, как убитый. Вдруг сквозь сон слышу шорох: кто-то подбирается ко мне. Это немцы, они нашли меня, сейчас повяжут и поволокут, как скотину, на заклание. Пытаюсь встать, но никак не могу. Тело не слушается, глаза не открываются. Нет, прежде чем начнут пинать меня сапогами, надо встать. Не позволю издеваться над собой, пусть лучше расстреляют, но умру стоя.

Кое-как удалось открыть глаза, осматриваюсь, поверх макушки деревьев видно, что уже светает. Но... никого вокруг. Что это был за шум? Оглядываюсь и вижу какого-то маленького зверька: то ли белка, то ли мышь лесная. Я моментально почувствовал дикий голод. Проворно вскочил на ноги, отыскал палку, чтобы размозжить голову зверьку. Но почему он не убегает, а как-то странно ковыляет и как-то жалобно скулит?

Присмотревшись, я увидел, что он в капкане. Когда я поднял палку над головой, наши глаза — мои и зверька — встретились. До сих пор не могу понять, что я в них увидел, но в голове молнией пронеслось видение. Я вдруг увидел в степи моего далёкого предка, знаменитого охотника Култуды, как он посылает свою стрелу в беркута, укравшего у него зайца. Я, как и Култуды, который увидел глаза царя птиц, смотрю в глаза несчастного зверька, на их необыкновенное выражение. И вспомнил печальный конец истории Култуды. (Чуть раньше в своём повествовании Сейлхан-ага описывал этот случай. Когда охотник подошёл к умирающему беркуту, птица открыла большие глаза и таким мистическим взглядом посмотрела прямо ему в глаза, что даже у бывалого охотника от этого взгляда пробежал холодок по спине. Вскоре после этого погиб и сам Култуды).

Мои руки как поднялись, так и опустились. Не знаю почему, но я подошёл к зверьку и освободил его из капкана. И когда увидел, что тот, ковыляя, скрылся в лесных зарослях, стал бормотать про себя: “Беги, малыш, беги. За мной тоже гоняются, как и за тобой”. И, продолжая говорить себе под нос, двинулся в ту сторону, куда скрылся зверёк. Может быть, я пошёл в этом направлении оттого, что зверёк в последний момент, прежде чем скрыться, оглянулся на меня, как бы говоря, мол, следуй за мной, и ты спасёшься. Странно, оказывается, человек, попавший в большую беду, начинает видеть и понимать то, чего в обычной жизни не видит и не понимает.

Теперь, по прошествии шестидесяти лет, до конца я и не вспомню, что же произошло на самом деле. Но одно помню точно, что хоть умирал от голода, но не стал убивать и есть лесного зверька. Позже понял, что я поступил правильно. Пойди я в другом направлении, а не в том, куда указал зверёк, неизвестно, что бы случилось со мной”.

Вскоре Сейлхан вышел к дому фермера. Местные крестьяне терпимо и даже с сочувствием относились к беглецам из концлагерей. Хозяйева фермы накормили его, дали ему одежду и указали направление в лесу, где можно найти партизан. Так Сейлхан попал в партизанский отряд.

Честно говоря, я даже не знала, что во время войны в Бельгии был создан большой партизанский отряд. В его состав входили 350 бойцов. В основном это были сбежавшие из концлагеря советские солдаты. Сначала было два отряда. Одним командовал полковник Шукшин, а в другом командиром был Иван Дядькин.

Полковник Шукшин тоже попал в плен, будучи тяжело раненным. Немцы, видя, что это офицер, закинули его на боковую часть танка, где он лежал, истекая кровью. Когда потерял сознание, немец, думая, что он мёртв, просто сбросил его пинком сапога с танка в придорожную пыль. Его подобрали и выходили пленные советские солдаты, которых гнали по этой же трассе.

Позднее два отряда объединились и наносили фашистам большой урон и в человеческой силе, и в технике. Они вели подрывную деятельность в тылу врага. Причём действовали не только в Бельгии, но и во Франции и в Голландии. Они подрывали мосты, железные дороги и другие стратегически важные объекты и коммуникации. Этот партизанский отряд, который бойцы называли “За Родину” и о котором было написано много книг, был создан по всем правилам, существующим во время войны в Красной Армии. В нём был и командир Шукшин, и политрук, и руководители подразделений.

Когда, в конце войны, во Франции и в Бельгии высадились союзники — американцы, они, много наслышанные об успешной деятельности партизан, сразу же попытались, как это у них везде принято, подмять отряд под себя, то есть разоружить бойцов, затем выдать всем своё обмундирование и своё оружие.

Но Шукшин сказал им, что они могут выполнить приказ только советского командования, и от всех услуг американцев тут же отказался.

Когда война закончилась, то все солдаты, зная о печально-знаменитом приказе Сталина, касающемся военнопленных, старались заручиться тысячами различных бумаг от государственных деятелей Бельгии, которые подтверждали героическую деятельность партизанского отряда “За Родину” с тем, чтобы избежать дома проблем в виде гонений или преследования со стороны властей. Поэтому кроме общих бумаг для всех бойцов отряда и каждый боец старался запастись необходимыми документами.

Наконец наступил день отправки домой. Его каждый солдат ждал с двояким чувством в сердце: и с большой радостью, и с внутренней тревогой. И надо же было такому случиться, что Сейлхан увидел своего друга Мадияра именно в день отправки домой в порту г. Марселя. Он радостно звал его, стараясь протиснуться к нему сквозь плотную массу поднимающихся на борт корабля. Но Мадияр сделал ему знак рукой, означающий, что подходить к нему не надо.

Позднее Сейлхан-ага, размышляя опять-таки о превратностях Судьбы, думал о том, что если бы они встретились с Мадияром чуть раньше, возможно и он остался бы в Марселе, если бы заранее знал, какие ужасы и издевательства его ждут дома. Возможно, Мадияр и уговорил бы его тогда остаться во Франции. Но всё получилось так, как получилось. Точнее, как было угодно Судьбе.

Мадияр остался в Марселе. Основал ещё с одним предпринимателем мастерскую, затем открыл магазин. Позднее женился на польке, у них родилась сначала дочь, а затем — сын. Но когда однажды пришли к нему двое штатских и начали спрашивать, не знает ли он такого Сейлхана Габдуллина, уже на следующий день Мадияр, зная, чем это грозит, срочно заколотил окна и двери своего дома и отправился с семьёй в Голландию. Прожил там несколько лет, пока друзья не сообщили ему, что всё тихо и больше “визитёров” не было. Только тогда он вновь вернулся с семьёй во Францию.

Так и прожил Мадияр, наш земляк из Чимкента, свою жизнь богатого коммерсанта во Франции, превратившись из Мадияра в Мишеля. А его друга Сейлхана ждала дома далеко не сладкая участь. Хотя поначалу, когда их доставили военным кораблём в Одессу, всё складывалось вроде бы неплохо.

Сейлхан-ага вспоминает: “Как только ноги наши ступили на родную землю, партизаны стали падать ниц и со слезами и рыданиями целовать землю. Скопившиеся за долгие годы боль и страдания разом вылились наружу. Я сам не заметил, что тоже стою на коленях и судорожно плачу от счастья”.

Поначалу ко всем солдатам отнеслись дома терпимо, даже подлечили в военных госпиталях, поскольку у всех были и общие на весь отряд бойцов документы, и у Сейлхана были все необходимые справки, подтверждающие его боевые заслуги в партизанском отряде “За Родину”, заверенные и бельгийским правительством, и советским консульством в Бельгии.

После того как Сейлхану дали вторую группу инвалидности и комиссовали из армии, он вернулся в родной аул.

Сейлхан-ага вспоминает: “После возвращения с войны я устроился скотником. Пас коров, баранов. Работал, как всегда, очень добросовестно. Но животные тоже живые существа: болеют, худеют, да что угодно может с ними случиться, могут даже умереть. И вот чуть что, виноват Габдуллин, потому что он — германский диверсант. И всякий раз надо писать объяснительные и доказывать, что ты не верблюд. Всё это мне надоело, и тогда я вспомнил, что до войны я поступил в институт. Благо все документы сохранились. Поехал в Уральский пединститут и сдал документы на заочное отделение. Окончил его и стал учителем в школе”.

Однако радость от чудесного возвращения Сейлхан-ага домой живым и невредимым продолжалась всего две недели. Однажды его вызвали в районное отделение государственной безопасности. Он тогда не понимал, что с этого дня берёт начало новая страница его жизни: унижительная и страшная. Когда шёл туда в первый раз, думал, что обычная проверка. Но это оказалось не так.

Местные чекисты Оспан Байметаев и Исабек Хакимбеков решили, что они всемогущие и что с Сейлханом Габдуллиным могут сделать всё, что захотят. Им было наплевать, что у Габдуллина все документы в порядке, что он инвалид войны. Для них это абсолютно никакого значения не имело. Они чекисты и должны выискивать врагов народа, а ещё лучше — иностранных агентов. А ведь сотрудникам спецслужб надо же как-то оправдывать свой хлеб. А тут такое везение: Габдуллин, оказывается, был в немецком плену.

Конечно, чекисты понимали, что Габдуллин никакой не шпион и не предатель. Что делать международному шпиону экстра-класса в богом забытом Индере? Да и людей-то раз-два и обчёлся.

Но чекистам так неинтересно. Поэтому надо срочно из Сейлхана сделать тайного агента, руководителя подпольной террористической организации, завербованного подрывными антисоветскими организациями и засланного в Казахстан, чтобы он тут устроил государственный переворот. Вначале он должен хитростью и коварством захватить власть в ауле, затем в области, потом в республике, а там и Москва не за горами.

Изучая логику поведения “бравых” чекистов, только такая абсурдная, фантастическая мысль приходит в голову. По-другому трудно объяснить их действия. И действительно, после первого приглашения последовало следующее, затем третье... И... пошло-поехало.

“Начали с беседы, с объяснительных, потом стали составлять протоколы, следом пошла перепроверка всех документов с пристрастием, заново стали изучать фотографии. А потом уже без всяких стеснений в ход стали пускать перекрёстные вопросы, допросы, шантаж, запугивание, избияния”.

Тем временем количество бумаг, заведённых на Габдуллина, всё росло и росло.

Сейлхан-ага вспоминает: “Передо мной уселся начальник областного управления КГБ Хлецков. По бокам трое: его заместитель, тоже русский, и два казаха. Один начальник районного отделения, уже неоднократно меня допрашивавший, Исабек Хакимбеков, другой — старший лейтенант Бокенов Жармен, работник областного управления. Я, как всегда, был готов к разговору.

Чтобы разговорить меня, они решили применить подлую тактику. Не успел я сесть на табуретку, как слетел с неё. Этот негодяй Жармен со словами: “Ты нам не говоришь правды”, — с размаху ударил меня револьвером по виску. С виска и уха у меня брызнула кровь. Они подняли меня с пола и начали допрашивать. Отвечаю, как и прежде. Всю ночь они били и допрашивали меня. Хлецков спрашивает:

— Когда ты в последний раз виделся с Мадияром Байжановым?

Я говорю:

— 4 апреля 1944 года. В день нашего побега.

Он мне говорит:

— Врёшь. Сознайся, что вы оба завербованы иностранной разведкой.

И все вместе:

— Когда с тобой в последний раз выходил на контакт Байжанов, какой у вас пароль, код, как вы общаетесь между собой? Говори, если хочешь жить.

И так бесконечно. Странно, они мне угрожают, орут, избивают, а я стараюсь не терять чувства самообладания и контроля над своими мыслями и

словами. Чем больше они звереют, тем больше самоконтроля; всё время стараюсь запомнить их лица, повадки, отличительные моменты каждого. Не знаю, для чего я это делал. В жизни ведь всякое бывает, может, думал: “А вдруг опять начнётся война и в моих руках вновь окажется автомат. Тогда, наверное, я первым делом разобрался бы с этими прохвостами”.

В какой-то момент я подумал: “А зачем мне откладывать назавтра то, что можно сделать сегодня, сейчас, сию минуту? Почему я должен терпеть эти оскорбления и издевательства? Почему я не могу отобрать у этого подлеца Жармена пистолет и сразу всех порешить. На месте, не отходя от кассы?”.

В такие минуты мои глаза наливались кровью, я это чувствовал. Был один удачный момент, когда я уже готов был броситься к Жармену. Я был готов физически и внутренне, я весь напрягся. Ещё пять-десять секунд, и вы узнаете, на что способен бывший военнопленный Бухенвальда, партизан Габдуллин. Но в это время, как назло, а может быть, почувствовав что-то неладное, мне в глаза заглянул заместитель начальника, жаль, фамилию его я так и не узнал. Увидев мои глаза, налитые кровью и ненавистью, он испугался и часто-часто заморгал. Я запомнил его трусливые и подлые глаза. Тридцать три года спустя я вновь увидел эти глаза, но уже в других обстоятельствах. Они так и остались трусливыми и подлыми.

Заместитель, кажется, прочитал мои мысли, стал зорко следить за моей реакцией и всё время находился за моей спиной. Сволочи! — ещё бы миг, и вас всех четверых я отправил бы прогуляться в загробный мир.

Глубокой ночью, вконец уставшие, они заперли меня в маленьком чулане, а сами ушли отдыхать. Рано утром продолжили допрос. Убедившись, что им меня не сломать, ничего из меня не выжать, отпустили. Домой добрался не помню как. В голове туман, по пути несколько раз падал от слабости. Изверги! Даже фашисты надо мной так не издевались. Будьте вы прокляты, душегубы!”.

Когда читаешь эти строки, повествующие о действительно трагической участи Сейлхана Габдуллина, невольно задаёшься вопросом: “А если бы на долю именно этих людей, так беззащитно издевающихся над человеком, выпала хоть десятая доля тех испытаний, которые выпали на долю Сейлхана-ага, то как бы они повели себя во всех этих ситуациях? Ведь даже мальчишки восклицают в уличных детских потасовках: “Так не честно, двое на одного!”. А если четверо взрослых и здоровых дядек нападают на одного человека, то как это можно понять и назвать? И что самое ужасное, своих же, не фашистов, а своих, считай что — родных?!

Причём они издевались не только над самим Сейлханом Габдуллиным, но путём шантажа и запугиваний заставляли и его жену следить за мужем и доносить на него. Из-за чего позднее распалась их семья.

Вот как размышляют о пережитых Сейлханом Габдуллиным послевоенных испытаниях и в последующие годы авторы книги “Вопреки всему” Аманкелды Жумаш и Болат Рыскожа: “Но и без всего этого Сейлхан-ага является великим примером, а ему, в свою очередь, были примером для подражания “его сильные и мудрые предки Мастек, Бектен и Култуды. И, конечно, великий Махамбет. Это они не позволяли ему склонить голову пред грубой и циничной силой. Это они во имя памяти великих аруахов, призывали его биться с тёмной силой до последнего нерва, крови и дыхания. И он победил, не смотря на то, что силы были неравны.

А сколько его боевых товарищей были буквально затравлены дома, точнее, в своей стране? “А сколько людей не выдержали условий тюремного содержания, преследования, допроса, издевательства, умерли в тюрьмах, а многие, выйдя на свободу, спились, некоторые наложили на себя руки. И в каждом случае горе,

трагедия, слёзы. Трагедия невинных людей. Потому что практически все бывшие партизаны подверглись в той или иной форме репрессиям, преследованиям со стороны силовых структур. Все они жили в постоянном страхе, что их могут в любой момент арестовать и посадить в тюрьму, как врагов народа”.

Например, как поступили с командиром партизанского отряда “За Родину” полковником Шукшиным? “Власть его тоже травила, но не так, как остальных, а по-своему. Как-никак он был знаменитость. С такими людьми расправляются совсем по-другому. Отстраняют от дела всей его жизни и предают забвению. Этот вид наказания ничем не лучше, чем откровенная травля. Для человека, успевшего побывать в зените славы, обласканного большой властью, отстранение от всего этого хуже смерти. Государство отплатило ему чёрной неблагодарностью, герою и талантливому офицеру, выказав ему своё недоверие: человека, который командовал крупными воинскими подразделениями, создал мощный партизанский отряд в тылу врага, запихнуло рабочим на завод.

Десять лет он работал в Саратове на заводе, молчаливый, замкнутый. Но однажды на завод приехала делегация бельгийских рабочих. Саратовские рабочие горячо встретили гостей. Один из бельгийцев, выступая с приветствием, сказал:

— Наша дружба и солидарность с русскими людьми скреплена кровью в совместной борьбе против фашизма. На родной бельгийской земле я был партизаном в бригаде, которой командовал советский полковник Шукшин. Мне кажется, что он ваш земляк, из Саратова...

И вдруг все повернули головы, ища глазами Шукшина.

— Да, это наш Шукшин! — воскликнул бельгийский рабочий. — Наш!

Другой командир Иван Дядькин работал после войны председателем колхоза, работал от зари до зари, перевыполняя план. А чуть что, и в его адрес тоже угрозы. Ты, мол, смотри, мы знаем, где ты был. Любой тунеядец или алкоголик на работе мог его шантажировать и пугать. Бесконечно всякие проходимцы писали на него доносы, а по этим кляузам его приглашали в КГБ. Словом, трепали Дядькину нервы, как могли...”.

“В 1991 году Союз рухнул и распался на пятнадцать частей. А вместе со страной был ликвидирован КГБ. Но на его базе каждая республика стала создавать свои структуры госбезопасности. Сейлхан-ага наконец-то мог вздохнуть свободно. Теперь-то его оставят в покое. И действительно, год-полтора его никто не беспокоил. Но однажды, в 1992 году, к нему домой пришла бумажка. Его приглашали в районное отделение Комитета национальной безопасности. Сейлхан-ага подумал, что, наверное, они хотят принести перед ним свои извинения за грехи КГБ.

Он явился в точно назначенное время. Настроение было приподнятое. За столом сидит молодой казах. Спортивно подтянутый, вышколенный. Сейлхан-ага поздоровался с ним очень приветливо. Странно, в ответ он не встретил дружелюбия. Думает, ладно, молод ещё, исправится. Но каково же было Габдуллину, когда он вдруг услышал следующее:

— Т-а-а-к. Значит, вот по какому вопросу я вас вызвал. Вы у нас состоите на учёте как неблагонадёжный элемент. Поэтому, когда я буду вас вызывать к себе, вы должны приходить сразу же, без опоздания. В противном случае будут приняты меры. Вы поняли меня?

И всё это было сказано в очень грубой, надменной, угрожающей форме.

От неожиданности секунд пять Сейлхан-ага не знал, что сказать. Он молча смотрел на холёное лицо новоявленного чекиста. “Вот подлец, вот шкурник, вот сопляк!” Сейлхан-ага медленно поднялся с места, сжал кулак и грохнул им об стол. Отчего канцелярские товары так подпрыгнули вверх, что одна ручка чуть не попала в глаз молодому парню. Он в страхе вздрогнул, съёжился.

— А теперь ты послушай меня. Ты что, ненормальный, что ли? Что ты тут несёшь мне чепуху? Не понимаешь, в какое время живёшь? Эй, балбес, оглянись по сторонам, нет уже той власти, которая травила меня. А мы где сейчас живём? Так вот, я сейчас же напишу письмо Президенту Назарбаеву на ваши действия. И тогда посмотрим, кто кого будет вызывать. — С этими словами Сейлхан-ага вышел из кабинета, грохнув дверью.

Придя домой, он тут же написал письмо на имя Президента. Ответ пришёл быстро. В письме было сказано, что впредь никто не имеет права хоть как-то беспокоить Сейлхана Габдуллина.

Он отнёс это письмо в районное отделение КНБ. И на этом закончилась его полувековая травля. За что он безмерно благодарен Президенту Назарбаеву, который, наконец-то, поставил точку в этой длинной истории”.

Авторы книги справедливо отмечают: “Сейлхан-ага всю жизнь старался жить по совести, в труде, никому не мешая, сея вокруг только добро. Но жизнь каким-то странным образом взяла его в свой оборот и стала водить через все круги ада. Но он не сломался, не озлобился, не стал хныкать, не опустил руки. А наоборот, показал пример стойкости, доблести, благородства. Он всей своей жизнью, поведением доказал, что человек при любой ситуации может оставаться человеком. И для этого не нужны сверхъестественные качества: физическая сила Геракла или мудрость Сократа.

А надо только иметь доблестное сердце и любить Правду, какой бы она ни была горькой. И главное, никогда не пасовать перед трудностями”.

Что хотелось бы сказать в заключение? Люди, увы, привыкли все свои ошибки и промахи в прошлом сваливать на время. Дескать, время было такое. Но время здесь ни при чём, ибо оно полностью бесстрастно и к самому человеку и к его действиям. И только по нашей воле во времени случаются те или иные события. Я искренне рада, уважаемый Сейлхан-ага, что для Вас момент истины наконец-то настал! Вы достойны того, чтобы Вас называли национальным героем. Ваше мужество следует приводить в качестве примера молодым солдатам в армии, а школьным историкам рассказывать о Вашей героической стойкости детям. Дай Бог Вам увидеть, как по этой замечательной книге снимут прекрасный исторический фильм о Вашей уникальной Судьбе, действительно достойной всяческого уважения и восхищения.

На Вас, мне кажется, действительно есть печать Бога, ибо только Он вёл и поддерживал Вас во все эти невыносимо трудные времена, так как по жизни обычно больше достаётся испытаний тем, кто и является любимцем или избранником Бога. Кому много дано, с того и спрос большой. Такова истина. Щедрость нашего Создателя велика и необъятна: Он каждому младенцу при рождении даёт не один, а сразу девять даров! И только от самого человека зависит, разовьёт он их в себе или нет.

Одним из даров Бога Вам, несомненно, является мужество и стойкость характера. Ведь Вы не только не потеряли, а даже упрочили и то и другое качество, постоянно находясь в действительно экстремальных для себя условиях войны и чужбины. А вторым даром является благородство, ибо несложно представить, насколько велико было искушение назвать всех подлинных обидчиков и даже истязателей своими собственными именами, но Вы изменили их, потому что дети не отвечают за отцов. Остальные семь Вы легко сосчитаете сами.

Уважаемый Сейлхан-ага, даже в книге Вы не раз задавали себе вопрос, где было тяжелее: в концлагере или претерпевать нескончаемые годы травли на своей родной земле? К сожалению, не существует таких весов, чтобы взвесить эти состояния. Но возьму на себя смелость предположить, что тяжелее было

именно на родной земле, среди своих же земляков выносить незаслуженные обиды и оскорбления личности — терпеть и выносить! — не чувствуя при этом никакой вины. Это ли не самая тяжкая участь для человека?!

На чужбине, особенно в концлагере, какие-то силы давали элементарный инстинкт самосохранения и страстное желание вернуться на родную землю, а не быть убитым какой-то шальной пулей, ведь каждый день жизнь подвергалась смертельной опасности. А здесь, на родной земле, казалось бы, среди своих пришлось столько лет безвинно страдать. Полагаю, что это куда тяжелее, ведь моральный гнёт ничуть не легче физического, ибо способен давить постоянно!

Но почему-то так складывается среди нас, людей, что мы стараемся утешить себя в сложные для нас минуты не тем, что кому-то лучше нас, а тем, что кому-то ещё хуже. И человек начинает лихорадочно выискивать в памяти такие примеры. Но в данном случае всех Ваших боевых товарищей постигла одинаково нелёгкая послевоенная участь. И, пожалуй, никому из них не было по-настоящему легко.

Уважаемый Сейлхан-ага, я искренне стараюсь найти для Вас хоть какие-то слова утешения.

Первое. Вы только посмотрите, какими прекрасными детьми продолжился Ваш славный род! Двумя сыновьями и двумя дочерьми. Остальных детей я не знаю, но что касается старшего сына Кажымурата Сеилхановича, то его точно подарил Вам Аллах в утешение! Ибо какой сын нынче поедет в далёкую Воркуту, чтобы повидаться по поручению отца с его боевым товарищем?

И ваш же боевой друг, Александр Евгеньевич Канев с супругой, у которых не было своих детей, увидев его и познакомившись с ним поближе: добрым, отзывчивым, деликатным и обходительным со старшими, тут же предложили ему официально стать их сыном. Чтобы иметь возможность завещать ему свою квартиру в Воркуте и все свои сбережения.

И он же, старший сын Кажымурат, сопровождал вас на другую встречу — с командиром Иваном Дядькиным в Волгоградскую область, в село Суходол. Стал бы другой сын тратить свой трудовой отпуск на поездку к боевому товарищу отца? Человек, действительно безмерно перегруженный ответственной работой в управлении по чрезвычайным ситуациям, когда мобильный телефон не отключается 24 часа в сутки? А это ваш сын! Наверное, особенно радостно было Вашей душе, когда Дядькин воскликнул: “Как он похож на тебя!”.

И старший сын сопровождал Вас в Париж, на встречу с земляком и другом Мадияром Байжановым.

Второе. Мне кажется, большое моральное удовлетворение Вы, уважаемый Сейлхан-ага, получили после издания книги “Вопреки всему”, выпуск которой тоже организовал для вас Ваш старший сын Кажымурат Сеилханович. Как я поняла, это по его ходатайству были приглашены авторы, написавшие её с Ваших слов и воспоминаний?! А сколько Ваших боевых товарищей так и ушли с горечью и обидой в сердце и в полной неизвестности? А книга о Вас получилась настолько интересной и содержательной!

Я сама держала свою первую книгу в руках, прижимала её к сердцу и знаю, какое это — ни с чем не сравнимое! — счастье. Но для Вас это была ещё более утончённая и глубинная радость души — потому что в ней содержится вся правда Вашей жизни, именно та правда, которую Вам всегда хотелось донести и рассказать людям. В которой Вы имели спокойную возможность сказать всё, что было на сердце и что долгие годы переполняло душу болью и сожалением несправедливости. Высказать всё это и было самым сокровенным желанием человека, чьи честь и достоинство были безвинно пограны.

А что касается всех обидчиков, что делать? В большинстве своём “слаб человек и подл”. Как мне кажется, есть в этом выражении доля истины, ибо люди давно и далеко отошли от заповедей божьих и полностью погрязли в эгоцентризме. К тому же никто не бывает более жестоким, чем бывший раб, сказал какой-то мудрец. Ибо рабом можно быть не только по сути, но и в душе. Ещё Иисус сказал: “Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из них”.

Третье. У Бога много способов и методов общения с каждым из нас. Чаще всего Он говорит понятным для нас языком и средствами: Он говорит нам что-то устами других людей или нежным сиянием солнечного дня успокаивает нам душу, или ласковым ветерком утешает нас... Или ароматом розы или ароматом вечерних цветов призывает нас к размышлениям. Или запомнившейся и полюбившейся нашей душе музыкой. Слушал же ваш друг Мадияр Байжанов свою любимую мелодию “Синий платочек”, которая напоминала ему о Родине, и плакал...

У Бога много способов общения с нами, да вот далеко не каждый может слышать и понимать их. Ведь только Он один знает, почему я оставила работу над очередной книгой и столь охотно взялась писать о Вас и для Вас, уважаемый Сейлхан-ага, эти слова утешения? Может же быть, что это именно Он говорит с Вами через меня? Может быть, это именно Он желает утешить Вас и подарить, наконец, Вашей душе столь долгожданный и заслуженный покой? Ведь именно Он хранил Вас в каждой тяжёлой ситуации и даже тогда, когда в иные минуты Вам грозила большая опасность? Особенно там, в Бельгии, когда каждую минуту из-за любой ветки могла настичь шальная пуля. И что это Он нёс Вас на руках, когда Вы были особенно обессилены? Может быть, именно Он желает сказать Вам, что Вы — настоящий Его сын, и что Он гордится Вами! По большому счёту, самое главное для человеческой души — угодить Богу, а не человеку! А в Вашем случае это так и есть. К тому же нынче легче угодить Богу, чем человеку.

Поэтому даже в мирное время, несмотря на все трудности и вопиющую несправедливость, Он помогал Вам всегда оставаться благородным человеком. А кому Богом много дано, повторяю, с того и спрос большой. Считается, что Бог больше любит тех, кому посылает испытания, ибо только тот, кто верен в малом, верен и в большом. Может быть, именно Вам Он оказал честь, чтобы Вы всей своей жизнью быть примером для подражания? Воплощением истинного мужества и исключительного благородства — качеств столь редких нынче в людях? Чтобы командиры говорили молодым солдатам: “А вы думаете, Сейлхану Габдуллину легко было? Но он же выдержал! Ни чести, ни достоинства своего не растерял! И, несмотря на все испытания, не стал ничтожным приспособленцем, а во всём сохранил свою высшую человеческую суть!”.

Вас ведь тоже жизнь учила по ходу, в процессе действия учила. А Вы вели себя так, как подсказывало Вам сердце. А оно никогда не ошибается, если прислушиваться к нему основательно и серьёзно, ибо именно в сердце, в тайной обители сердца каждого человека и содержится искра божья.

Я не историк и не очень большой знаток военных событий, но из всего того, что мне приходилось видеть и слышать, я не припомню ещё одной такой же героической судьбы именно наших, казахстанских, воинов.

Уважаемый Сейлхан-ага, будьте здоровы, будьте благословенны! Низкий поклон Вам за всё! И каждый читатель, кто прочтёт последние слова, считайте, вместе со мной поклонится Вам!!!

г. Актау.

Василий КОНОПЛЁВ

“О, сколько нам открытий чудных...”

(Окончание. Начало в № 7 за 2009 год)

Моя мадонна

(О влюблённостях и любви)

За десять лет с момента, когда Пушкин опубликовал первую свою поэму “Руслан и Людмила”, он как поэт стал известен широкой публике, для передовой молодёжи он образец, для салонных дам и юных дев — кумир. Любвеобильный, страстный, пылкий, он покорял сердца девиц и замужних женщин своими признаниями и комплиментами, поэмами и стихами, опубликованными в журналах и книгах, а также строками, оставшимися в альбомах, но передаваемых из уст в уста.

*И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.*

Всего лишь десять лет — и любовная лирика Александра Пушкина стала достоянием последующих веков. А после 1830 года всё переменялось. Женатый человек в представлении поэта — противопоставление молодому вертопраху. Восторг любви сменился философскими размышлениями о бытии земном. Поэзию в его творчестве постепенно вытесняет проза. Женившись, Пушкин больше о любви не пишет. Лишь изредка о женской красоте с поклонением и с благодарностью как к источнику вдохновения.

*Но, встретясь с ней, смущённый, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.*

“Прошли восторги и печали, и легковёрные мечты...” — писал Александр Сергеевич, когда ему было-то всего лишь тридцать пять лет. Значит, всему гениальному, что было написано в стихах о любви, мы должны быть благодарны providению, оставившему поэта до тридцати лет холостым. Как никто другой он мог выразить словами мимолётные чувства влюблённости, искреннюю признательность той, кого любил, но кто будет счастлива с другим. Это удивительный поэтический дар написать от первого лица так, чтобы каждому читающему слова становились так близки, как будто истекают из собственной души: “Я думал, что любовь погасла навсегда...”, “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”, “Я думал, сердце позабыло...”, “Печаль моя полна тобою...”, “Я помню чудное мгновенье...”.

Так уж устроен человек, что любопытство (дар божий или божье наказание) заводит его в чужие судьбы и требует удовлетворения интереса о тайных перипетиях личной жизни, особенно жизни людей известных, популярных. В начале прошлого века вышла в свет книга под названием “Дон-жуанский список А. С. Пушкина”. И в действительности, за год до своей свадьбы Александр Сергеевич на вопрос, а любил ли он кого-нибудь, вписал в альбом Елизаветы Ушаковой десятки женских имён. Среди них — дамы сердца его лёгких увлечений и музы, внушившие поэту серьёзные чувства, запечатлённые в стихах и поэмах. В какой-то степени поэт сам виноват в том, что его считали ловеласом. В письме к жене своего друга Вяземского накануне женитьбы на Н. Гончаровой он не без сарказма признавался: “Натали — моя сто тринадцатая любовь”.

Трижды сватался Пушкин до неё к другим девушкам. Какие страсти разгорались, какой пожар пылал в душе поэта! Какие стихи рождало его пылкое вдохновение! Его неумолчная лира рождала лирику любви. Он бескорыстен был в своих признаниях, благодарен милому образу, становившемуся на время его Музой: “Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим”. Он мучался сомнениями:

*Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи моц,
Мой ангел, я любви не стою!*

Трижды, получая отказ возлюбленных, поэт отступает от претензий на женитьбу. Но он не в силах отказаться от милейшей Натали. Два года он добивается согласия её родителей. К нему пришло озарение: если предыдущие его влюблённости были в ангелов, то теперь “творец ниспослал ему Мадонну”. Всё! Поиски спутницы жизни закончены, им найден “чистейшей прелести чистейший образец”. Пушкин очень последователен в своих убеждениях и в своей поэзии. Ещё за много лет до этого в одном из стихотворений он написал: “И солнце брака затмевает звезду стыдливую любви”, — поэтому после женитьбы умолкнут музы любовной лирики в стихах поэта. И более того, он после помолвки будет сожалеть о растраченных страстях:

*Кляню коварные старанья
Преступной юности моей...
Кляню речей любовный шёпот,
Стихов таинственный напев
И ласки легковёрных дев...*

Нет! Без его стихов о любви мы были бы беднее! Спасибо Натали Гончаровой, что родилась она на тринадцать лет позже поэта, что дала возможность появиться гениальным строкам, посвящённым другим прекрасным дамам, а мы учимся у гения переживать и ценить это божественное чувство, выражать его словами, цитируя пушкинские стихи.

Вот и меня, скромного почитателя великого поэта, иногда посещает вдохновение, и я отдаю дань его поэзии и тем, кто воспламенял его творчество.

Музы Александра

(О Пушкине онегинской строфой)

*Порою чудное мгновенье,
Порой печаль, страстей волна
Его питали вдохновенье.
Душа любви была полна.
Для юных дев и дам прекрасных
Он, стих слагая сладкогласный,
В любви своей не знал преград
И был обманываться рад.
Судьбой поэта в жизни было
Всех в музу превращать вокруг:
Он искренне любил подруг —
Не каждая его любила.
Но среди муз всего одна
Была Мадонною — жена.*

Памятник крепостной крестьянке

(О няне поэта)

В подмосковном городе Боровске на территории культурно-образовательного центра “Этномир” установлена скульптурная композиция, изображающая малыша Сашу Пушкина и его няню Арину Родионовну. “Мы рассматриваем памятник самой знаменитой няне России как дань любви и уважения безымянным русским сказительницам, без которых была бы немыслима наша великая классическая литература, без которых не был бы таким живым и сочным русский язык”, — говорится в сообщении инициаторов проекта.

Немногие современники Александра Сергеевича Пушкина осознавали что, если и вспомнят о них, то лишь в связи с тем, что довелось им жить в одно время с поэтом. Безвестными могли бы остаться сенаторы и министры, князья и бароны, все его гонители и завистники. Но нам-то теперь интересны все, кого упомянул он в своём творчестве или в письмах.

Кто бы мог подумать тогда, что благодаря светлым стихам А. С. Пушкина всему миру будет знакомо и дорого имя простой крепостной крестьянки Арины Родионовны. И неизвестно, как сложились бы внутренний мир и творчество поэта, не будь в его судьбе доброй няни и не одари она его богатством своей души.

От младенческой колыбели и до Михайловской ссылки трепетно опекала и любила Арина Родионовна своего “милого ангела Александра”. За год до смерти она писала ему из Михайловского: “Любезный мой друг, Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме...”.

Без сомнения, не были бы созданы Пушкиным прекрасные поэтические сказки, если бы не внимал он из уст доброй няни “преданья старины глубокой” о богатырях и спящей красавице, о Черноморе и Гвидоне, о незадачливом попе и хитроумном его работнике. “Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!” — писал Александр из деревни брату.

А после смерти няни гонимый властями, бесприютный и бессемейный Александр Сергеевич вдруг понял, что “он стал без неё сиротой, потому что никто так его не любил, как она, этой — самой нужной и самой редкой в жизни — любовью, всё дающей и ничего не требующей, любовью, к которой можно прильнуть и отдохнуть”.

Так сложилось, что Пушкин был обделён материнской любовью, и потому всю свою сыновнюю теплоту и преданность он отдал Арине Родионовне, называя её “мамушкой”. А сколько стихов посвящено няне! И на века она останется изображённой в образах задушевной собеседницы Татьяны Лариной и преданной няньки Дубровского. Александр Сергеевич писал высокоинтеллектуальную светскую литературу, а его поэзию называют народной. И народность эту он впитал с младенчества, вслушиваясь в напевные повествования своей няни. Наверняка поэтому в скульптурной композиции нового памятника поэт изображён не с привычными для нас бакенбардами, а совсем юным.

Памятников, изображающих Пушкина-лицеиста, известно около пятнадцати, а вот в “дошкольном”, так сказать, возрасте это всего лишь второй. Первый стоит в бывшем имении бабушки поэта Захарово, где и проводил каждое лето Саша с семьёй вплоть до поступления в лицей. И вот теперь он, воплощённый в бронзу кудрявый малец, прильнул к няне своей и замер, вслушиваясь в напевные сказания, среди яблонь Боровска.

Памятник Арине Родионовне (не многие знают, что фамилия у неё Яковлева) воздвигнут в год её 250-летия. К слову, это не первое её скульптурное изображение. Бронзовый дуэт Пушкина и его няни установлен двадцать пять лет назад в Пскове. В соседнем с нами сибирском Омске в этом году был проведён конкурс

на лучший монумент русской няне. Теперь омичи определяют место его установки. А в небольшом селце Кобринно, что под Гатчиной (Ленинградская область), сохранилась избушка, в которой Арина Родионовна жила после своего замужества. Сейчас там создан музей с убранством крестьянской избы конца XVIII века.

В 2009 году мы отмечаем двести десять лет со дня рождения великого Пушкина. Нерукотворный памятник его: стихи и проза, сказки и пьесы — в сердцах и умах миллионов людей нашей планеты. А рукотворные монументы напоминают, что поэт по-прежнему близок, понятен нам и бесконечно любим.

EXEGI MONUMENTUM

(О памятниках и памяти)

6 июня 1880 года в Москве состоялось открытие первого монументального памятника русскому национальному поэту. К этому времени уже воздвигли в России памятники трём писателям: М. В. Ломоносову в Архангельске, Н. М. Карамзину в Симбирске, Г. Р. Державину в Казани, но ещё ни одного не было установлено в Первопрестольной. Воплощёнными в бронзе в те времена достойными были быть лишь царствующие особы да полководцы в мундирах и с регалиями. Потому-то Ломоносов и Державин были изображены образно, в римских тогах и с лирой, а памятник Карамзину представлял собой богиню истории Клио и маленький бюст писателя в нише постамента. Открытие монумента человеку в гражданской одежде со шляпой в руках стало общенародным явлением.

Двухсотлетний юбилей Александра Сергеевича Пушкина вновь всколыхнул культурную общественность и не только в России, но и по всему миру. Произведения писателя, исследовательские работы о его жизни и творчестве издаются как на русском, так и на языках тех стран, где они выходят в свет многотысячными тиражами. Масштабные монументы и скромные бюсты украсили центральные площади и скверы тех городов, в которых не растворилось в политических амбициях бережное отношение к культурным традициям и сохранилось трепетное отношение к памяти и интеллектуальному наследию, принятому от предыдущих поколений.

Установка памятников великому русскому поэту может раздражать нынешних русофобов как давление на другую национальную культуру. Но ведь вместе со скульптурными изображениями Пушкина в страны мира приходит и осознание того, что здесь, на евразийской территории, мы хотим, как и наш поэт, “чувства добрые лирой пробуждать”, а не бряцать оружием и не запугивать друга угрозами и бомбовыми ударами. А ведь, собственно говоря, памятники, появившиеся за последние годы в Вашингтоне, Риме, Париже, в Мексике, Канаде и на Кипре, — это малая доля из того, что было воздвигнуто за 129 лет с момента, когда появился в Москве первый памятник Пушкину.

Вот что гласит по этому поводу статистика. До революции с 1880 года было воздвигнуто около 30 памятников поэту, последний — в 1913 году. За следующие 20 лет по понятным причинам (Первая мировая и революция) не появилось ни одного. Не найдя ни в Демьяне Бедном, ни в Максиме Горьком того вождя поэтов и писателей, который воплотил бы в себе национальные и революционные идеи, молодое советское государство вспомнило об историческом кумире Александре Пушкине. Только за один 1937 год в стране было установлено более двадцати монументов поэту. Правда, в подавляющем большинстве это были бетонные бюсты массового производства, многие из которых разрушило время, война и вандалы. Такова судьба и первого памятника, появившегося за рубежом, в Китае. Установленный в 37-м в Шанхае, он был дважды разрушен, сначала японскими оккупантами (восстановлен в 1947 году), затем в период “культурной революции”. В 1987 году памятник был открыт в третий раз.

Всего в тридцатые годы было установлено 33 памятника, в сороковые — 51, а в пятидесятые — больше восьмидесяти. Во второй половине двадцатого века появилось 140 скульптурных изваяний. Из них восемь в пяти странах Америки, двадцать шесть — в двадцати странах Европы. А всего их известно около шестисот.

В последние годы памятники стали более разнообразными. Есть памятники-фонтаны. Есть в сочетании с колоннами и арками. То с музой, то с Пегасом, то с другом Владимиром Далем, то с няней Ариной Родионовной. Сидя на скамье или на камне. А то и лёжа, к примеру, на лужайке в Михайловском или на кресле-диване в одном из арбатских дворишков Москвы.

Существуют разные виды увлечений с мудрёными иностранными названиями-терминами: фалеристика — коллекционирование значков, филумения — собирание спичечных этикеток, филокартия — открыток. А вот меня увлекло собирание изображений памятников Пушкину. Термина такому занятию ещё не придумано. Но до чего же оно увлекательно! Особенное удовольствие, найдя изображение в Интернете, потом оказаться с ним рядом в жизни и сфотографироваться. А как много любопытного может рассказать история создания и жизнь скульптур. У памятников тоже есть свои судьбы, порой не менее интересные, чем человеческие. Вот некоторые из них.

Кто бы мог предположить, что Пушкина расстреляют дважды?

Во время своей первой ссылки в Молдавию поэт некоторое время жил в городке Бендеры. Ему были интересны те места, потому что когда-то там квартировал после Полтавской битвы шведский Карл, там же захоронен и Мазепа — герои поэмы Пушкина. Неслучайно, значит, в городе установлен памятник поэту. Только вот недавняя Приднестровская война вовлекла и его в разборки молдавских националистов. “По домам они били из пушек и миномётов, а в памятник стреляли из автоматов. Грудь слева — прострелена; в ноге — рана; на левой руке, что опирается о скамью, у запястья зияет дыра. Словно целилась и стреляла в поэта сотня дантесов! Я бы не реставрировал памятник, не замазывал пробоин. Пусть они напоминают всем, что в поэта стреляли дважды: в 1837 году на Чёрной речке под Петербургом и через 155 лет, в июне 1992 года на Днестре, в Бендерах!”. (Из статьи Б.Д. Челышева. Дважды расстрелянный, “Днестровский меридиан”, август 1992 г.).

Самый северный из памятников Пушкину установлен в городе Ухта Республики Коми, его автор Николай Бруни, осуждённый на пожизненную ссылку в середине 30-х годов. В начале зимы 1937 года он обратился к лагерному начальству с необычной идеей — создать в Ухте памятник Пушкину, которому исполнялось 100 лет со дня смерти. Бруни брался изваять памятник за несколько ночей, в свободное от лесоповала время, и просил только одного — немного гипса. Поглядев на тощего заключённого с горящими глазами, начальство махнуло на него рукой. Пусть себе лепит... Памятник Александру Сергеевичу стал украшением и гордостью города-лагеря. А меньше чем через год после открытия памятника Бруни умер от пеллагры, так вот красиво зовётся обычное истощение, когда человек имеет живого веса 30-40 килограммов. Со временем гипсовый Пушкин пришёл в ветхость, потерял прежний вид, был убран с театральной площади в парк и, постепенно разрушаясь, мог исчезнуть, как и его автор. Но отлитый в Санкт-Петербурге к 200-летию со дня рождения, Пушкин вновь занял своё место в центре города, там, где некогда был установлен Николаем Бруни, замечательным представителем итальянского рода, русским художником и патриотом России, страны, которая свела его в могилу и которую он любил с русским терпением и итальянской страстью. Установленный истинными потомками культурной и политической истории нынешний бронзовый поэт в Ухте — памятник и Пушкину, и Бруни, и гулаговским жертвам.

Память имеет свойство жить независимо от нашего желания не помнить или не знать. Ещё она, память, имеет свойство мстить тем, кто ею пренебрегает.

Не знаю как, но будет возмездие тем, кто отнимает у Пушкина трость в Одессе, перо — в Минске, бронзовый венок — в Вильнюсе. Воруют порой явно не на память и сами монументы. В Керчи уже четырежды исчезал с постамента то бронзовый, то алюминиевый Александр Сергеевич. Даже надпись на постаменте “А. С. Пушкину от керчан” не спасает скульптуру от вандалов. Настигло ведь проклятие Дантеса внутри его семьи. Его младшая дочь Шарлотта отреклась от отца, назвав его убийцей, за что была признана окружающими душевнобольной. А Пушкину, пожалуй, как святому, позволено быть щедрым, всепрощающим и великодушным. Он даже со своим убийцей поделился бессмертием. Ну кто бы знал одного из вертопрахов-кавалергардов, не вызови его на дуэль сам Александр Пушкин?

У поэта день рождения. Родился он 210 лет назад, но навсегда остался тридцатисемилетним и старше никогда не будет. “Душа в заветной лире мой прах переживёт”.

Цветами и поклоном подтвердим — мы помним Вас и любим, Александр Сергеевич!

За океаном

(Пушкин в Америке)

По сложившейся традиции, где бы я ни бывал, если в той местности имеется памятник Пушкину, я обязательно найду время прийти и поклониться Александру Сергеевичу. Так случилось и в столице Америки.

На территории университета имени Джорджа Вашингтона в одном из тихих двориков в 2000 году был возведён красивый монумент — дар московской мэрии американской столице. Трёхметровый Александр Пушкин стоит на мраморном постаменте, а над ним, расправив крылья, сверкает позолотой мифологический конь Пегас, символ поэтического вдохновения. Памятник красивый, правда, стоит он в тесном скверике близко к одному из корпусов университета. И если взглянуть на памятник справа, то увидим, что на его фоне взметнулась на восемь этажей вверх открытая парковка автомобилей. Всё это, конечно, мелочи. Главное: зимой и летом у его подножия — цветы. Помнят и чтят поэта и в столь далёком зарубежье.

Удивительно, что, будучи “невъездным” при жизни, Пушкин, теперь бронзовый, напостоянно прописался в десятках стран. По моим подсчётам, в тридцати столицах различных государств установлены памятники русскому поэту. В двадцатом веке “расселились” они по континентам безо всяких на то виз. Так странно и прихотливо исполнились мечтания Пушкина — побывать в чужих краях. И если в Европе памятники нашему главному национальному поэту стали появляться в основном во второй половине двадцатого века, то Америку Пушкин начал осваивать ещё в августе 1941 года. Да, именно в тот момент, когда на нашей земле полыхала война, в городе Джексон штата Нью-Джерси (бывший Кассвилл) был установлен бюст русскому поэту.

Позже, в семидесятых годах, в США появился новый памятник Пушкину, в провинциальном городке Монро. Два бюста установлено в Канаде: в Монреале и в Квебеке. В 1974 году — на Кубе, в одном из красивейших гаванских парков, в окружении королевских пальм и старых магнолий.

К двухсотлетию Александра Сергеевича были открыты памятники и в Южной Америке. В чилийской столице — Сантьяго и в мексиканской — Мехико.

Совсем недавно в Лос-Анджелесе на горе в районе Беверли-Хилз был установлен ещё один памятник — “Реквием по Пушкину”. Автор скульптурной композиции Григорий Потоцкий. Ничего подобного, связанного с именем Александра Сергеевича, я не только не видел, но и даже не предполагал, что такое возможно.

Представьте себе парящего ангела (или музу). Своими крылами это неземное существо опирается на полукруг, похожий на подкову. Вместе подкова и

крылья представляют собой изломанное кольцо. Круг судьбы ли, творчества, или двух ипостасей — земного и небесного существования. По древним легендам, у Музы правое крыло добра, левое — зла. В скульптурной композиции Поттоцкого эти крылья скованы, объединены. В левой руке у сдерживаемой земным притяжением Музы — веночек. А дальше — страшное. В венке голова поэта. Не бюст, а голова. Помните название памятника — “Реквием по Пушкину”.

В истории христианства есть два похожих сюжета. Один ветхозаветный. Юдифь, спасая свой народ, проникла в стан противника и опьяневшему полководцу Олоферну отсекла голову. Не так ли поступил ангел-хранитель и с Пушкиным? Представьте себе, что на дуэли с Дантесом Пушкин убил бы своего противника. Как бы сложилась судьба поэта затем? Не осталось бы убийство несмываемым пятном на совести Пушкина? Да и как бы мы любили поэта-убийцу?! Возможно, по этой причине и отвёл ангел пулю от Дантеса, забрав с собой навсегда мученика Александра. Потому-то у ангела в левой руке, а не в правой, веночек с головой поэта — Зло во имя Правды и Добра.

По другому, евангельскому, сюжету, красавица Соломея, исполняя чужую волю, безвинно принесла в жертву Иоанна Крестителя, чью голову на блюде преподнесли во время пира. Быть может, в образе Музы поэта скульптор изобразил жену Пушкина Натали? Она бездумно флиртвала, давая повод светским сплетням и терзаньям мужа. И потому голова поэта не коронована венком славы, а покоится на нём, как на блюде. В жертву безвинным женским развлечениям принесены и слава, и творчество, и жизнь поэта — Предтечи великой русской современной литературы.

Хотя... О значимости Пушкина в русской и мировой литературе знаем, пожалуй, только мы сами. Не упакованы мозги западного человека культурным наследием Золотого века русской поэзии. И вот тому доказательство из американской жизни. Моя дочь, готовясь к занятиям в университетской библиотеке Вашингтона, завела на экран компьютера портрет Пушкина. Сосед-англичанин спросил её: а кто это? Узнав с подсказки, что это один из великих русских людей, студент-невежда с уверенностью отчеканил: “А знаю-знаю, это — Карл Маркс!”.

Пушкин в воздухе

(Снова в Америке)

Моя очередная поездка в Америку началась с неожиданной приметы. Уже расположившись в креслах самолёта, слушаем объявление: “Экипаж “Боинга-798” приветствует вас на борту самолёта имени Александра Пушкина ...”. Переглянулись с супругой и, взявшись за руки, пожали их друг другу на удачу. Попасть на лайнер с именем поэта, поиску памятников которому я посвятил всё последнее время, разве это не везение?!

Помню, моё первое посещение США было наполнено эйфорией. Увидеть всё своими глазами, ощутить атмосферу другой цивилизации, осознать разницу между нашими мирами — поневоле голова закружилась от нахлынувшей информации. Моё новое пребывание на американской земле было отрешённым и без лишней эмоциональности осознанным.

Когда в прошлый раз я в университетском дворике Вашингтона нашёл торжественно-праздничный памятник Пушкину, то ощутил его соответствие столичной высокопарности. И подтверждением тому был не только позолоченный крылатый Пегас, венчающий колонну, у которой стоит поэт, но и весь монументальный ансамбль.

А вот скромный бюст русского поэта в городке Джексон (штат Нью-Джерси), созданный скульптором-эмигрантом Н.В.Димитриевым и установленный по соседству с собором Святого Владимира, окунул меня в атмосферу американской провинции.

Я неслучайно упомянул православный собор. К нему примыкает Свято-Владимирское кладбище. По западным традициям чистое, ухоженное, без оград, с каменными могильными плитами, но без надгробий.

Сейчас американцы, впрочем, как и все мы, переживают не лучшие времена. Увольнения, безработица, инфляция — это не термины из политэкономии, а повседневная головная боль. Америка привыкла жить в кредит, поэтому большинство из граждан этой страны не знают, как можно существовать без двух-трёх-пяти обеспеченных кредитных карт. Вообще-то они мало себе представляют, что в мире может существовать другая цивилизация, помимо американской. Убеждённые в собственном национальном превосходстве над другими жителями планеты, американцы и не ведают, что гордятся собственным невежеством.

По данным социологического опроса, проведённого в 2005 году, почти половина американцев в возрасте 18-24 лет не считает необходимым знать, где находится страна, в которой происходят те или иные важные события.

По другим данным из Государственного фонда поддержки естественных наук, каждый пятый из взрослых американцев считает, что Солнце вращается вокруг Земли, а многие самодовольно полагают, что такие знания им попросту не нужны.

Нет, я не отвёлся от темы своих путевых заметок. Это всё из моих дневников наблюдения, записей встреч, переписки с моими бывшими учениками и знакомыми, проживающими или побывавшими в Америке.

Платные американские автотрассы проходят параллельно бесплатным, но порой невозможно никуда свернуть кроме как за деньги, поэтому за поездку расстоянием приблизительно от Петропавловска до Астаны и обратно нам пришлось отдать около пятидесяти долларов. Вознаграждением была встреча с памятником Пушкину в Арроу-парке в сорока милях от Нью-Йорка.

Интересна история этого парка. Шестьдесят лет назад русско-украинско-белорусские эмигранты сложились и выкупили у государства удивительно красивый уголок с озером и лесом для семейного отдыха в летние выходные дни. В 1970 году Российская Федерация и Украина подарили американскому народу два памятника: Пушкину и Шевченко. В торжественной обстановке бронзовые бюсты на высоких гранитных постаментах были открыты именно в этом парке. Позже рядом был установлен памятник белорусскому поэту Янке Купале. И, наконец, в ознаменование советско-американской дружбы в компанию, так сказать, братьев-славян влился классик американкой литературы Уолт Уитмен. Так и стоят поэты на одной поляне в парке Арроу.

Посаженные полвека назад деревья сплелись своими кронами в вышине, образуя чудесные арки буковых аллей. Ноябрь на востоке США необычайно красив. Живописный колорит осени, заменивший сплошную зелень лета, просто завораживает. Воздух в этом заповедном месте считается успокоительным, целебным. Закономерно и трогательно, что ассоциация парка предоставляет свои услуги родственникам жертв нью-йоркской трагедии 11 сентября 2001 года. Подобные чувства безысходности переживали когда-то и те, кто организовал этот парк, бывшие наши соотечественники, эмигранты, потерявшие своих родных в кровавых жерновах Октябрьской революции и Второй мировой войны.

До сих пор сохранился стенд с именами людей и названиями общественных объединений, внёсших свои жертвования для организации этого чудесного парка. Внимательно читаю все фамилии и вдруг обнаруживаю знакомое: мистер и мисс Димитриевы. Без сомнения, это тот самый Н. В. Димитриев — автор памятника Пушкину в Джексоне. В далёком августе 1941 года был установлен первый на американском континенте памятник русскому поэту. В его левую руку скульптор вложил свёрнутый свитком лист, на котором виднеются строки:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Какой щемящей ностальгией отзывались, должно быть, эти строки в сердцах россиян, выброшенных за пределы родины. Деятнадцатый век назвал Александр Сергеевич “жестоким” по отношению к сотне декабристов. Но ещё более жестоким, пожалуй, более страшным оказался для миллионов граждан бывшей Российской империи век двадцатый.

Находки и потери

(Львовский Пушкин)

Ещё пару лет назад пушкинисты считали, что в мире установлено не менее 250 памятников великому русскому поэту. Сегодня я могу утверждать, что монументальных скульптур с изображением Пушкина в городах и весях существует не менее шестисот. В моём фотоархиве имеется около четырёхсот пятидесяти снимков всевозможных бюстов, памятников во весь рост, стоя, сидя и даже лёжа. Каждый год где-то устанавливаются новые интересные композиции, но, к сожалению, современные вандалы умудряются разрушать созданные до них признательными потомками пушкинские памятники, поэтому часть из них числится в списках как не сохранившиеся. Те же, которые пока стоят, являются частью моего пристального внимания к ним и обязательного фотографического засвидетельствования.

Недавно я побывал на украинском курорте в Трускавце. Жизнь независимой (независимой) Украины полна контрастов. Отличные автомагистрали и разбитые дороги местного значения. Строящиеся многоэтажные санатории на курорте и подача воды по графику: всего три раза в день по часу. Красивые двухэтажные особняки и безысходная безработица, хотя в воскресенье ни рынок, ни магазины не работают. Седьмой день недели так и называется по-украински — “нэдэля”, то есть ничего не делаю. Правда, говорят, что только на западной Украине этот день — абсолютно выходной.

Итак, Пушкин и Украина. То недолгое время, когда молодой коллежский секретарь, то есть сотрудник Коллегии иностранных дел Российской империи, Александр Пушкин проезжал через Украину, направляясь на службу в Бессарабию, подробно изучено и заботливо увековечено в названиях улиц, библиотек, театров, музеев и, конечно же, в виде постаментов, памятных знаков и скульптур. Что очень трогательно, украинские памятники поэту зачастую устанавливались на пожертвования горожан и в местах, порой удалённых от пути следования поэта в Южную ссылку.

К примеру, в 1907 году в захолустном селе Заболотовцы (это Восточная Галиция) по инициативе местного священнослужителя отца Иоанна Савюка был воздвигнут памятник русскому поэту. Особенность этого монумента была ещё и вот в чём. В российской провинции к этому времени устанавливали только бюсты, а этот, сельский памятник, соперничал со столичными. Местный ваятель Дзындра вытесал Пушкина из камня во весь рост. И самое героическое для сельчан было то, что славянская Галиция в то время находилась во владениях Австро-Венгрии.

Мог ли я не захватить в это удивительное село, находясь в Прикарпатье? Поиски оказались не простые. Даже таксисты не знали месторасположения Заболотовцев. Когда мы по карте свернули с основной дороги, оказалось, что к этой деревушке до сих пор не проведён асфальт. Одна улица, и в центре пришкольного сада нас встречает... бронзовый бюст Пушкина. Оказалось, что судьба и священника и памятника была трагична. В годы ещё Первой мировой войны отец Иоанн, не отказавшись

от своих убеждений, духовных и жизненных корней, стал узником австрийского концлагеря. Рукотворный Пушкин тоже был разрушен. Спустя восемьдесят лет заболотовчане, памятуя о духовном подвиге отца Иоанна и не забывая о 150-летию со дня гибели великого поэта, решили восстановить в селе памятник Пушкину, но теперь это был бюст. И вот уже двадцать лет в день рождения поэта собираются в школьном саду сельчане, приезжают гости из Львова и других городов Украины, наведываются сюда и россияне, теперь вот побывал и я, казахстанец.

Всего же, по моим данным, в Львовской области было установлено пять памятников Пушкину. Их разысканием я и занялся в свободное от курортных процедур время.

Памятник Пушкину в районном центре Золочёв известен всем его жителям. Гостеприимный золочанин Андрей подвёз меня от станции к скверу, где установлен необычный бюст. Гордую осанку поэта подчёркивает высокий, как у мундира, воротник фрака, чётко обведённые черты лица оттеняются плавными линиями объёмных кудрей. Пушкин и необычен, и узнаваем. Памятник установлен в тихом живописном сквере на пересечении трёх улиц. На постаменте надпись “О. С. Пушкин”. По-украински имя поэта произносится *Олександр*.

Если в Золочёве Пушкин светлый, то в другом городке Каменка-Бугская гипсовый бюст окрашен в чёрный с фиолетовым отливом цвет. Это знакомое по многим копиям скульптора В. Н. Домогацкого официально утверждённое в сталинское время изображение русского поэта. Известно, что около сорока подобных памятников было воздвигнуто на территории Советского Союза, пятнадцать из них — на Украине. Примечательно, что напротив Пушкина в Каменке установлен барельеф одному из руководителей УПА (Украинской повстанческой армии). У горожан хватило такта и уважения не противопоставлять русскую и украинскую историю и не заменять один памятник на другой. А вот в старинном городе Дрогобыч поступили иначе. Мой путеводитель привёл меня по адресу, где вместо пушкинского постамента стоял камень с гравировкой: “На этом месте будет установлен памятник Вячеславу Черноволу”. Намерение это убедительно подтверждено и в переименовании рядом расположенной библиотеки, на которой имя поэта Пушкина поменяли на имя политика Черновола. Куда делся скромный пушкинский бюст, никто мне объяснить не смог. Исчез. Зато на сплетении улиц имени Франко и Шевченко появился помпезный, высоченный, украшенный вокруг скамьями и фонарями памятник Степану Бандере.

Национальное самосознание — вещь не отрицаемая и уважаемая, но в сочетании с уничтожением исторической памяти, по-моему, неперспективная и саморазрушительная. Памятники в Каменке и Дрогобыче были установлены в один год, в 1949-й, в честь 150-летия со дня рождения Пушкина, но вот память некоторых наших современников оказалась короткой. Ни Пушкину, ни русской литературе не стало от этого хуже. Удивляются и многие жители Дрогобыча, чем же не угодил нынешним властям поэт из своего девятнадцатого века. Но логики поступков у экстремистов порой нет, есть последовательное разрушительное действие.

Пятый памятник на Львовщине был установлен не так давно в самом Львове на фронтоне Русского национального центра. Хулигански разрушенный, он был восстановлен, но вскоре просто сожжён львовскими национал-радикалами. Так и пустует до сих пор ниша над входом в Русский Дом. Оба происшествия не расследованы и вандалы не наказаны.

Не офонареть бы!

(Казахстанский Пушкин)

У меня нет цели обвинять в чём-либо ни граждан, ни власть предрержащих дружественного нам государства. Сегодня у всех свои проблемы. А история — она рассудит всё по-своему. Меня же интересует любая тема, связанная с именем

Александра Сергеевича Пушкина. Поэтому, вернувшись из Украины, я занялся расшифровкой истории установки первого пушкинского памятника у нас в Петропавловске. Это была скульптура в городском парке, как говорили в советскую эпоху, культуры и отдыха. Более полувека простояло гипсобетонное изваяние на центральной аллее парка по соседству с такими же изображениями Лермонтова, Горького, Некрасова, Чернышевского. Но в 2004 году по распоряжению местных властей все они, к величайшему сожалению горожан, исчезли.

Часть моих исследований увенчалась успехом. Подобные памятники Пушкину я нашёл благодаря Интернету. Точно такой же установлен в Екатеринбурге на территории инженерно-педагогического института. Автор его — скульптор Аполлон Александрович Мануйлов. Он также автор памятников Гоголю и Грибоедову в Москве. Скульптурная фигура Пушкина его работы 1939 года, тиражированная Союзом художников, установлена в разных городах бывшего Союза.

Мои поиски установленных памятников Пушкину приводят меня в виртуальном путешествии в неожиданные географические закоулки, о существовании которых я и не предполагал до начала разыскания. Великая вещь — Интернет. С его помощью можно успеть побывать в таком количестве мест, на реальное посещение которых не хватит и жизни.

И действительно, я обнаружил, что точно такие же скульптуры до сих пор стоят в городских парках Коврова (Владимирская область), Красноярска, Артёма (Приморский край), а ещё на Киевском шоссе у Пулковских высот под Петербургом. И даже в Москве, в тихом уютном Бабушкинском парке. Оказывается, именно это своё произведение выставил скульптор Мануйлов на конкурс для установки памятника Пушкину в Ленинграде. Его вариант был отмечен среди других, но конкурс остался не завершённым, видимо, время тогда ещё не пришло. Напомню, что этот конкурс повторили в пятидесятых годах, в результате чего был установлен на площади Искусств памятник Пушкину скульптора Аникушина, ставший впоследствии символом Северной столицы России. А памятник в исполнении Мануйлова был поощрён тем, что его распространили как массовую модель. Вот почему эта скульптура оказалась и у нас в Петропавловске. Поэтому наивным выглядит оправдание руководителя городской дирекции парков и скверов Марата Джексона, что разрушенные в нашем парке “тяжеловесные цементные скульптуры” были выполнены непрофессионально, являлись подделками и плохо сочетались с удобными лёгкими скамьями и оригинальными фонарями-светильниками.

Вот уж воистину невежество и простота хуже воровства. Как тут не разразиться эпиграммой:

*Догнать и перегнать социализм
Решил наш современный вандализм.
Поэтов и писателей скульптуры
Признала власть искусством от халтуры.
Разрушены, исчезли монументы,
И не помогут наши аргументы.
Когда ж себя аллея рассмотрела,
От удивленья вдруг “офонарела”.*

В действительности, в Казахстане к памятникам Пушкину относятся с почтением. В Астане после нескольких случаев, когда у памятника поэту подломилась нога, перенесли его из тихого скверика на светлую набережную перед университетом имени Гумилёва. В Караганде почти полвека простоял гипсоцементный лицевист, конечно же, он стал постепенно разрушаться, но власти не пожелали с ним распрощаться, и на том же месте, на проспекте Мира, установлен обновлённый, теперь уже бронзовый юный Пушкин. К двухсотлетию поэта на

юге республики в Алматы и на севере — в Петропавловске были установлены бюсты русского писателя. А в Таразе, Уральске, Лисаковске появились скульптуры Пушкина во весь рост. С тридцатых годов сохранился в городском парке Актюбинска маленький пушкинский бюст. Установленный в сороковые годы перед пединститутом его имени памятник стоит и до сих пор в Уральске, хотя институт уже преобразован в Западно-Казахстанский государственный университет. В Год Пушкина в Казахстане и Абая в России в Петропавловске воздвигнут архитектурно-монументальный ансамбль. На фоне широкой колоннады по разные стороны символического древа жизни застыли фигуры Абая и Пушкина.

Всё это только укрепляет две великих культуры, сближает два братских народа, русских и казахов, исторически объединённых евразийскими просторами. Трепетное отношение к памяти и памятникам служит достойным примером подрастающему поколению, являет собой образец уважительного отношения к прошлому и позволяет питать надежду на подобное отношение к нему со стороны молодой смены граждан Казахстана.

Понятно, что всё это не просто, всё это требует немалых затрат, душевных и материальных. Но более достойно и уважительно, нежели замена памятников на фонари.

О чём тогда не мог знать Пушкин

(И что теперь не знаем мы!)

Читая строки из произведений поэта, часто задумываюсь над деталями и пытаюсь найти ответ на волнующие меня вопросы. Не могу не поделиться своими находками с читателями.

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн...*

Почему, собственно говоря, финн?

Политическая карта России и мира в пушкинские времена выглядела совершенно иначе, нежели сейчас. На наших глазах распался Советский Союз. Образовались новые государства. А во времена Пушкина существовала огромная Российская империя, простиравшаяся на три части света: Европу, Азию и Америку. Пушкин жил в стране, которая имела тогда общие границы на востоке с Канадой, на западе с Австрийской империей, а в Скандинавии со Швецией, потому что в составе России находились Аляска и Алеутские острова, Царство Польское и Финское великое княжество.

Как, к примеру, начиналось какое-нибудь обращение царя к народу? “Божию милостию Мы, Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...”.

Понятнее нам будет теперь, почему среди народов “Руси великой” упоминает поэт и финнов.

Уж коли речь зашла о географии, нельзя не вспомнить строфы, посвящённые “19 октября”:

*Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полуночных морей?*

Это Александр Сергеевич говорит о своём лицейском друге Фёдоре Матюшкине, участнике кругосветного плавания, впоследствии ставшего адмиралом,

сенатором, основателем Географического общества. А в 1820-х годах он участвовал в экспедиции Врангеля, исследуя в северных широтах берега Чукотки. Это за Полярным кругом, где полгода день, полгода ночь, об этом точная фраза Пушкина, где “вечный лёд полуночных морей”. Открытия экспедиции были настолько значимыми, что до сих пор остались имена исследователей на картах мира: остров Врангеля, мыс Матюшкина.

Во времена Пушкина и север планеты и юг на глобусе изображались не так, как мы с вами их видим сегодня. Да, собственно, на юге был только Южный океан, а континента под названием Антарктида ещё не существовало. И частей света было всего четыре. Австралия была в представлении современников поэта всего лишь большим островом, куда ссылали заключённых на вечное поселение. В остросатирических строках о Фёдоре Толстом-Американце поэт писал так:

*... который в прежни лета
Развратом изумлял **четыре части** света.*

Не так как мы сегодня представлял Александр Сергеевич и строение Солнечной системы. В физическом кабинете Царскосельского лицея “находилась машина, представляющая обращение планет вокруг солнца”, тогда её называли по-латыни “**planetarium**”.

*Разверзлась бездна, звёзд полна,
Звездам нет счёта, бездне дна.*

Во времена Ломоносова, автора этих строк, планеты уже пересчитали, правда, было их к тому времени всего шесть. А на лицейском макете Солнечной системы планет размещено уже семь. После Ломоносова астрономы открыли Уран. А наш современный школьник знает, что вокруг Солнца вращается 9 планет, да ещё по десятой орбите летают в космосе астероиды. Не мог знать Пушкин, что в космосе вокруг Солнца вращаются Нептун (его учёные обнаружили в 1846 году, через 9 лет после гибели поэта) и Плутон (открыт в XX веке).

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.*

Эти строки написал поэт, глядя на свой портрет, написанный Кипренским. Таким и остаётся в нашем представлении образ Александра Пушкина, романтический, красивый, в предчувствии вдохновения. Многие из одноклассников Пушкина оставят потомкам свои фотографические изображения, а Пушкина мы представляем только по живописным портретам. Фотографировать начнут только в середине 19-го века.

*Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: при луне
Являться муза стала мне.*

В отличие от современных студенческих общежитий лицейские спальни были индивидуальные. Пушкинская комнатка действительно была похожа на келью. Полтора метра в ширину, три — в длину. Справа от входа тонкая перегородка разделяла одно окно на двоих. И если у соседа Пуштина таких двухметровых перегородок было две, то у Пушкина слева от входа возвышалась четырёхметровой высоты стена. Из всей спартанской мебелировки **дортюара**, так называлось тогда это помещение, привлекает внимание конторка — стол с наклонной столешницей, за которым работать можно было только стоя. Полезная,

кстати, для здоровья вещь. Вырабатывает осанку, восстанавливает правильный приток крови к позвоночнику.

Кстати, Пушкин застал времена, когда и в театрах было много мест для просмотра спектаклей стоя.

*Театр уж полон; ложки блещут;
Партер и кресла — всё кипит ...*

Соединяя в поэтической строке “партер и кресла”, поэт отличает одно от другого. В наше время весь партер заставлен креслами, кроме проходов. В начале 19-го века партер представлял собой огромное пустое пространство на уровне земли (отсюда и наименование *par terre* — “**по земле**”). Только возле оркестра выставлялись несколько рядов кресел, остальная же часть партера заполнялась массой пёстрых по нарядам и средних по достаткам зрителей, созерцающих сцену стоя и перемещающихся по залу даже во время театрального действия.

Описания Пушкина, как всегда, точны: “Всё кипит”. И вот после очередного выступления балерины Истоминой —

*Всё хлопает. Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложки незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел ...*

Попробуйте “всё” увидеть сегодня в зале, где потушен свет. Тогда же свечи ни на центральной люстре, ни на боковых канделябрах, ни в фонарях внутри лож никто не гасил на протяжении всего представления. И лорнет применялся не только для лучшего просмотра действия на сцене, но в большей степени для разглядывания лиц и уборов присутствующих в зале. Эту функцию своеобразного бинокля Пушкин закрепил в термине “разыскательный лорнет”, а в среде столичных денди закрепился глагол “лорнировать”: “Ты в ложах лорнируешь дам”. Новые же театры с партерами, заставленными креслами, появились в России уже после того, как Пушкин закончил первую главу “Евгения Онегина”, где описывается театр. Открытие Большого и Малого театров в Москве прошло, когда поэт был в Южной ссылке. Открытие Александринского театра в Петербурге состоялось в 1832 году, когда роман в стихах был завершён. Лишь в 1879 году появилось в северной столице электрическое освещение. И ещё через два года, в 1881, была построена первая в России электрическая станция. Появилась возможность заменить в театрах свечное освещение на электрическое. Но гасить свет в зрительных залах начали только в двадцатом веке.

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком.*

Иные средства передвижения поэтом и не рифмовались, и не представлялись. Огромные пространства империи усугубляли медлительность и размеренность российской жизни. “До бога высоко, до царя далеко” — чисто русская поговорка. Известен такой факт из истории воцарения Елизаветы Петровны. Желая видеть на своей коронации девиц из самых крайних земель государства, императрица отправила своего приближённого на Камчатку, дав ему срок полтора года. Лишь через **шесть** лет вернулся с делегацией её посланник.

При Пушкине газета “Московские ведомости” сообщала своим читателям петербургские новости недельной давности, а свежие вести, допустим, из Италии публиковались через месяц.

В 1833 году Александр Сергеевич отправляется в длительную командировку до Оренбурга. Если позволяли дороги, то он преодолевал порой по 150 километров пути в день. И тем не менее только от Москвы до Нижнего Новгорода (440 вёрст) он ехал четыре дня.

В это же время отец и сын Черепановы испытывали первый отечественный паровоз. А вот открытия первой железной дороги в России Пушкин не дождался. Железнодорожная ветка, соединившая Санкт-Петербург и Царское Село, была введена в строй через девять месяцев после гибели поэта — 30 октября 1837 года. А прямое железнодорожное сообщение Москва — Петербург ещё спустя 14 лет — в 1851-м.

*Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущее волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.*

Искал ли смерти поэт, настойчиво требуя сатисфакции от назойливого француза? Условия последней в его жизни дуэли были смертельны — стреляться с десяти шагов! Кто-то должен был погибнуть. Он-то был в себе уверен. Ведь после 19 известных в его биографии дуэльных историй он по-прежнему оставался жив. Постоянно поддерживая свою физическую форму, Александр, к примеру, гулял с тяжелой чугунной тростью, держа её в правой руке, — он тренировал кисть, чтобы уверенно держать шпагу или пистолет, если в этом появится нужда. После выстрела Дантеса лёжа на снегу, уже будучи смертельно раненным, Пушкин не промахнулся, попав точно в грудь соперника. От удара пули Дантес упал. Увидев поверженного противника, Пушкин воскликнул: “Браво!”.

Желание убить или быть убитым точило и мучило Александра Сергеевича. Это отмечают в воспоминаниях его современники. А нам достаточно взглянуть на последний прижизненный портрет поэта, написанный художником Линёвым как раз накануне дуэли, чтобы увидеть человека, загнанного проблемами в угол, готового на самые крайние поступки.

До сих пор остаётся тайной, почему ранение Дантеса было безопасным и лёгким, а Пушкин умер от перитонита: пуля, попавшая в нижнюю часть живота, раздробила тазобедренную кость, застряв в ней. Операцию по изъятию пули, остановки кровотечения и предупреждения нагноения сегодня мог бы провести любой хирург районной больницы. В то время подобные операции не производились. Всего-то спустя десять лет после смерти поэта хирург Пирогов впервые проведёт такую операцию под наркозом в условиях боя, а ещё спустя восемь лет он же будет спасать раненных осколками и пулями солдат и офицеров во время Севастопольской обороны.

Погиб поэт, но гений его живёт среди нас, и, зная о том, что так и произойдёт, за сто пятьдесят дней до смерти Александр Сергеевич Пушкин напишет:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

г. Петропавловск.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Досье для Первого, или По нотах волчьей дружбы

*Исторические параллели.
Из цикла “На плахе XX века”*

(Продолжение. Начало в № 7 за 2009 год)

Была при дуче и такая — секретная флотилия № 10

У Папы Карло, пока он не оказался на Восточном фронте, в Средиземноморье была очень экзотическая военная специальность — старший экипажа двухместной управляемой торпеды. Такие штуки практиковали и японцы. Но разница была великой. У подданных императора Страны восходящего солнца Хирохито (к слову, непревзойдённого знатока океанической и морской флоры и фауны) экипаж погибал вместе с целью при соприкосновении торпеды с нею. Итальянский же король Виктор-Эммануил Третий считал своих торпедистов добровольцами повышенного риска, но никак не самоубийцами-“камикадзе”.

Главной задачей ставилось, конечно, уничтожение вражеской цели. Однако погибать самим не рекомендовалось. В нужный момент экипаж торпеды мгновенно катапультировался и, как правило, операция для него заканчивалась вполне благополучно.

Примерно таким же образом действовали в особой секретной флотилии № 10 не только экипажи управляемых торпед, но и “карманных” подводных лодок типа “Капрони”, моторных самовзрывающихся катеров (они удачно использовались для разрушения мостов).

Были ещё и морские диверсанты, именуемые “боевыми пловцами”. Так тем, по словам Папы Карло, вообще строго-настроено предписывалось ни в какой контакт с противником не входить, всегда быть для него неуловимыми призраками. Король и военное командование не особенно были щедры на высокие награды (а иных в итальянской армии и на флоте не существовало), но для людей из секретной флотилии № 10 не были редкостью серебряные медали “За военную доблесть” и даже золотые — “За храбрость”.

Поведав нам о таких вещах, Папа Карло скосил на мгновение выпуклый оливковый глаз на левый лацкан своего далёкого от полной презентабельности дорожного пиджака. Ни серебряной, ни золотой медали на его лацкане не блистало. Однако это вовсе не означало, что Папа Карло не был кавалером таких наград.

У Муссолини строго, но не как у Гитлера. Итальянский фашизм, он что — с человеческим лицом?

Но опять я не стал ненужным вопросом смущать его или же, напротив, давать какой-либо повод к всплеску ратной гордости (в таком случае Папе Карло пришлось бы называть вполне конкретно и советские цели, а нам, честно говоря, слушать об этом было бы не особенно приятно).

Далее ход рассуждений его был примерно таков. (Эту пластинку я потом хорошо усвоил. Помню, как она сначала немного удивила Дмитрия Фёдоровича Снегина, а потом и он с ней согласился безо всякого спора). Немцы — нацисты. Итальянцы — фашисты. Нацисты — это преступно. Фашисты — тоже не очень хорошо. Но однако, если посмотреть *в корень*, то итальянский вариант несравним с вариантом германским. Особенно в первоначально-итальянском виде. Но не только во всём мире, а даже в самой Италии теперь уже часто путают фашистов с нацистами. Это сугубо не верно. Вот сам он, Папа Карло, ничуть не жалеет, что был в фашистах. О них повсюду невероятно много насочиняли непотребного. Как, впрочем, о самих коммунистах и коммунизме. А это очень обидно и несправедливо. Кстати, сам он до сих пор убеждённый монархист. А профессор — неисправимый республиканец. Но это ничуть не мешает им понимать друг друга. Когда-нибудь и профессор непременно изменит свою точку зрения. Нужно время. Ибо только при сильном монархе общество и государство — даже фашистские! — могут быть с человеческим обликом.

А вот коммунизму этот облик не светит. Пока коммунисты обретут своё светлое будущее, они по этой дороге перебьют всех своих, да и про чужих не забудут.

Доказательства?

Да их полным-полно.

Вполне достаточно сопоставить *тысячи* несправедливо пострадавших при Муссолини с *тысячами тысяч* казнённых при Сталине.

Великая, величайшая разница!

Да-да, тут никакой оговорки. Коммунисты никак не могут обходиться со своими недругами строго, но без зверств.

“Так выходит, итальянский фашизм, он что — с человеческим лицом?” — поинтересовался я, стараясь не задеть самолюбия визави своей интонацией, более чем иронической.

“Выходит так, — ничуть не смутившись, ответил мой спорщик. — Как это было при царе Борисе Третьем в Болгарии. Недаром Гитлер отравил этого царя. Хотя на людях им восхищался. Молодого румынского монарха Михая презирал. И югославского Петра тоже. А вот адмирала, точнее — контр-адмирала Хорти чтил. Хорти никто не травил. Кстати, полное имя его? Правильно — Миклош Хорти де Надьбанья. Не всякий выговорит. Так вот он в 1944-м передал власть Ференцу Салашу, а сам отбыл за границу. Спокойно помер в 1957-м. А Салашу свернули шею сразу же в 1946-м. Для виду отдали под трибунал. Кстати, вплоть до марта 1944 года Гитлер не вводил своих войск в Венгрию. А какой либерал был румынский король Михай! Сталин недаром наградил Михая высшим полководческим орденом СССР “Победа”, а с позволения вождя Главный маршал советской авиации Новиков подарил Михая боевой истребитель красного цвета — Михай с удовольствием пилотировал на этой великолепной машине конструкции Яковлева.

Ещё раз напомню вам, что германские нацисты никогда не доверяли итальянским фашистам. Как не доверяли они ни румынским железногвардейцам, ни самому маршалу Йону Антонеску. Ни югославским усташам и чётникам. И всех других держали на мушке прицела. А итальянцев даже ненавидели. Правильно говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Почитайте воспоминания честных итальянских политиков, сами убедитесь в том, что многие очень высокопоставленные нацисты, напившись, не скрывали: “Вот покончим с Россией — возьмёмся за Италию”. Значит, так полагал и сам Гитлер. Если бы не полагал, то за подобные высказывания можно было бы полатиться не только погонами, но и головой. Но никто не полатился. А ещё говорили: “С итальянцами против русских мы войны не выиграем, а проиграть её мы и сами сумеем”.

С Советским Союзом им покончить не удалось. Но за Италию они взялись летом 1943 года. Роль Муссолини при этом? Он не хотел германской оккупации. Но судьба у него самого сложилась трагичнее трагичного.

Кто он — деспот? Вандал?

Нет, не деспот. И не вандал.

Дилетант?

Никоим образом.

Диктатор?

Это ещё с какой стороны посмотреть. Под каким углом. В любом случае никому нельзя пожелать такой ужасной судьбы. А многие очень упрощают. До плебейской примитивности. Так ни в коем случае нельзя. При подобном подходе вражда между людьми грозит стать вечной. Надо уметь уступать друг другу, ставить себя на место другого хотя бы мысленно. Все люди изначально вовсе не злы. Нельзя забывать давно известного: дорога в ад вымощена благами намерениями. У Муссолини худых замыслов совсем не было. Или почти не было!

Они оба изумлялись нашей дремучей неосведомлённости. Например, о том, что Дневник зятя Муссолини — Чиано (он женился на дочери Муссолини Эдде в 1930-м) был издан в Милане двумя солидными томами ещё двадцать лет назад. В году эдак пятидесятом. А в СССР об этом никакого понятия! Ну ладно, был жив Сталин — был и “железный занавес”. Но не стало Сталина, а “занавес”, выходит, никуда не подевался!

Не стал я говорить о том, что впервые Дневник Чиано вышел не в Милане, а в 1945-м в Соединённых Штатах Америки. После казни Чиано (её не хотел дуче, но Гитлер всё-таки настоял — об этом речь впереди) и задолго до неё Гиммлер, дабы крепко насолить Риббентропу, приложил все усилия, чтобы раздобыть подлинники дневниковых записей зятя Муссолини. Даже “подсадил” к Чиано свою очаровательную агентшу — и, говорят, небезуспешно. Та не только выполнила поручение Гиммлера, но и совершенно искренне сумела влюбиться в Чиано.

А поболее всех записал о Муссолини его личный секретарь. Его звали Джованни Дольфин. Он добросовестно записывал ВСЁ.

Делал ли двор короля?

Я пытался перевести стрелки диалога на то, чтобы они подробней рассказали о последнем итальянском монархе. Разумеется, сам я ничего не мог предположить о грядущей просьбе Кунаева очертить “персональный круг” Виктора-Эммануила Третьего в годы более чем 20-летнего правления Муссолини.

Папе Карло эта моя попытка пришлось по сердцу, и он вполне конкретно отвечал на мой вопрос: кто, кроме дуче, всегда находился рядом с королём-императором?

“Ну, во-первых, вы должны помнить, что королю во всём помогало уже его имя, Виктор, сами понимаете, означает Победитель, — обрадовался Папа Карло, хитровато прищурив левый глаз, а правый оставив открытым, будто брал меня на прицел. — Это, положим, вам давно известно. А вот какова символика имени Эммануил, не каждый помнит или знает”.

“Да уж куда нам помнить, а тем более знать — сермяжным-то”, — вздохнул я и пояснил, спохватившись, что он меня не совсем поймёт: сермягой на Руси называли грубое, некрашеное сукно или кафтан из него. Отсюда — сермяжный в переносном смысле может означать — не слишком образованный, что ли. И затем оповестил Папу Карло, что Эммануил — это ни больше ни меньше, а — библейское имя Христа.

И этому оповещению Папа Карло тоже очень был рад. Даже отвесил мне полукомплимент: приятно говорить с человеком, который что-то да вроде бы знает.

Я тоже не остался в долгу и сказал, что мне тоже не менее приятно.

Затем Папа Карло почти торжественно провозгласил:

“Рядом с королём-императором всегда находилась, естественно, королева Елена. Урождённая принцесса Черногорская. Очень была влиятельна. Дуче обожала и поддерживала. Видела в нём, как и сам король, спасение Италии... Но её внешняя строгость давала повод, например, Гитлеру, считать, что королева Елена не очень-то благоволит к Муссолини. На самом же деле это была всего лишь умная тактика... Возможно, в королеве говорила ещё и женщина. В этом качестве она знала о дуче, может быть, больше, чем сам он о себе...”.

Папа Карло тут несколько затруднился с определённым пояснением, и я попытался рассеять туманность его формулировок прямым вопросом об альковных связях королевы и дуче.

В ответ мой поясняющий чуть было не лишился чувств и, не справившись с ними, запричитал, размахивая руками:

“Что Вы! Что Вы! Разве такое возможно? Это у французских королей и русских царей в супружеском сексе были ловкие дублёры. Но что бытовало во Франции или в России, то, смею уверить вас, невероятно в Италии!”.

А далее я только успевал пометать нужное мне в своей тетрадке значками некогда собственно изобретённой стенографии, задолго до появления портативных диктофонов хорошо выручавшей меня и в газетах, и на партгосслужбе.

Выходило: alter ago, “вторым я” Виктора-Эммануила Третьего был его осторожный и скрытый, но вечно бодрствовавший и всеосведомлённый адъютант Путони, большой мастер политических комбинаций, придворных и общегосударственных интриг и плутней.

(Неволью рифмовалось что-то несообразное:

“Путони — плутони”.

“Плутони” — вроде бы как неологизм от корня “плут”).

Около Путони всегда тёрся распорядитель королевского имущества, бывший кавалерийский офицер, удачно женившийся на дочери богатейшего магната, влиятельнейший герцог Акварон.

(Думалось моментально: ежели бы Ак-Ворон, то получалось по-казахски Ак — Белый, а Ворон пусть оставался бы по-русски. В итоге — Белый Ворон Акворон).

С первого захода мог попасть к монарху начальник королевского Генерального штаба Амброзио.

(Ну вот ещё один персонаж итальянской оперетты “король и дуче”! Амброзио — почти что Амброзия. Согласно греческим мифам — Пища Богов. Вместе с нектаром давала им бессмертие и вечную юность. Вот и нам бы всем так!).

И само собой пропуск *всюду* обеспечивался для генерала Азона — он командовал корпусом карабинеров, охранявших Его Величество.

(Опять непрошенная рифма: Азон — Фармазон. Но запоминается хорошо и надёжно).

В чести у светоносной четы был и всезнающий глава политической полиции Сенизе...

(Однако на Сенизе у меня уже никаких стиховых ассоциаций не было. Я чуть ли не растерянно оторвал глаза от страницы и вопросительно перевёл их на Папу Карло, полагая, что ему и без слов станет понятной мысль моя о Сенизе, и Папа Карло непременно поможет мне рифмой для запоминания. Но Папа Карло ничего не понял, а я не стал ему ничего объяснять).

Далее, по словам моего визави, большой благосклонностью монарха пользовались (да ещё и как!) недурная собой дочь дуче Эдда, его пышущие здоровьем и отнюдь не скудные умом сыновья — младший Бруно и старший Витторио. Тут итальянский вождь разделил с вождём кремлёвским его непоправимую

трагедию — как и у Сталина, одного из сыновей — Бруно Муссолини пожрала Вторая мировая война. Старший сын написал об отце книгу. Не первый случай в Истории. Такие книги есть у сына Рузвельта — Элиота. Главная называется “Его глазами”. Дочь Сталина Светлана тоже растиражировала об отце бестселлер “Двадцать писем другу”...

Бывала в королевском дворце и верная пассия Муссолини — маркиза Кларетта Петтачи с классически точёным профилем. (Это её брат Марчелло, в финальные дни дуче прикрывавшийся паспортом испанского дипломата — был одним из последних шофёров Муссолини).

Ценил монарх и образованнейшего зятя дуче — графа Чиано, прекрасно знавшего себе цену и потому скрупулёзно фиксировавшего в своём Дневнике каждый день прожитой жизни. Чиано то ратовал за рьяное участие в Восточном походе, то, как, впрочем, и сам дуче, не видел в войне против Советского Союза никакого проку. Ни для Германии, а тем паче для Италии.

К слову, во время Второй мировой войны и ранее в Италии, по словам Папы Карло, свободно можно было слушать Московское радио. Расписание передач там печатали в газетах. Убеждённый поборник идеи всеитальянского превосходства буквально во всём и надо всем в мире, дуче не боялся никакого иностранного влияния. Оно тем более во многом сводилось к нулю ещё и потому, что после Первой мировой войны Италия, одна из колыбелей мировой культуры, по уровню феноменальной, почти всеобщей безграмотности своего населения ещё долго удерживала пальму сомнительного первенства во всей Европе.

Кто ещё был люб королю-императору?

Тут уже Папе Карло охотно подсказывал профессор Лоттенели.

По профессору выходило, что долгое время любимцем монарха и скрытым оппонентом Муссолини был маршал Пьетро Бадольо.

Этот герой легендарных сражений с Австро-Венгрией в Первую мировую войну, гроза абиссинского негуса (императора) Хайле-Селассие Первого и его князей-расов, кувыркался на самых разных, но высоких постах. Всякий раз, будучи сбитым с того или другого, он успевал, как изворотливый кот или же как Микоян в советском Политбюро, встать на ноги и заново обрести самое устойчивое равновесие. Бадольо был у короля-императора и Муссолини верховным комиссаром Восточной Африки и генерал-губернатором Ливии, а с неожиданным для Черчилля, Рузвельта и Сталина сакраментальным падением дуче после исторического заседания Большого Совета и финальной 20-минутной аудиенции Муссолини с Виктором-Эммануилом Третьим Бадольо 45 дней и ночей возглавлял королевское правительство Италии...

Почти всегда был вхож к монарху командующий Итальянским экспедиционным корпусом в СССР памятный, но не всегда откровенный перед королём-императором и дуче генерал Мессе и сменивший его командующий уже не корпусом, а всей Восьмой армией старый и флегматичный Итало Гарибольди.

О нём уже говорилось выше. Без одной буквы однофамилец великого народного героя Гарибальди, вождя добровольцев в освободительных войнах против Австрии, дважды пытавшегося освободить вооружённой силой Рим от власти Пап, сторонника Первого Интернационала и Парижской Коммуны, Гарибольди мало чем препятствовал феерическому разгрому доверенных ему войск.

Известно: 7 мая 1942 года Гитлер отобедал вдвоём с Гарибольди в своей Ставке “Волчье логово”. Это были тоже своего рода смотрины. На середину лета планировалась боевая ПРЕМЬЕРА итальянской Восьмой армии на Восточном фронте. Но во главе её Гарибольди оказался лишь более полугода спустя — 13 декабря 1942 года. Каждый из уцелевших её солдат и офицеров страстно проклинал этот общий для них чёрный день календаря...

Германский рейхсканцлер о дворе итальянского монарха отзывался без обиняков

Много позже мне довелось вычитать из стенограмм политических открытий Гитлера зимы и лета 1942 года о его глубоко презрительном отношении ко Двору итальянской монархической четы и к самим королю с королевой.

Демонстрируя свою незаурядную память, он говорил про итальянский фашизм как про фашизм *истинный*, вспоминая о своей встрече с Муссолини во Флоренции. Это многозначашее для обоих рандеву состоялось 28 октября 1940 года, в аккурат в первый день вторжения войск дуче в Грецию:

“Истинный фашизм настроен дружелюбно по отношению к немцам. Однако подлинным врагом германского мира является итальянская придворная *клика*. Во Флоренции дуче мне как-то сказал: “Мои солдаты — отличные brave ребята, но моим офицерам я не доверяю... Подбор хороших кадров не может быть осуществлён до тех пор, пока не будет устранена эта мафия правящего слоя. Это такие же негодяи, как и уголовная мафия: заговор заинтересованных лиц, которые, как бы ни были глупы, обладают просто звериным чутьём на таланты: они ярые враги всякого таланта. Положение в Италии не улучшится, если там не будет настоящего государства сильной руки. При монархе это невозможно...”.

В другой раз Гитлер отмечал:

“Во время пребывания в Италии я сам неоднократно смог на многих примерах убедиться в том, что дуче действительно пользуется популярностью у преобладающего большинства населения. Не следует забывать также о поразительных достижениях самого дуче и руководимого им фашистского режима, касается ли это строительства новых заводов, школ, больниц или колониальных заведений... Но если дуче всё же невероятно трудно заниматься политической деятельностью, то это объясняется тем, что его права из-за короля очень сильно ограничены... Я просто не поверил своим глазам, когда увидел, как нагло ведёт себя королева по отношению к дуче и как придворная *камарилья* постоянно хотела быть в центре внимания... Когда я сказал об этом Муссолини, тот лишь засмеялся в ответ...”.

Вот и выходило, что очень разными глазами смотрели дуче и Гитлер на одну и ту же ситуацию.

Советский гол в футбольные ворота Италии

... После “итальянского” задания Кунаева от меня потребовалось немало. Поднял старые записи. Отыскался и потрёпанный большой блокнот лета 1967 года, когда меня занесло на чемпионат мира по футболу на берега “туманного Альбиона”. Вне поэтических метафор Альбион оказался отнюдь не туманным, наоборот, очень солнечным и зелёным, а игра команд в матче “Италия — СССР” — незабываемой. И это при том, что я себя и тогда и позже никогда в настоящих болельщиках не представлял.

Миллионы футбольных болельщиков СССР хотели бы оказаться на моём месте в Англии, а не смотреть этот матч в московских, ленинградских, алматинских и других квартирах и дворах по телевизору. В тогдашней Москве футбольно-дворовые посиделки были в порядке вещей. Выносили под липы и тополя табуретки и стулья. Кто-то на первом этаже распахивал окно, поустойчивее ставил на подоконник свой телевизор чёрно-белым (в советской прессе отчего-то его называли голубым) экраном во двор, врубал в электросеть — и вожделенный матч из Англии неотрывно смотрел весь подъезд.

В принципе я с удовольствием мог уступить своё место только одному болельщику, а не миллионам. Но я его, конечно, не уступил и полетел в футбольную

Британию, потому что до этого никогда там не был, а повторного случая — это я осознал великолепно — в скором будущем определённо не подвернулось бы.

Матчу советской и итальянской сборных предшествовала игра команд Италии и Северной Кореи. Мы, руководствуясь интернационально-классовой солидарностью, хором поддерживали футболистов КНДР.

Орали до хрипоты, скандируя:

“Ко-ре-я!

Ко-ре-я!!

Ко-ре-я !!!”.

О! Это была всем играм игра!

Естественно, тогда я и предположить не мог, что через какой-то десяток лет в одной из потаённых горных резиденций великого и уважаемого вождя корейского народа, несгибаемого полководца (и прочая и прочая) товарища Ким Ир Сена вслед за Кунаевым буду крепко пожимать руку этому вождю. Неужели в Небесной Диспетчерской, определяющей все наши земные пути-дороги, вот так и зачислились мои стадионные старания?

Немногочисленные северокорейские болельщики, тощенькие, как и сами футболисты-соотечественники, в ажиотаже выпрыгивали за невысокий барьер прямо на зелёное поле стадиона. Их тут же хватили за ворот дюжие “бобби” — невозмутимые полисмены в чёрной форме и ловко кидали обратно за барьер.

Корейцы выиграли со счётом 2:1.

Нашему ликованию не было предела.

Однако невероятно темпераментные итальянские болельщики “тиффози”, видимо, запомнили, как мы старались в пользу КНДР. И на матче их команды с командой СССР в буквальном смысле стали отыгрываться на нас.

Позанимав места на трибуне выше нашенских, они скаженно голосили самыми дурными голосами. Безостановочно крутили оглушительные трещотки. Дули что было силы в свои свистульки. Забрасывали нас вонючими сигаретными окурками. Но вот последовал единственный гол в ворота Италии. Его тогда забил непревзойдённый Численко.

Это было что-то невероятное!

Численко каким-то чудом сумел прорваться сквозь мощный заслон итальянских игроков и оказаться один на один с их вратарём. Фантастической, пушечной мощи удар Численко сразу же выравнял наши отношения с “тиффози”.

После рокового для них гола они вмиг утихомирились и стали деликатнейшими людьми.

Началось форменное братание, интенсивный обмен значками и прочими сувенирами. А кто-то из “тиффози” даже попытался запеть самую красивую итальянскую песню “Бандерра росса”.

Моментально вспомнив про всё это и ещё про многое другое, виденное тогда в Британии, чуточку поразмыслив, я со вздохом сожаления отложил в сторону “футбольный” блокнот — как совершенно бесполезный.

Вот тут-то я и ошибся.

Забегая вперёд, скажу: Кунаев с интересом необычайным прослушал мою спортивную сагу, задал несколько специфически-спортивных же вопросов, отвечать на которые пришлось не мне, а более осведомлённому в этом Дуйсетаю Бекежанову (помню, улетал Дуйсетаем на Олимпийские игры в Канаду — Д.А. озаботился слегка: “Не останется там?”. — Я рассмеялся: “А на кой ляд ему? Он что, скрипач, разведчик или звезда балета?”. Д. А. подумал и согласился: “Наверное, слетает туда благополучно. Но ты только ничего Дуйсетаю не говори!”).

Книги с неразрезанными листами

Зато я сумел собрать немедленно (и тем не менее на это ушла уйма времени), наверное, все или почти все полезные книги, какие только оказались в библиотечных каталогах Алма-Аты.

От “А” до “Я”.

Ну уж если быть точным, то от “А” до “Ч”, “Ш” и “Э”.

То есть от капитального и выжелтевшего труда Ревекки Абрамовны Авербух “Италия в Первой и Второй мировых войнах” и увесистых “итальянских” томов Цецилии Исааковны Кин, статей когда-то знаменитого экономиста и публициста Варги, работ Ленина “Конец войны Италии с Турцией”, “Империализм и социализм в Италии” и других (Ильич Первый не менее двадцати раз прямо или косвенно обращался к итальянским проблемам), петроградских книг 1917 года — “Италия и война” Луначарского и двухчастевой, 1923 года — “Фашизм” Германа Сандомирского, переведённых с итальянского книг Алатри о происхождении итальянского фашизма, москвича Вишнева о военной экономике фашистской Италии, книги Грамши и о Грамши, Лонго и о Лонго, Тольятти и о Тольятти, мемуары бывалых итальянских фронтовиков Боргезе, Фьоре и других, отечественных знатоков фашизма и нацизма Лисовского, Лопухова, Некрича, Слободского, Смирновой, Сидорова, Стрельникова, Филатова, Фокина, Хвостова, Черепанова, Шатрова до писем Рузвельта и Черчилля Сталину, итальянских страниц мемуаров Эренбурга “Люди, годы, жизнь”...

Право, ни один из этих, так сказать, первоисточников не обнаруживал на себе каких-либо следов повышенного читательского внимания, а у иных из книг даже не были разрезаны листы.

В четвёртом номере журнала “Русский вестник” за 1858 год обнаружился воспоминания А.Галахова о “замечательнейшем представителе исторической науки в нашем Отечестве”, преподавателе всеобщей истории в Московском университете Петре Николаевиче Кудрявцеве — авторе обширного труда под названием “Судьбы Италии”, “в котором он представляет историю этой страны со времени падения Западной Римской империи до Карла Великого”.

В журнале “Атеней” некто К. Герц почтил своими воззрениями титаническую фигуру Леонардо да Винчи (1858, № № 25-26), а на творение Герца в свою очередь обратил внимание Дмитрий Писарев (См.: его Полное собрание сочинений в шести томах, 4-е издание, т. 1, СПб, 1903, с.123). Незаурядный критик оставил примечательные суждения об истоках “движения ума” в Италии эпохи Возрождения и великой её роли “в истории развития человечества”.

Добыл литературу о большом и противоречивом итальянском историке, философе, литературоведе, политическом деятеле Бенедетто Кроче.

Примечательно, что тот поначалу серьёзно симпатизировал Муссолини и фашизму, но после Второй мировой войны определил фашизм как “моральную болезнь общества и паузу в развитии исторического процесса”.

В советских источниках, дабы не было никаких разночтений насчёт Кроче, занесли его по графе “противников фашизма”. Коротко, зато предельно ясно. Как и с самим фашизмом.

Между тем его виднейший интерпретатор, к тому же ещё и глубокий знаток итальянского Прото-Ренессанса и эпохи Возрождения, вообще небесталанный историк Джозакино Вольпе (всего-то каких-то пять лет не дотянул он до своего столетия — этот грешный мир покинул он в 1971-м) определял фашизм как “революцию, которая надёжно соединила государственную власть с народом”.

Конечно же, нет ни малейшего смысла апологизировать это зловещее тоталитарно-криминальное единение. Однако грех с порога отметить его

неопровержимую реальность. Уже хотя бы потому, что она, эта реальность, обладает неодолимым и по-своему, особенно для зелёной, неискущённой молодёжи, привлекательным свойством широкомасштабной исторической репродукции.

Дуче: “Без короля Италии нельзя!”

Как известно, Германия распроцалась с монархией вслед за Россией, в результате Ноябрьской революции 1918 года и задолго до появления Гитлера на политической арене. Муссолини на этой искони переменчивой арене прочно обосновался куда как раньше, но никогда не спешил с упразднением власти короля.

Именно так почти всегда полагал Муссолини, исходя, как это нынче модно говорить, из *менталитета* итальянского народа. Со слов Папы Карло и профессора Лоттенели, Муссолини вопреки досужим примыслам и домыслам о его якобы неистребимых желаниях каким-либо способом ликвидировать в Италии монархию и установить режим личной диктатуры — сам дуче — подчеркну ещё раз! — ни при каких обстоятельствах не подавал даже самого малейшего повода к тому, чтобы быть здесь даже слегка заподозренным. Хотя скептически-критические и даже откровенно-уничжительные ремарки у него в адрес короля случались. Причём не раз и не два. Но от фундаментальной своей формулы “Без короля Италии нельзя!” он, повторяю, не отступал. Как бы к тому его ни старались склонить слева и справа, сверху и снизу — не поддавался.

Вплоть до 1943 года!

Примечательно тут весьма характерное (и даже своего рода симптоматичное) совпадение верноподданической позиции дуче с тактикой и стратегией лидеров итальянских коммунистов. Они тоже, как и он, сполна учитывали стародавние монархические традиции итальянского общества и (до поры до времени) не покушались на монархические устои итальянского государства.

Монарх с пол-окурка

Итак, итальянский король Виктор-Эммануил Третий.

Для Муссолини и почти всех своих подданных — Король и Император с большой буквы. Он был на 14 лет старше дуче.

Внешне король выглядел весьма невыразительным.

Плотненький, но невысокого росточка. Большеухий. Коротенькие седые усики. Цепкие глазки-буравчики. Пухлыми округлостями тщательно ухоженного лица и затянутого широким ремнём с щегольской португесей сытенького животика он напоминал генералиссимуса Франко, но, правда, размерами куда меньшего.

Намного лучше выглядел он на блестящих медалях, отчеканенных в пору Первой мировой войны.

Не между прочим: двух из них — бронзовой и серебряной был удостоен Эрнест Хемингуэй, которому Италия осталась на всю жизнь памятной.

Прежде всего за те жесточайшие военные передраги, коим он себя подверг абсолютно добровольным участием в тогдашних баталиях. До сих пор его биографы спорят — 237 попаданий “в паховую область” есть сущая правда или же выдумка? В любом случае взрыв снаряда мортиры 9 июля 1918 года, а затем две пулемётные очереди, тоже схваченные Хемингуэем в это же утро, могли прикончить любого гиганта. Но он сумел, пролежав по госпиталям, всё-таки вернуться домой и к газетной работе.

А ещё ему Италия стала памятной — несказанной любовью к грациозной американской девушке по имени Агнесса, чей образ он воссоздал в романе “Прощай, оружие!”.

Да-да, Кэтрин Баркли — это она, его добрый ангел-хранитель Агнесса фон Куровски, выпускница благотворительной школы Бельвю, как и он, чтобы

попасть на войну, добровольно вступившая в Американский Красный Крест. Однако Агнесса отказала Хемингуэю сочетаться с ним законным браком, поскольку была старше него. Этот отказ снова свалил его чуть ли не замертво. Она же потом влюбилась в итальянского офицера. Но и за него замуж не вышла...

Серебряную медаль Хемингуэю вручал сам Виктор-Эммануил Третий.

“Это я давно знаю, — заметил Кунаев. — Но ты продолжай, пожалуйста. Сегодня воскресенье. Кроме Хакима и Дуйсетая, наверное, никто тревожить не будет. Хотя так не бывает. А если и бывает, то редко...”

Продолжил.

О короле у великого американского газетчика и писателя сохранились самые тёплые воспоминания и чувства, чего об отношении ныне уже бессмертного классика к Муссолини сказать никак нельзя. Впоследствии — после пребывания Хемингуэя в Испании периода ожесточённой Гражданской войны Франко против республиканцев, а республиканцев против Франко — оно стало категорически отрицательным, чем дуче, разумеется, очень уязвлялся, потому как талантливый оппонент он умел ценить по достоинству.

Награда итальянского монарха у Хемингуэя хранилась в обитой вельветом заветной коробочке и по-своему была очень дорога ему. Это — свидетельство его младшего брата Лейчестера, которому на память перепала бронзовая, на красно-зелёной ленточке, медаль старшего брата, а со своей серебряной Хемингуэй тоже потом расстался — отдал её “хорошенькой местной девушке”.

И всё же позировать перед фото- и кинокамерами король не любил. Особенно с кем-либо в компании — стеснялся неизбежных сравнений не в свою пользу. Это присуще многим из тех, кто вымахал по карьере, но не по физическому росту. Разве что один Наполеон лишён был такого синдрома. И то, наверное, втайне завидовал своим рослым маршалам.

Как и положено любому европейскому монарху, Виктор-Эммануил Третий был очень образован. Даже больше остальных своих венценосных коллег. Быть может, от того-то и пробыл на своём троне куда как продолжительнее остальных — 46 календарных лет!

“Почти как Иван Грозный. Тот на престоле пробыл более 50 лет — из них 14 — великим князем всяя Руси и потом ещё 37 лет — уже Государем...” — сравнил Д. А.

С трона и вообще с беспокойной и опасной арены Всемирной Истории Виктор-Эммануил Третий сошёл в 1946 году. Оставив королевскую корону, прожил недолго — скончался на следующий год 78-ми или даже 79-ти лет. Есть в Риме его мавзолей, хотя по нашим недавним меркам, казалось бы, вполне закономерен риторический вопрос: а чего же такого значительного принёс этот монарх своему народу? И не только своему, а и другим народам. Эфиопскому, скажем. Выжег Абиссинию порохом, вытравил химическими бомбами и снарядами. Или же албанскому с греческим. Или французскому. Со всеми ними Италия повоевала — и отнюдь не лозунгами. Или же, если на то пошло, русскому с белорусским и украинским... Да вроде бы ничего не принёс, кроме тревог, страданий и мучений. К тому же ни при ком-то другом, а именно при Викторе-Эммануиле Третьем свершился небывалый взлёт Муссолини...

И вот невольно возникают некие сопоставления. В СССР в каменную усыпальницу Ленина помещали на уплотнение стеклянный саркофаг с телом Сталина.

Потом ночью лишали Сталина этого пристанища, которое нет-нет да и пробовали на прочность советские последователи Герострата. То некий приезжий взрывал самодельную бомбу в самом траурном зале. То покушение на мавзолей свершалось снаружи.

В Болгарии же не какие-то чудики, а официальные власти пытались на исходе XX столетия сокрушить фугасными взрывами усыпальницу Георгия Димитрова, первого ненавистника Геринга по Лейпцигскому процессу. Мавзолей Димитрова устоял.

А вот римский мавзолей короля Виктора-Эммануила Третьего никто никогда не трогал.

И до 1946 года ни одна из итальянских партий, в том числе партия Грамши — Тольятти — Лонго, тоже никогда и ни при каких обстоятельствах не посягала на монархическое величие этого короля-императора. Он был последним из Савойской династии монархов, правивших с 1861 года объединённым королевством Италии. А до того эта древняя династия поставляла с XI века по 1416 год альпийской Савоие правителей-графов, потом с 1416 года по 1720-й — герцогов, затем монархов для Сардинского королевства, ставшего ядром, вокруг которого в XIX столетии объединилась раздробленная Италия.

“Я не виноват, что король наш — с пол-окурка. И лошадей ненавидит, потому что приходится ему на них взбираться с помощью лестницы”, — так в своём кругу говорил Муссолини.

Обычно дуче за словом в карман не лез. Сказывалась ораторская и журналистская закваска, а также фронтовая закалка.

Сын кузнеца, внук гвардейца

Сам же дуче хорошо сидел и очень ладно смотрелся в седле. Лёгкая кавалерийская кривизна его мускулистых ног обнаруживалась лишь в пешем строю. Огромная физическая сила угадывалась беструдно в нём с первого взгляда.

Отбирая кадры вражеской кинохроники для шедеврального фильма “Обыкновенный фашизм” (1966), лауреат пяти Сталинских премий за киноленты о великих вождях советского народа профессор ВГИКа Михаил Ильич Ромм перенёс на экран и эту особенность Муссолини. Других реальных изображений дуче в советской историографии не появлялось, быть может, за исключением заимствованных у британцев снимков из Мюнхена 1938 года, где та же особенность отличает Муссолини от его западных компаньонов. Зато немало подлинных его снимков в изданиях Германской Демократической Республики о Второй мировой войне, западноевропейской и американских энциклопедиях.

Физическую силу, бычье здоровье и необычайную выносливость “товарищ Бенито” удачно унаследовал от своего отца-кузнеца, у которого в семье был первым ребёнком. Широкие плечи, плотную шею и гвардейский затылок — от деда. Выразительные чёрные глаза — от матери. Каким-то чудом она сумела заставить своего строптивого отрока чуть ли не наизусть вызубрить роман Стендаля “Пармская обитель”, в котором, по её мнению, великий итальянец, бывший под именем Анри Бейля интендантом в армии Наполеона Бонапарта во время похода на Россию, убедительно показал национальный характер.

Вспоминая об отце, Муссолини ради собственного твёрдого реноме “выходца из народа”, “человека народа” всегда называл родителя кузнецом и только кузнецом, хотя тот на самом деле питал к молоту и наковальне пристрастие, так сказать, по совместительству, а на жизнь себе и своему семейству зарабатывал активным сотрудничеством в журналистике социалистического направления.

Никакого не было смысла для Муссолини распространяться о том, что его отец, подшив, очень любил повитийствовать в местных тавернах, немало денег тратил на любовницу, но и о сносной еде для трёх прожорливых своих детей, которые вместе с матерью допоздна ждали его в скромной двухкомнатной квартире на втором этаже ветхого палаццо, тоже никогда не забывал.

“... Я ещё заставлю всю землю содрогнуться!”

Мать Муссолини, женщина своенравная и многобродетельная, была школьной учительницей. Но твёрдость её педагогики на первенца не распространялась. Юный Бенито сыном и учеником проявил себя не то чтобы непослушным,

а полностью неуправляемым. Однако бамбино умел постоять за себя, за друзей тоже. Рос драчливым и агрессивным. Его вышибали из школы за то, что он пырнул перочинным ножом другого ученика. С трудом вернувшись в лоно школы, экзамены Бенито сдавал отнюдь не с грехом пополам, а вполне достойно.

Известно: мать Гитлера хотела видеть своего сына пастором, зная, однако, о том, что для выходца из семейства австрийских евреев Шекельгруберов (Шикльгруберов) это было весьма проблематично. Мать Сталина мечтала о рясе православного священника для сына. И сам он, отпрыск сильно пьющего сапожника, зарезанного в пьяной драке, тем не менее был куда как ближе юного Шекельгрубера к духовному сану.

А вот мать Муссолини о духовной карьере своего первенца и не помышляла, и сам он собственное будущее представлял неясно. Однако всегда был больше оптимистом, чем пессимистом. Редко говорил *уже*. Предпочитал нажимать на *ещё*. В любой ситуации: “Ещё не всё потеряно. Ещё не вечер!”.

А в отрочестве однажды заявил родительнице напрямик:

“Мама миа, мамочка моя! Вот увидите все вы — я ещё заставлю всю Землю содрогнуться!”.

Школа им была ещё не окончена. Но серьёзность заявки на своё особое предназначение на белом свете более чем очевидна. Учился же далее без каких-либо проблем для себя и своих наставников, схватывая буквально всё на лету.

Уместно сказать ещё и о том, что его дед по отцу был лейтенантом Национальной гвардии. Таким образом рабочее происхождение дуче можно считать лишь весьма условным. Но вопиющие проблемы глобально-острого социального неравенства завладели им смолоду.

Его первые университеты.

Он жизнь полюбил раньше, чем понял её смысл

Да, Муссолини никогда не был неучем. В 19 лет он отбыл из родных пенат в Швейцарию, как вычитал я у одного из его старательных биографов, “с никелевым медальоном Карла Маркса в своих пустых карманах”. Маркс действительно надолго стал его кумиром. Но читал и штудировал он не только Маркса, а и Канта, Спинозу, Кропоткина, Ницше, Гегеля, Каутского, Сореля. Университетские науки одолевал с превеликим увлечением — играючи. Блестяще защитил в Лозанне учёную степень.

В Швейцарии и сейчас (я сам тому свидетель) тот не человек, кто не говорит более или менее свободно на немецком, французском, итальянском. А юный Бенито запросто объяснялся почти на всех европейских.

Успешно пробовал себя в журналистике. Вторая древнейшая профессия приходилась ему впору. Перо было не просто интеллектуальным, а остро заточенным. На мелочи жизни он его не разменивал. И самую жизнь, похоже, полюбил раньше, чем понял её смысл.

Ещё одной его неодолимой страстью стало ораторское искусство. В нём он весьма преуспевал — в любой аудитории слушали его безотрывно и находили, что этот молодой вития обладает чарами некоего магнетизма, необыкновенным умением увлечь даже самых индифферентных людей своими зажигательными речами. Столь редкостное качество его чётко зафиксировала даже всегда беспристрастно-взвешенная Британская Энциклопедия.

Однако — и этого зарубежные энциклопедисты тоже не скрывают — была у него в молодости довольно затяжная полоса, когда ораторству, журналистике, книгам и конспектам он предпочёл разнузданное бражничество. И тут он тоже показал своеобразный класс высшего, то есть, если сказать точнее, самого низшего пилотажа.

Пьянствовал напропалую. Запивался, как последний сапожник, в дым. Таскался с самыми дешёвыми бабами (как будто и сифилис подцепил, но потом якобы удачно излечился). Ночевал где попало, под мостами и даже в общественных сортирах.

Вкалывал то на стройках, то в мясной лавке.

Но вот что поразительно — ни ума, ни здоровья не потерял. На удивление всем знавшим его сумел в конце концов (вернее, в начале начал своей головокружительной карьеры) крепко взять себя в руки и посчитал своим настоящим призванием борьбу за освобождение труда всех социально обездоленных. Но поскольку таковых в Швейцарии было немало, а на всей планете ещё больше, он, тщательно взвесив все шансы, выбрал для себя наиболее перспективной защиту цеховых интересов швейцарского рабочего класса и в первую очередь профсоюза строителей.

В Швейцарии, как известно, помимо небольшого числа коренных жителей — ретороманцев издавна живут и трудятся итальянцы, французы и немцы. Они и составляют костяк швейцарского люда. Но каждый этнос в нём при этом сохранял и сохраняет своё национальное первородство и свою географию внутри небольшой страны при столь же давнем общегражданском равенстве перед её законами и традициями.

Бывая уже в середине 80-х годов XX столетия в итальянских, французских и немецких кантонах Швейцарии, я каждый раз будто бы попадал в маленькие Италию, Францию и Германию со всем их национально-бытовым колером и антуражем, спутать которые просто-напросто невозможно.

Конечно же, пылкая душа Муссолини отдавала предпочтение родным ему по крови итальянским швейцарцам, за которых он пуще остальных радел в нештучных схватках с местными акулами капитала.

Тут-то и приметили его швейцарские власти, до этого закрывавшие глаза на все его художества.

В 1904 году он был арестован и заключён в тюрьму.

Просидел недолго — под обещание покинуть благочинную Швейцарию его освободили.

В родной Италии снова у него приключился алкогольный взбрык, но опять он заставил себя не дурить, а заняться защитой коренных интересов рабочего класса.

Пылкая любовь к нему, этому классу, пересилила все потуги и притязания зелёного змия. Но теперь Бенито становился неуютным и властям Италии.

Снова арест и тюремное заключение.

В 1908 году обрелся в Тренте — тогда австрийском городе, где основал издание социалистического толка.

Его первая и последняя — законная...

В 1909 году его снова властно обуял демон любви.

Но уже не классовой.

У себя дома, в родных пенатах, а именно — в местечке Форли, 26-летний Муссолини по уши втрескался в смазливую 16-летнюю Ракеле (Рашель). Крепенькая девица была младшенькой из двух дочек давней любовницы отца-кузнеца.

Сообразительная не по возрасту и не по возрасту многознающая, Ракеле вняла его чувствам и притязаниям, а потом без особых раздумий перешла жить к нему в сырые и тесные «апартаменты» и позже официально зарегистрировалась с ним, не подозревая, конечно, о той необыкновенной будущности, каковая была дадена Провидением её суженому.

Однако сказать, что она не отличала Бенито в ряду других своих кавалеров, тотчас же получивших категорическую отставку, было бы неправдой. В её глазах он был на десять голов выше остальных — кавалеров и не-кавалеров. Она

не могла не видеть, что в отличие от многих, даже очень многих других знакомых и незнакомых людей он обладает необыкновенной способностью подчинять их своим словам, своим желаниям, своей воле. Это ей очень льстило и подтверждало, что с ним она уверенно будет держаться на плоту жизни даже в самых бурных волнах. С ним ей, быть может, станется, как у Христа за пазухой. Лишь не растерять бы ей не только большого искусства плотской любви, но и стать душевно и духовно близким ему человеком.

Но недолго наслаждалась темпераментная молодая пара законным браком — грянул новый арест, для Муссолини пятый по счёту.

“Выходит, Муссолини не меньше Сталина арестовывался?” — прервал мои выкладки Кунаев с тоном, наполовину выдававшим его удивление.

“Выходит, так”, — подтвердил я.

Фюрер: свет мой зеркальце, скажи...

*... ни в коем случае нельзя подбирать
вождей наций на основе школьных аттестатов.
Буржуа способен на подвиг, как только
протянешь руку к его кошельку.
Карлик, у которого нет ничего, кроме
знаний, боится силы.
Провидение всегда одаривает победой
того, кто умеет правильно распорядиться умом,
которым наделила его Природа.*

*Из февральско-мартовских (1942)
стенограмм Генриха Гейма
в Ставке фюрера*

Вот тут-то, быть может, в самый раз напомнил я о том, что у нас обычно забывают, полагая (простодушно, а чаще всего под гипнозом политических стереотипов), что Гитлер сразу возник на свет Божий палачом и людоедом.

Отнюдь нет.

А на этот свет он появился в австрийском городке Браннау от третьего брака его весьма любвеобильного папы — таможенного чиновника Алоиса Шикльгрубера-Гитлера, отца семерых детей, в том числе и внебрачных.

Смолоду Гитлеру, как и Муссолини, ничто человеческое не было чуждо. Юного Адольфа из школы выставили тоже за несносные выходки. Правда, если будущий дуче увлекался социально-политической стороной бытия, то Гитлеру (как ни странно, результат отцовского влияния) были ближе и понятнее архитектура с живописью, серьёзная музыка, балет, драма, хоровое пение. Памятью он уже тогда обладал феноменальной. Однако умел забывать даже о самых ближайших родственниках. Накануне войны в Австрии доживала свой век в полном одиночестве его родная сестра, брошенная братцем на произвол судьбы.

“Если бы не война, я стал бы, несомненно, архитектором. Вполне возможно, даже вероятнее всего, — одним из лучших, если не самым лучшим архитектором Германии”, — уверенно заявлял Гитлер в 1942-м.

Уже рейхсканцлером, он завёл обыкновение заранее лично просматривать всю программу любого концерта, которая могла быть предложена тем или иным приличным визитёрам в рейхсканцелярии.

Без книги он не ложился спать, а спал обычно мало. Однажды вспомнил вычитанное в молодости — как Бетховен, узнав о превращении вчерашнего республиканца Наполеона в императора, немедленно разорвал во гневе партитуру своей

Третьей, “Героической симфонии”, посвящённой Наполеону, и принялся топтать её обрывки ногами, восклицая: “Он не мировой дух, он всего лишь человек!”.

О самом же Наполеоне фюрер сказал так:

“Весь трагизм его судьбы в том, что он так и не понял одной вещи — с титулом императора, пышным двором и придворным церемониалом он оказался в одном ряду с дегенератами и приобрёл полную клетку обезьян”.

Гитлер заметил, что счёл бы безумием, если бы ему предложили, к примеру, называться герцогом и встать вровень, на одну ступень, с множеством полоумных носителей этого титула.

Сам же полагал, что “с титулами и орденами нужно обращаться очень осторожно, если не желаешь, чтобы они утратили свою ценность”. А к ценности знаков отличия подходил сугубо прагматически. До него нередко за большие заслуги перед Германией заграничным дипломатам вручались золотые портсигары стоимостью 670 рейхсмарок. Фюрер рекомендовал заменить портсигары орденами (“Ибо люди алчут орденов точно так же, как и титулов” — его слова). Выигрыш оказался более чем существенным: стоимость даже самых дорогих орденов (за исключением осыпанных бриллиантами) не превышала 25 рейхсмарок.

В 1942-м Гитлер гордился тем, что “благодаря целому ряду случайностей и счастливых обстоятельств ему удалось вернуть германскому народу множество подлинных художественных шедевров”. Только для музея в Линце он смог приобрести тысячу картин старых мастеров голландской и фламандской школы, а также картины Леонардо да Винчи, Швинда, Фейербаха. Своим гауляйтерам (иным словом, заместникам) он советовал разбираться в изобразительном искусстве и регулярно пополнять специальный фонд для закупки ценных полотен.

В молодости Гитлер не отказывался, как и Муссолини, ни от суммы, ни от тюрьмы.

Ни от табака, ни от спиртного.

Таскал на стройках кирпичи, камни и брёвна. В Мюнхене вкалывал маляром. В безденежье с бродячим компаньоном-евреем торговал на улицах разным барахлом. Ночевал “на дне” — в благотворительных ночлежках.

Золотой мечтой тогда у него было найти зажиточную невесту.

Даже когда бедствовал (а бедствовал, как мы увидим, далеко не всегда), присутствия духа не терял.

Часами просиживал на галёрке Венского парламента, жадно внимая речам депутатов. И в зрелом возрасте, по свидетельству хорошо его знавших, мог звонко смеяться, гостей встречал дружелюбной улыбкой. Ценил остроумную шутку и сам любил пошутить. Хорошо знал фольклор. Причём не только ефрейторский. Кстати, не всю свою армейскую бытность он пребывал ефрейтором — горбом, а точнее, *ушами* и *словом* заработал и офицерские погоны (о них я ещё скажу позже).

С юности накачавший себе физическую выносливость лыжными бросками, он любил отрабатывать перед зеркалом ораторские жесты и другие приёмы. Как и Муссолини, его слушали не перебивая. И в самую для него роковую минуту германской Ноябрьской революции его жизнь выручило собственное краснобайство — возжелавшие 2 мая 1919 года расстрелять Гитлера (как *контру*) под влиянием его убедительных речений передумали и отпустили его восвояси.

О! Если бы знали эти добряки, кого они отпускают и зачем!

Потом Гитлер, как Муссолини, взял себя в оборот, точнее в укорот — понял: то, что сейчас называют здоровым образом жизни, намного интереснее, чем любое упражнение в искусственном нагнетании настроения и тонуса. Будь то бутылка пива, крепкая сигарета или же благодарственная молитва.

Ночью 19 и в полдень 27 февраля 1942 года в Своей Ставке “Болчьего логова” он, как говорится, нёс по кочкам всех проповедников христианства, от души

возмущался тем, что “в Риме священники следят за тем, какой длины у женщин одежда и рукава и носят ли они головные уборы”.

Заявлял:

“Если бы не опасность распространения большевизма по всей Европе, я не стал бы препятствовать революции в Испании — там бы истребили всех попов. Если у нас эти святоши и ханжи придут к власти, то в Европу вернутся самые мрачные времена средневековья...”

В партии меня никогда не интересовало, кто из моего окружения какой веры придерживается. Но я бы хотел, чтобы в радиусе 10-ти километров от моей могилы не было ни одного попа. Я отказался от их молитв. Если я для чего-то нужен, значит, меня послали сюда высшие силы”.

Сетовал:

“Нам очень не хватает театральных зданий... В Берлине сейчас три театра — и это на четыре миллиона жителей! А в Дрездене на шестьсот тысяч человек — один оперный театр!”.

Утверждал:

“Берлину надобно хотя бы пять оперных театров. И все они будут переполнены. Оперетта, опера и драма должны быть представлены первоклассными театрами с высокими ценами... Но если хорошо заботиться о культурной жизни, то и в маленьком городе она будет просто сказочной, придётся только от “звёзд” отказаться...”

Мы растаем в светоносное, основанное на истинной терпимости мировоззрение.

Человек должен быть в состоянии развивать данные ему от Всевышнего способности.

Мы должны лишь предотвратить появление новой, ещё большей лжи — еврейско-большевистского мира”.

“Ты только посмотри — каков фрукт, а? — не удержался Д. А. от краткого комментария. — Этот самый Адольф Алоисович, мамку его...”.

Холокост

На юдофобии Гитлер помешался клинически. Отчего? Почему? Бестолковых объяснений — тьма тьмушая. А внятных я пока не нашёл.

В 1940 году он было поддержал план депортации всех европейских евреев на остров Мадагаскар.

Но в январе 1942-го на берегу озера Гроссер-Ваннзее согласился с проектом “Endlosung” — “окончательного решения”, то есть поголовного истребления европейских евреев спецкомандами и в лагерях смерти на территории Польши и СССР.

Однако когда ему был задан уточнительный вопрос — действительно ли — всех евреев, Гитлер мгновенно ответил:

“Нет. Тогда нам пришлось бы изобрести их. Враг нам нужен зримый, а не фантом”.

Гроссер-ваннзейская разрядка по ликвидации евреев выглядела так.

Германия давала на заклатание 131000 человек.

Польское генерал-губернаторство — 2284000.

СССР — 5000000.

Англия — 330000.

Италия — 58000.

Полуевреев намечалось депортировать.

А “четвертушечников” — не трогать.

Штык Советской Армии перечеркнул этот дьявольский план. Но тем не менее 6 миллионов евреев погибли.

Как ни странно, а в ближайшем окружении Гитлера среди его военачальников полуевреем был генерал-фельдмаршал авиации Эрих Мильх. Да и у самого фюрера со 100-процентным содержанием истинно германской крови было далеко не в порядке.

Подотделом “по делам евреев” в Имперском управлении безопасности руководил с 1937 года Карл Эйхман.

Его служебная характеристика выглядела так:

Поведение на службе и вне службы — корректен, безупречен.

Денежные дела — долгов нет.

Отношение к семье — хорошее.

Личные качества — активен, выдержан, чувство товарищества, целеустремлён.

Душевная бодрость — ярко выражена.

Мировоззрение — здоровое.

Слабости, недостатки (прочерк).

После Второй мировой войны обладатель здорового мировоззрения скрылся в Аргентине. Израильской разведке удалось вывезти его в 1960 году оттуда в свою страну. На судебном процессе он изображал мелкую сошку, обелял себя всячески. Но вездесущие всё-таки свершилось. Военного преступника казнили в 1962-м. Так и не сбылась его заветная мечта “построить за Уралом замок, пить кумыс и скакать верхом по степи”.

“Слушай, святой Владислав, а много ли у нас в Казахстане евреев?” — неожиданно спросил Кунаев.

Я не смог с ходу ответить:

“Не считал, но полагаю, что не больше, чем в Биробиджане”.

“А жена твоя не еврейка?”

“Жена? Нет. Отец у неё белорус. Мать — армянка. А сама она — русская”.

“Вот это да! Теперь буду знать, как делаются русские”, — удовлетворился моим разъяснением Д. А.

Курение — месть краснокожих

Следующей в моей правдивой саге была такая картина.

В ночь на 11 марта 1942 года, за поздним ужином, Гитлер, простирая взгляд в обозримое будущее, настойчиво внушал своим слушателям, опираясь на личный опыт, обрётённый им ещё той далёкой порой, когда он мытарствовал в Вене, надеясь стать слушателем тамошней Академии ваяния и зодчества:

“Начинать надо с молодёжи. Ей нужно только сказать: не берите пример со стариков, и всё будет в порядке!

Мне долго было очень плохо в Вене. Несколько месяцев не ел горячей пищи. Питался только молоком и чёрствым хлебом. Но тратил 13 крейцеров в день на сигареты. Выкуривал от 25 до 40 сигарет в день...

И однажды подумал: а что если не тратить 13 крейцеров на курево, а купить масла и сделать бутерброды?

На это уйдёт 5 крейцеров, а у меня ещё останутся деньги. Я выкинул сигареты в Дунай...

Убеждён, если бы я курил, то никогда бы не смог вынести все эти тяжкие заботы... Может, это и спасло немецкий народ... Я потерял столько выдающихся людей, которые отравили себя табаком!”.

“Сталин курил до конца жизни, — задумчиво заметил тут Д. А. — Но спасло ли это советский народ?..

В другой раз Гитлер, толкуя за вечерней трапезой 18 июля 1942 года о вреде курения, посоветовал одному из своих подчинённых обратить внимание на то, как пагубно действует табак на людей, какие смертоносные изменения происходят в организме, отравляемом непрерывным курением.

“Курение — это месть краснокожих за то, что белые приучили их к спиртному и тем самым обрекли на вымирание”, — не без резону изрёк фюрер.

Как-то признался своим слушателям:

“В юности я считался чудачком, предпочитающем компании одиночество. Теперь я не могу быть один. Больше всего люблю обедать с женщиной...”.

Возможно, он не был утончённым знатоком женской психологии, но его суждения на сей счёт весьма примечательны:

“Для женщины красивое платье теряет всю свою привлекательность в тот момент, когда другая начинает носить такое же платье. Я однажды наблюдал, как женщина покинула оперу лишь потому, что увидела — в ложу напротив входит женщина в таком же платье... Когда женщина прихорашивается, то усердие её зачастую вдохновляется тайной радостью, что она сможет позлить другую. Женщина обладает способностью, которой лишены мы, мужчины. Она может поцеловать подругу и одновременно уколоть её булавкой... Простим им эти маленькие слабости...”.

Но, кажется, в послеобеденных увлечениях (а, как известно, обед на Западе — это время не после полудня, а ближе к вечеру) Гитлер никогда так и не смог не то что опередить Муссолини, а хотя бы более или менее приблизиться к его вечерним и ночным альковным викториям.

“Ну это ещё доказать надо. Или вообще не доказывать. У Гитлера, как у Ленина, детей не было. Но у Ленина их не было с Крупской. А вот с другими — это ещё вопрос. А у фюрера, говорят, вообще не действовал главный инструмент”, — заметил мой визави...

“Это можно было бы выяснить у одного из его личных врачей — Штумпфеггера. Он вроде бы остался жив”.

“Небось, уже нашлись такие охотники по выяснению, — предположил Д. А. — Но давай-ка всё по делу, а не то уйдём не в ту степь. Хотя вряд ли. Всё надо знать. И чем больше, тем лучше”.

На деньги французского генштаба?

Итак, последовал новый арест будущего дуче, объятого супружескими страстями. Однако с каждым разом брать “дорогого и уважаемого товарища Бенито Муссолини” голыми руками было опрометчиво — яркая звезда его журналистско-пролетарской известности уверенно всходила на политическом небосклоне родной Италии. Более того, она уже была хорошо заметна из запредельных краёв. Как оратор, журналист и политик Муссолини твёрдо встал на ноги, сбить его уже было очень непросто.

Будущий дуче окреп настолько, что мог основать собственную газету. Как и сейчас, это стоило немалых связей и солидных средств. Известно: Гитлеру на покупку им газеты “Völkischer Beobachter” — “Народный наблюдатель” дал опекавший его пехотный генерал-лейтенант по фамилии Эпп. Его полное имя — Франц Ксавье Риттер фон Эпп.

Это он первым по достоинству оценил способности молодого Гитлера как агента политической разведки рейхсвера (так тогда назывались вооружённые силы Германии). Имя же первого финансового благодетеля “товарища Бенито” мне пока не ведомо. Но назвал Муссолини своё издание звучно: “La Lotta di class” — “Классовая борьба” (или “Борьба классов”).

Версталась газета грамотно и броско. Выходила на четырёх полосах. Причём все эти четыре большеформатные страницы Муссолини заполнял самолично. Тут сам себе он был разом король, рыцарь и паж, помещик, управляющий и крепостной. На изящные красоты стиля его статьи и другие публикации особенно не претендовали. Но грубо скроенные, пропитанные живыми настроениями простонародья и отмеченные знаком не поверхностных суждений о том, что волновало власть имущих, они были почти одинаково доступны плембу и аристократии. Муссолини умело играл на остром недовольстве пролетариев города и деревни и вместе с тем не забывал затрагивать струны ненасытного честолюбия настоящих князей итальянской жизни.

Он уже тогда взял за главное правило — не объяснять непонятное с помощью неизвестного, а говорить как можно доступнее для всех, но не унижая себя примитивами. Он показал себя искусным дипломатом в отношениях с едва ли не самым популярным в ту пору «реформистским вождём» Биссолати.

Внушительной была его поддержка стачкам нового типа, когда забастовщики, например, на железных дорогах Италии излишне тщательно и сверхпедантично выполняли все правила движения, в результате чего график поездов по всей стране летел к чёрту на рога.

Не прошла мимо внимания Муссолини война Италии с Турцией за Триполи и Керенаику, длившаяся с октября 1911 года по октябрь 1912-го. Она сопровождалась гнусными расправами над арабами — их было повешено 1000 и перебито 14800.

Возмущённый Ленин (он был на 13 лет старше, а значит, и прозорливее Муссолини) писал: «... арабские племена внутри материка Африки, вдали от берега не подчинятся. Их будут долго ещё «цивилизовать» штыком, пулей, верёвкой, огнём, насилованием женщин».

Успех на долю издания «Классовая борьба» выпал необыкновенный. Удивительно ли, что в год завершения схватки Италии с Турцией для Муссолини от самых принципиальных отечественных миротворцев последовало особое приглашение — занять пост главного редактора официоза Социалистической партии газеты «Аванти».

Тут «товарищ Бенито» ничуть не колебался.

Трамплин ему судьба уготовила высокий.

Надо было только умело прыгнуть с него в Большую Политику, чтобы потом возвыситься и удержаться в ней прочнее прочного.

Со страниц этого влиятельного официоза он мог говорить и писать о многом, властвовать над умами и сердцами тысяч и тысяч людей.

А гигантские события тем временем накатывали ежедневно.

Уже загорался в виде двух отнюдь не локальных войнушек мировой пожар на Балканах. Российские добровольцы не ограничивались домашними речами в Москве и Питере, других городах необъятной империи. Они прибывали на помощь братьям-славянам в полной боевой экипировке. Даже со своими боевыми аэропланами. С неприятелем на земле и в небесах сражались очень умело.

Лев (Троцкий) на Балканах

Отсюда, с Балкан (по-турецки Лесистые Горы), корреспондировал в свои газеты Лев Троцкий. Примечательно, что именно здесь, на Балканах, по словам Карла Радека, «демон русской революции» приобрёл «глубокое понимание военных вопросов».

Так Радек писал ещё при жизни Ленина в статье, посвящённой 25-й годовщине ленинской партии в специальном выпуске главной большевистской газеты «Правда» за 14 марта 1923 года.

Статья называлась: «Лев Троцкий — организатор победы».

Это утверждение не было очень удалённым от исторической истины. Троцкий при всех его других несомненных способностях, дарованиях и талантах, был ещё и очень незауряден в военном деле. Его верховенство в столь непростой сфере безоговорочно признавал Ленин и (скрепя зубы) до поры до времени Сталин.

Упоминание о славной корреспондентской миссии Троцкого на Балканах, ставших для первого сподвижника Ленина чем-то вроде военной академии, впоследствии стоило автору статьи и его герою многого.

В том числе жизни.

Но всегда памятный Сталин поначалу лишь съязвил, не без резону заметив, что у Радека “не язык подчинён ему, а он — языку”.

В апреле того же года на открытии XII съезда РКП(б), завидев Радека с Троцким, Ворошилов крикнул:

“Вот идёт Лев, а за ним хвост!”.

Осторожный Троцкий смолчал, но Радек не остался в долгу — вскоре среди делегатов съезда гуляло его четверостишие. В учебники и лекции по истории партии оно, разумеется, не вошло:

*У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены.
И лучше быть хвостом у Льва,
Чем ж...ю у Сталина.*

Готовя для Кунаева материалы об Италии, я посчитал этот побочный сюжет вполне достойным внимания Д.А., поскольку ему страшно нравились подобные штучки. И сам он знал их наизусть превеликое множество, никогда не отказываясь от пополнения их богатого запаса, но озвучивал, понятно, очень избирательно, далеко не при всех даже близких к нему людях.

Вступать ли Италии в войну?

Ведал ли Муссолини на посту главного редактора официоза “Аванти” в пору трагически-судьбоносного кризиса на Балканах о Троцком и Ленине? Безусловно. Ну а с приходом уже не к газетно-партийной власти, а к вседержавной “товарищ Сталин” у “товарища Муссолини” всегда был на виду. Политические процессы в СССР, где громко профигурировал вместе с другими и Радек, — тоже.

В 1914-м, как известно, грянула Первая мировая война, трагически смешавшая планы сотен миллионов людей практически всех земных континентов, исключая разве что Антарктиду. Для видного социалиста-трибуна Бенито Муссолини война не стала какой-то внезапной неожиданностью.

Каковой же тогда была политическая позиция “товарища Бенито”?

Она была антивоенной и антиимпериалистической.

Муссолини рьяно, едко и доказательно выступал против любого участия Италии в кровавом империалистическом переделе мира.

Его статьи зачитывались чуть ли не до дыр. Речи слушались так, будто говорил с народом сам Мессия. Казалось, нет на всём белом свете таких сил, которые могли бы заставить свернуть пламенного трибуна с избранного им направления. Но чудеса, хотя и редко, всё-таки случаются.

Историки долго потом ищут их причины и корни, но не всегда находят.

Так и с Муссолини.

Совершенно неожиданно для всех своих единомышленников по Социалистической партии он заговорил совсем другим голосом! Разворот в политическом мировоззрении получился невероятным — на все 180 градусов. Теперь известный журналист и политик громко и столь же доказательно призывал к немедленному участию Италии в войне на стороне Антанты и прежде всего —

Франции, чуть ли не как в своё время Карл Маркс заклиная: “Поражение Франции станет гибельным ударом для свободы всей Европы!”.

Весьма примечательно, что молодой апостол итальянского коммунизма Антонио Грамши исповедовал ту же идею немедленного вступления Италии в войну. Будущий многолетний узник фашистского режима, он даже отослал Муссолини пылкую статью на эту воинственно-шовинистическую тему. Правда, впоследствии Грамши сильно казнил себя за этот явно необдуманный душевный порыв.

Вот такая была метаморфоза.

Не правда ли, в своём роде весьма поучительная?

Рождение фашизма

Но свои заклинания Муссолини теперь возвещал читателям со страниц уже новой газеты — “Popolo d Italia” — “Народ Италии”. Именно отсюда на всю страну в режиме фортиссимо прозвучал яростный, до срыва голосовых связок, клич “товарища Бенито”, обращённый ко всем подданным Его Величества короля-императора: “Отныне и впредь мы все — итальянцы и только итальянцы! И да исторгнется из глубины наших сердец единоклассный крик — Viva Italia!”.

Крик ИСТОРГСЯ.

Это был крик новорождённого ФАШИЗМА. Именно так считают все серьёзные исследователи феномена Муссолини.

Ну а как к новоявленному историческому явлению отнёсся Ленин? При всей своей заботливой внимательности к “итальянским товарищам” Ильич Первый ФАШИЗМ ПРОШЛЯПИЛ.

И это, увы, воистину так.

Как, впрочем, умудрилась проглядеть фашизм и сама Компартия Италии — в роли секции Коммунистического Интернационала. Казалось бы, невероятно, а ежели говорить словами Ильича Первого, то “Странно и чудовищно”, что даже в Манифесте к итальянскому пролетариату, принятому на Первом съезде ИКП 21 января 1921 года, когда имя и дела “товарища Бенито” были у всех на виду и на слуху, нет ни одного слова о “фашистской угрозе”.

Говорят, столь внезапная социально-политическая метаморфоза с Муссолини, как и сама его новая газета, щедро были оплачены деньгами французского Генерального штаба.

Вот и получается очередной исторический парадокс: Генштаб едва ли не самой демократической страны тогдашних Европы и мира — Франции стал повивальной бабкой явления, дружно и по справедливости проклятого всеми народами мира.

Но это только лишь говорят (и пишут, точнее — писали). Однако ж, поди — докажи.

А что же недавние собратья “товарища Бенито” по кардинальной и высокочеловеколюбивой идее — итальянские социалисты?

Сказал я об этом Д. А. коротко.

Они решительно помели Муссолини самой поганой метлой не только с хлебного поста своего главного официоза, но и почти единодушно прокляли. Под громкие возгласы “Предатель!”, “Мерзавец!”, “Подлец!”, а также непечатные выражения, каковых в итальянском языке не меньше, чем в языке, которым говорил Ленин, Муссолини был изгнан из Социалистической партии Италии.

Действия собратьев “товарища Бенито” Д. А. одобрил.

Но малодушных и трусов в берсальерах не было

Оскорблённый в своих лучших чувствах и страстно желая доказать, что он не болтун и не демагог, а храбрый воин и смелый защитник, патриот не на словах, а на деле, Муссолини в 1915 году подался на войну добровольцем. Как бы мы

ни относились к его воззрениям и поразительной их перемене, а тогдашний поступок его был мужественным и, надо полагать, совершенно искренним. Уже хотя бы потому, что со смертью в 32 года от роду обычно не шутят, тем более на фронте любой войны, будь по марксистским определениям она справедливой или же наоборот.

К слову, Пальмиро Тольятти тоже, как и Муссолини, хаживал на Первую мировую войну добровольцем. Но оружия в руки почти не брал. Был на фронте “медицинским братом” — санитаром и фельдшером. Однако труса никогда не праздновал. Нервы закалил на всю жизнь, а сострадания к людям не растерял.

Уместно напомнить, что в Первую мировую войну у Италии до августа 1916 года был один противник — Австро-Венгрия. Именно тогда первая волна знаменитого прорыва русских войск под командованием талантливейшего генерала Брусилова в районе Луцка ликвидировала австро-венгерскую армию и спасла Италию от разгрома. Но свыше 150 тысяч убитыми, ранеными и пленными страна всё-таки потеряла.

Стимулированная третьей волной наступления Брусилова (в ходе прорыва русский 41-й корпус использовал и химические снаряды) убедительная итальянская победа в районе Горицы зажгла звезду военной славы участника Первой абиссинской войны 1895-1896 годов полковника Бадольо, будущего маршала Италии и её правителя.

В 1915 году, когда полковник авиации Габриэль Д’Аннунцио точно выводил на вражеские цели свои бомбардировщики, Муссолини толково воевал на земле в снайперах у берсальеров. Тогда это были подразделения престижно-отборных, мотоциклетно-механизированных войск. Отличительным атрибутом их формы даже во Вторую мировую войну оставались петушиные перья на стальных касках.

Именно эти перья долго маячили в памяти у жителей советского Дальнего Востока, попавших в Гражданскую войну под затяжную и разноплеменную интервенцию вооружённых сил Антанты. Вместе с японцами, чехами, поляками, канадцами, англичанами итальянцы-берсальеры участвовали в помпезном параде, учинённом во Владивостоке в 1918 году союзным командованием.

Об этом в 1932 году поведал читателям в своём шестом номере советский журнал под названием “Борьба классов”. Право, как тут не вспомнить одноимённую газету “товарища Муссолини”? Правда, берсальеры в нём были благополучно перепутаны с “итальянскими жандармами”.

Этот казус дал мне повод обратиться к малоизвестной балладе “Отступление интервентов из Сибири” замечательного российско-казахстанского поэта и учёного-энциклопедиста Сергея Николаевича Маркова в своей документальной повести о нём “Из-под спуда ОГПУ — НКВД — КГБ”, опубликованной в журнале “Нива” (Астана — тогда ещё Акмола, 1995, № 2):

*Сторожат револьверы вход в особый вагон.
Пьют в купе берсальеры голубой самогон.
И от хлопанья двери, сквозь табачную мглу,
Петушиные перья шевелятся в углу.*

Баллада завершалась тем, о чём в “Борьбе классов” отродясь не писалось, — о жестокостях красных. Марков игнорировал “историческую” заповедь на это табу и дал трагическую картину хладнокровного расстрела красными латышскими обозруженными соотечественников Петрарки и Галилея, Грамши и Муссолини:

*Становись за вагоны! Итальянцам не в толк,
Что доест макароны Пятый ленинский полк.
Загадай-ка на счастье, скоро ль будет капут?
Ведь латышские части белых в плен не берут.*

К чему бы это я?

Да к тому, что как знать — не получи в 1915 году Муссолини серьёзное ранение на австрийском фронте, он вполне мог оказаться бы вместе со своими соотечественниками за особым вагоном на роковом для них неизвестном сибирском железнодорожном полустанке. В таком вполне возможном случае итальянская, да и вся мировая История, бесспорно, выглядели бы несколько иначе.

Да, Первая мировая война обошлась с Муссолини жестоко. После неё он очень иногда прибаливал. Но всякий раз старался справиться с недугом. При его железной воле получалось. Да ещё и как!

Утверждали, будто бы вторично он был ранен во время военной кампании в Греции, проведённой накануне вторжения Гитлера в СССР. Может быть, с его ранением — это очередная героико-романтическая придумка итальянских и прочих радетелей Твёрдой Руки.

Но в любом случае хорошо известно, как мстительно и беспощадно расправлялся Муссолини с теми, кто в прямое подражание ему, однако же самовольно, без всякого на то основания, цеплял на военный мундир почётные нашивки за фронтовые ранения.

Коренастый и плечистый, широкий в кости, невероятно выносливый и работоспособный, смолоду безукоризненно оттренировавший своё тело, дуче откровенно презирал людей ленивых и безынициативных.

По-своему, наверное, у него было и такое право, освящённое собственным личным примером, и он уверенно распространял его на всех, без какого-то ни было исключения.

Однако к физически убогим или же немощным относился с непоказным состраданием. По фронтовым былям, Сталин два или три раза тоже появлялся среди пациентов госпиталей и лазаретов, чтобы вручить им боевые медали и ордена.

О Гитлере ничего подобного я не читал и не слышал.

А вот для дуче визиты милосердия были потребностью души.

Он нередко настолько вживался в разыгрываемую им ту или иную роль, что уже не было никакой нужды намеренно искусничать — роль становилась его всамделишной сущностью, из которой он уже не стремился выпрыгнуть.

И ефрейтор 2-го полка Адольф Гитлер на Первой мировой войне тоже труса не праздновал. Его Железный крест и офицерские погоны

Так уж у нас водилось: если враг, то его уничтожали. По меньшей мере дважды. Сначала физически, а потом и морально. Уничтожив, говорили о нём только скверное. Или же вообще ничего не говорили. И уж совсем беда, коль убиенный с полного одобрения народа (толпы) враг вдруг на поверку оказывался не супротивником, а единомышленником. Как, например, экс-любимец партии Бухарин. Или маршал Тухачевский. Или просветитель Байтурсынов. В таком разе их возносили до небес, возводили в ранг большевистских святых, курили фимиам в каждой из поминальных статей, сооружали им памятники, открывали дома-музеи...

А те, кто всё ещё пребывал по ту сторону роковой идеологической черты, по-прежнему рисовались теми же красками, что и 10, 20, 30, 40, 50 и более лет назад. Не составили тут никакого исключения и дуче с фюрером. Их жизнеописания и поныне зияют преогромными провалами и пустотами. Ну что, например,

мы в СССР ровным счётом ничего не знали о фронтовых годах Муссолини и Гитлера в Первой мировой войне? Не днях, часах, минутах, а — *годах!* Объективно — ровным счётом ничего. Никаких новых знаний об этом не добавил и сход СССР с исторической арены.

Напротив, былая пытливость к двум мировым войнам померкла и даже загасла, спешно уступив место другим интересам. Все они или почти все сводились (и всё ещё сводятся) к главному — каждая из прежде “составных” нашей супердержавы старалась как можно дальше дистанцироваться от её “империалистических” дел и усердно стремилась накачать себе поболее былого величия. Даже если в прошлом его не существовало и в помине.

Но, право, это уже другой разговор.

А сейчас я о том, что лично мне видится очевидным.

А именно: как для Муссолини, так и для Гитлера, Первая мировая война стала своеобразной школой жизни и смерти. Оба они в своих фронтовых ипотасях были не так уж и ничтожны, как это мнилось и всё ещё мнится их профессиональным обличителям.

Обличать, конечно, надо. Однако и про правду забывать не резон.

Нет, ни Муссолини, ни Гитлер, конечно же, не потянули бы на ранг национальных героев Первой мировой.

Но и никто из них не праздновал труса на этой жесточайшей из войн, где во многом впервые столкнулись в невиданных прежде масштабах не только миллионные людские массы, но и все виды *техники*, каковых в прежних войнах почти не было.

Если 32-летний Муссолини всегда отличался в берсальерах личной отвагой, незаурядной храбростью, военно-технической смекалкой, то 25-летний Гитлер (а он служил связистом) тоже в глазах однополчан сначала 16-го, а затем 2-го Баварского полка не слыл недотёпой.

В армии он оказался без чьего-либо принуждения с первых дней войны, до поры до времени оставив Мюнхен, где непримиримо конфликтовал со своими работодателями, пытавшимися насильно загнать его в профсоюз. В отличие от Муссолини Гитлер в любом из профсоюзов не видел никакого толку.

В тылах, повторил я для Д. А., не отсиживался. Участвовал в боях. Пулям не кланялся — был несколько раз серьёзно ранен. Однажды даже ослеп на время. В 1918-м был травлен газами. Хилый не выжил бы. А он преодолел всё и воевал снова. Как-то в одиночку взял в плен *двенадцать* французов. Потом завлѣк в западную английский *отряд*.

За храбрость и отвагу отмечался неоднократно.

Был удостоен высшего знака воинской доблести, который перепадал отнюдь не многим.

Я говорил Д. А. о доставшейся Гитлеру желанной солдатской и офицерской мечте всех воевавших тогда немцев — о Железном кресте.

Эту награду, уже став вождѣм, он почти никогда не снимал со своего френча — единственную, помимо партийного значка, из регалий, украшавшую его в официальной обстановке. Показал Д. А. фотоснимок, запечатлевший Гитлера с этим Крестом в обществе Молотова во время их встреч в Берлине в 1940 году. У обоих тогда было прекрасное настроение, хотя оба сумели обхитрить один другого.

Из не учебных, а боевых окопов Гитлер вынес привычку всегда таскать с собой пару пистолетов. Один в кармане кожаного пальто или армейской шинели. Другой, калибром помельче, в заднем кармане брюк.

Стрелял без промаха.

Гордился он и своим первоначальным офицерским титулом, даденным ему с одобрения генерала Эппа политическими советниками этого генерала — Эрнстом Ремом, Константином Гирлем и Карлом Майром.

Чин был весьма звучен — “офицер по вопросам просвещения”. Не каждый мог быть в этом явно комиссаро-интеллигентском качестве — только самые смекалистые, образованные и безусловно благонадежные.

Но к этому качеству (это он никогда не афишировал) плюсовались ещё и немалые каждодневные, а то и каждочасные обязанности. Выше я уже говорил, что офицерский чин Гитлер взял своим горбом, а ещё *ушами* и *словом*. Пояснил вкратце. *Ушами* — потому, что по заданиям мелкого и среднего начальства сообщал тому о подслушанных армейских настроениях. В любой армии мира были, есть и поныне такие службы.

Правда, они по-разному называются. Но суть их сходна — осведомительство, стукачество, сексотство. (Термин “сексот” — это уже из арсенала советского, так сказать, новояза. Означает — “секретный сотрудник”).

Армейские начальники всех уровней и степеней, штабные и окопные отцы-командиры всегда высоко ценили максимум сведений, неприукрашенных никакими парадными информациями, отчётами, докладами. И подобные службы, вероятно, ещё долго будут.

А *словом* — потому что сам стал умелым вещателем и оратором, пропагандистом, в его тогдашнем понимании, социальной справедливости.

Уже тогда, не с потолка взяв, а черпая убеждённую свою из бытия и всевозможной литературы отнюдь не пейзажного свойства, склонялся к мысли о том, что германская нация (про австрийскую старался не вспоминать) состоит из двух наций:

“Одна нация — за народ и за государство. Другая нация против народа и государства”.

Всё это в известной степени ныне ассоциируется с ленинско-сталинской установкой о том, что в каждой национальной культуре есть две национальные культуры — культура эксплуататоров и культура демократическая, народная.

Переключка явная, и она не может не смущать как неонацистов, так и поборников великой коммунистической идеи. И те и другие не желают слыть родственниками, а тем более братьями, хотя бы и троюродными. Однако в конце концов творцы любых доктрин обитали и обитают не на других планетах, а на своей единственной, где много государств, а ещё больше народов и наций, что однако не мешает при всех их различиях быть в чём-то сходными, а уж о том, что каждый из них объявляет себя единственно-правоверным борцом за счастье народное и всенародное, и говорить не приходится.

И Гитлер тоже очень любил величать себя *народным* канцлером, а то и *народным* барабанщиком.

Но в любом разе слыть интеллигентом, а тем более, скажем так, платным информатором политической разведки ему было ни к чему. И он, подобно тому, как Муссолини в своей подструганной на потребу *масс* автобиографии удачно вырядился под сына кузнеца, усиленно прокламировал себя *рабочим*.

По наводке своих довольно-таки щедрых благодетелей из политической разведки рейхсвера Гитлер вступил в 1919 году в крохотную (40 человек) Немецкую *рабочую* партию, а вскоре преобразовав её в NSDAP — Национал-СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ Немецкую РАБОЧУЮ партию, — окончательно и в глазах толпы надёжно приписал себе РАБОЧЕЕ первородство.

Вот тут-то Кунаев остановил мои пояснения такими уточнениями:

“А вот в первом издании Большой Советской Энциклопедии сказано, что в этой партии поначалу было не 40, а всего 6 членов. И там же говорится, что в

Мюнхен он приехал тогда, когда я родился, — в 1912 году. В качестве архитектора-чертёжника. И про то, что в Баварскую армию пошёл добровольцем, не скрыто, и про то, что всю империалистическую войну был на фронте, тоже чёрным по белому пропечатано. Да-а, святой Владислав, ещё раз скажу тебе — ты ничего не слышал, а я ничего не говорил: у главного редактора Энциклопедии Николая Ивановича Бухарина правды было всё-таки больше, чем у наших с тобой академиков. Вместе взятых”.

“Пока их вместе ещё не взяли”, — почти нейтрально отозвался я.

Кунаев встрепенулся:

“И не приведи Господь! А вот автора-то статьи о Гитлере в первом издании БСЭ наверняка взяли в 37-м...”.

“Это ещё почему?”.

“А потому, как он утверждал в своей статье, что, во-первых, Гитлер далеко уступает Муссолини по силе ума. Это раз. Во-вторых, там чётко сказано, что после пивного путча 1923 года национал-социалистическое движение утратило значение для буржуазии, сам Гитлер уже совсем перестал играть заметную роль. Значит, автор тем самым упорно пытался усыпить пролетарскую бдительность. Ну а, в-третьих, далеко не пролетарская фамилия была у самого автора”.

Видимо, Д.А. был прав. Набранные мелким курсивчиком инициал и фамилия у автора статьи о Гитлере в 17-м томе БСЭ первого издания по тогдашним понятиям вполне подвёрстывались под все три пункта, обозначенных Д. А., — Э. Майер.

Что же рисовал Адольф Гитлер?

Нередко в антифашистской (точнее сказать — антинацистской) публицистике предвоенных, военных и послевоенных лет Гитлера охотно называли то неудавшимся архитектором, то малоспособным художником. Сближать его с германским рабочим классом никому не приходило на ум.

Тем не менее *рабочее* первородство явилось по настойчивому желанию Гитлера в его официальную биографию не по рождению, разумеется, (он, повторю, был из семьи весьма обеспеченного таможенника из австрийского города Браннау), а по жизненным передрягам.

29 ноября 1921 года он писал:

“... Поскольку я осиротел 17-ти лет и остался без всякого состояния, и весь мой капитал при поездке в Вену составлял 80 крон, то был сразу же вынужден зарабатывать себе на хлеб, как обычный рабочий. Не достигнув ещё 18-ти лет, я пошёл чернорабочим на стройку и в течение двух лет прошёл все стадии обычного подёнщика”.

Правда, не так уж и бедствовал в Вене молодой Шекельгрубер (Шикльгрубер в другом написании). Отмытарив своё на стройках, он обнаружил другой источник денежек, свалившийся ему буквально с неба. По данным германского историка Вернера Мазера, Гитлер получал с 1907 года ежемесячно 58 крон — положенное ему (как сироте) пособие. А потом ещё одну пенсию завещала ему родная тётка. 7000 крон достались в наследство от матери. Мазер сравнивает беструдовой прибыток Гитлера с месячными окладами венского юриста (70 крон), молодого учителя (66), почтового служащего (60 крон).

Кроме того, так и не став слушателем венской Академии ваения и зодчества, Гитлер стал прирабатывать ещё и своими рисунками.

А они, честное слово, были не так уж и плохи.

В ГДР — не в Дрездене и Восточном Берлине, а в distinguished городе Эйзенахе в доме закоренелого активиста Германо-советского общества дружбы мне

довелось видеть чудом сохранившийся экземпляр изданного Гитлером уже в 40-х годах альбома — лирические пейзажи, сюжеты на острые социально-пролетарские и крестьянские мотивы, политические мини-плакаты.

Примечательно, что до Первой мировой войны Гитлер охотно обращался к религиозной тематике, чего потом никогда себе уже не позволял. Видимо, беспредельная фронтная жестокость, напроць отринутое милосердие, другие непридуманные ужасы окопной действительности навсегда оттолкнули его от Бога, который ничего не сделал для того, чтобы уберечь людей от невиданной бойни и всех ею вызванных страданий.

В любом случае в подробных записях всевозможных бесед фюрера и других источниках я не нашёл для Д. А. более или менее убедительных обоснований и точных указаний на онтологический (бытовой) источник его воинствующего атеизма. Правда, не такого зоологического, который исповедовали в своих душах и практиковали в жизни большевистские атеисты конца 20-х — начала 30-х годов, но идеологически весьма сходного.

Примечательно: среди довоенных работ Гитлера выделяется картина 1913 года — «Мать Мария». Вещь эта вполне христолобива и просветлённа. И выписана она не в каноническом ключе, а, как говорится, от жизни. Причём от жизни сугубо земной — крестьянской, всегда исполненной нелёгких трудов и забот. Но тут Мать Мария не в трудах праведных, а в благословенный час летнего отдыха. Край урожаистого пшеничного поля. По сенью тяжёлых спелых колосьев левой рукой Мадонна в белой косынке придерживает не столь уж и малого возрастом дитя, ласково прижавшегося к высокой материнской груди. В правой руке Божьей Матери — сплетённый ею венок из ярких ромашек, на который легла и маленькая ручонка Сына Божьего. Всё напоено томной умиротворённостью, благостным покоем. Такая вот незамысловатая, но по-своему трогательная композиция, способная задеть чувства любого, даже нерелигиозного человека.

Грянувшая война не отбила у добровольца Гитлера охоты к художеству, но, разумеется, резко сменила тематику его творческих экзерсисов. Окопный быт вышиб из его рисунков всякую благостность и заменил её острой язвительностью. И уж тут автор не жалел никого. Себя — тоже. Очень характерен в этом смысле автошарж 1916 года — Гитлер зафиксировал свою персону в момент вынужденного солдатского приветствия. Того (или тех), кому облачённый в мягкий фронтной мундир Гитлер, отклячив тощий зад, спешно отдаёт честь (правая рука к козырьку сбитой набекрень фуражки, левая судорожно вытянута вдоль корпуса), нет на карикатуре. Зато отчётливо переданы его испуг и почтение. Служивый усердно ест невидимое начальство глазами в надежде на то, чтобы оно скорее сгнуло и не заметило бы, как неряшливо перетянуто ремнём голодное брюхо подобострастного вояки, как давно не чищены его сношенные сапоги, а заодно и старый карабин, в спешке и вопреки всем уставам отшвырнутый к стенке окопа, будто бы это и не оружие боевое, а пастушья палка, не более того.

Свои этюды Гитлер нередко сопровождал юмористическими текстовками и непременно собственноручным автографом. Тщательно проставлял дату, памятуя давнее и справедливое правило художников и мастеров светописи (так раньше называли искусство фотографии) — картина или снимок без точной надписи и даты никому не нужны.

Много рисовал Гитлер в 1929-м, когда его постигла невероятная любовь к своей племяннице — 17-летней Гели Раубаль (Geli Raubal). В этой истории, как и во всех других, ей подобных, много тёмного и навсегда от правды схороненного. Утверждают и поныне — интим у Гитлера был ущербен и зловещ. Ну раз он общепризнанный Кровопийца, Палач, Людоед № 1 и вообще Кровожадное Чудище

XX века, значит, иначе и быть не может. Людоед, он уже с колыбели другим стать не в состоянии. Не так ли?

“Выходит, так”, — согласился Д. А.

Короче, Гели Раубаль безусловно была очень хороша собой.

Об этом свидетельствует, считаю, превосходно исполненный её дядей портрет. В полный рост. Жанр известно-классический — ню. Не знаю, каким образом — то ли добровольно, то ли по принуждению позировала ему эта юная красавица, но от чувственного этюда, который и полуэротическим не назовёшь, — очарование стойкое. Все прелести гордо-стыдливой натурщицы, прекрасно осознающей притягательность своего обаяния, подчёркнуты без какой-либо циничности, отнюдь не алчно и разухабисто, а скорее, — с благоговейным восхищением. Восхищением той самой красотой, что смутно колеблется, поддразнивая глаз и плоть рисовальщика, на зыбкой грани девичьей целомудренности и тайной женской греховности.

Жаль вот только, но вскоре Гели Раубаль покончила с собой. Говорят и поныне — прекрасная натурщица застрелилась от пылкой любви своего 40-летнего дядюшки-политика. Из пистолета, вроде неосмотрительно оставленного им в ящике письменного стола, оказавшегося, к несчастью, незапертым.

Душа Гели Раубаль отлетела к Богу. Но их ушастый пёс с грустными глазами и чёрным мокрым носом остался жив — “Hundekopf” — тщательно прорисованная пером анималистическая работа того же 1929 года. Уже тогда Гитлер был завзятым собачатником. Без породистых собак он и далее жизни не мыслил. Мог долго рассуждать об их милых или же коварных повадках.

Особой любовью одарил он овчарку по кличке Блонди. С нею он был неразлучен. Однако однажды на охоте Блонди набросилась на подручного Гимллера, который разделявал убитого оленя, и чуть не загрызла насмерть этого адъютанта. Блонди изолировали за городом. Но и там она перекусила всю службу. С тяжким сердцем Гитлер позволил усыпить свою любимицу и назвал её именем другую, не менее красивую и агрессивную овчарку.

Спустя два или три года место Гели Раубаль в художественной мастерской Гитлера и его любвеобильном сердце заняла сотрудица одного из почтенных берлинских фотоателье Ева Браун (Eva Braun).

Владельцем ателье был Генрих Гофманн, которого Гитлер предпочитал всем остальным фотографам, а Ева Браун с 1930 года работала у него продавцом. Тогда ей было 18 лет. Там-то они и свиделись впервые. Он был старше её на 23 года. Называют и другие её занятия. Не суть важно какие. Главное, пожалуй, в другом: спокойный и, надо полагать, по-своему радостный для обоих роман длился более ДЕСЯТИ лет.

Без каких-либо значительных антрактов.

Ева Браун происходила из бедноватой баварской семьи. Воспитания если не аскетичного, то весьма строговатого — ещё подростком родители отдали её в Католический институт для девушек. Уже сблизившись с Гитлером, она любой эротике предпочитала отнюдь не дилетантские занятия спортом. Особенно плаванием и лыжами. Тут Гитлер ей тоже был прекрасным партнёром

Рейхсканцлер не был ханжой. Своей многолетней привязанности он (в отличие от Муссолини) никогда не изменял и свою страсть ни от кого не прятал.

Ни от партии. Ни от государства. Ни от армии.

Напротив, во Вторую мировую войну даже таскал её за собой по фронтам. Сама же Ева Браун не лезла на глаза публике и не крутила военными, партийно-государственными и прочими важными делами, как, скажем, много позже супруга китайского генералиссимуса Чан Кайши или законная жена последнего советского генсека — Раиса Максимовна Горбачёва (мир её праху!). Уже в 1945-м

личная пилотесса Гитлера Ганна Рейч продолжала по-своему ревновать своего Пассажира к его пассии, по-прежнему находя её особой, никак не блистающей умом. Но самого фюрера его нежная и преданная избранница вполне устраивала все эти годы.

Конечно же, всё это — ещё не аргумент в пользу его сексуальной полноценности и эталонности его любовных пристойностей. Но, право, кому какое дело до них, до того, был ли он мазохистом, “голубым” или ещё кем. Ан, нет! Клиника его отношений из разряда “ниже пояса” и поныне волнует на Западе самую разнообразную автуру. Видимо, по её мнению, без оных его портрет в интерьере эпохи будет неполным.

Ну да ладно. Оставил ли, уже сделавшись фюрером, Гитлер свои рисовальные карандаши и мольберт? И не подумал! В стремительно-бешеном и судьбоносном для него 1933-м Гитлер свою новую счастливую (или же наоборот — несчастную?) любовь изображал на бумаге и на холстах упоённо-старательно.

И опять же не в хладнокровной манере учебных зарисовок для анатомического атласа, а со всей одухотворённостью светлой идеей непорочной чистоты, пронизанной однако приглушёнными мотивами тайной тревоги.

Когда время выкраивал, мне неведомо.

Но тщательность, с какой умело проработаны все линии и штрихи этюда “Ева”, убеждают, что на него трачены не час и не два. Ева Браун прорисована уже не в статично-академической позе, как прежде Гели Раубаль, а в античной динамике. Разумеется, в том самом костюме, который и положен был её библейской тёзке-прапрадородительнице. С закинутыми за голову руками, со всей чуткой настороженностью своей обольстительно-божественной фигуры она стремительно склонена вперёд, будто заглядывает с высокого откоса в некую отчаянно-страшную бездну. И шагнуть-то туда проще простого — для этого нужно всего лишь мгновение. Так можно трактовать композицию. А можно и не трактовать — и без того вера рисовальщика в абсолютную силу Искусства видна невооружённым глазом.

Гостеприимный хозяин эйзенахского дома пояснил мне: иные из тем и способов их решения Гитлер беззастенчиво заимствовал у довольно известной немецкой художницы-графика и скульптора Кети Кольвиц (Kollwitz).

Например, этюд “Голодные” (несчастные пролетарские дети с худыми ручонками протягивают пустые мисочки кому-то из взрослых — то ли за подаянником, то ли за глотком благотворительной похлёбки) Гитлер в 1921 году полностью сдёрнул у Кольвиц. Сама же она с приходом нацистов к власти была запрятана в трудовой лагерь, выжила там, но невероятные лишения оборвали её жизнь в 78 лет — скончалась в 1945-м.

“Мог бы, болван, и не связываться с Кольвиц. У него самого были незаурядные способности. Сволочь, конечно. Но сволочь очень талантливая!” — убеждённо добавил наш активист.

Я спросил его — нет ли у него каких-либо фоторепродукций из этого альбома. Хозяин всё хорошо понял:

“Есть, конечно. Вот возьмите, пожалуйста. Но ради Бога, не афишируйте. Пока у нас, а у вас и подавно, со всем этим очень строго. Могут быть неприятности. Хотя уже давно пора называть вещи своими именами. Не поймите, что я сочувствую фюреру. Нет и ещё раз нет. Он загнал наш народ в невиданную катастрофу. И другие народы — тоже. Он принёс миру неисчислимые беды. Но если бы в своё время нашлась бы на него крепкая узда, то его бешеную энергию можно было бы направить в правильное русло. Впрочем, может быть, я ошибаюсь. У любого человека должно быть право и на ошибку. Верно, если его ошибка не угрожает жизни других людей”.

Такой вот был сказ в Эйзенахе — славном городе, где ещё в конце 60-х годов XIX века родилась германская социал-демократическая партия.

А столетие спустя в её местный музей открыто наведывались (нам об этом тоже поведали откровенно и даже показали этих визитёров в спину) тамошние старички — из нацистских ветеранов. Крепенькие. Отнюдь не дистрофики. Ветром их не качало. Даже если он был социалистическим. Ничуть не таясь, эти позавчерашние гестаповцы, эсэсовцы, фюреры и партайгеноссе разных степеней и калибров глухо выкладывали угрозу за угрозой молодым строителям первого в мире немецкого государства рабочих и крестьян:

“Ну погодите, погодите. Вернутся наши порядки. Уж недолго вам ждать!”.

Старичков хозяева музея вежливо выпроваживали за порог.

... Геринг не препятствовал выпуску художественного альбома Гитлера. Но рейхсмаршал посчитал, что с фюрера уже вполне достаточно мировой известности. Прежде всего — как автора книги “Майн кампф” (1925).

Дабы сокрыть явный плагиат и уберечь фюрера от позора, рейхсмаршал тут же следом скупил весь тираж альбома и — уничтожил.

Гитлеру же было радостно доложено, что альбом разошёлся в германском народе, ближнем и дальнем зарубежье.

Причём с небывалым успехом.

Точно так же подхалимы Муссолини морочили тому голову о необычайных триумфах его литературных, философских и публицистических трудов, которые не покидали его всю жизнь.

Смолоду дуче, как мы уже знаем, занимался ими упоённо.

Его лакеи, бесспорно, гиперболизировали чересчур в похвальных оценках творчество своего Патрона.

Однако никогда им на ум не приходила мысль о том, чтобы рыскать по всей стране и скупать изданное Муссолини.

Оное расходилось в итальянском народе само по себе. Безо всякого принуждения.

А вот в грех литературного воровства — плагиата — дуче, в отличие от фюрера, никогда не впадал.

В одной из своих тетрадок я увидел записи о том, что почти всю свою политическую жизнь Муссолини ставил в его программах цели не заоблачные, а вполне конкретные и достижимые. В отличие от Гитлера, всегда обожавшего Муссолини, “товарищу Бенито” было чуждо мистическое видение сущего — сказывалась-таки основательная марксистско-атеистическая закалка, хотя имя Господне с тех пор как он славно поладил с Папой Римским, было и у него не в загоне.

Однако доктринное мышление дуче большей частью уверенно базировалось вовсе не на уповании на милость Божью, а на строго деловом практицизме. В 1919 году его прокатили на парламентских выборах. Другой бы уступил конкурентам и отвалил в сторону, однако “товарищ Бенито” настырно (как позже Гитлер) двинулся к вполне легитимной власти. На первых порах ему нужно было кресло сенатора — и летом 1921 года он-таки получил его.

Затем — разумеется, не вдруг и не сразу, но крепко встав у руля своей партии и своего государства, этот “сверхчеловек” и “демиург фашизма” никогда и никому из своих соотечественников не морочил голову посулами земного рая, не строил иллюзий и не давал несбыточных обещаний. Напротив, нередко он был критичен и самокритичен. Прежде всего в оценках экономической ситуации. К примеру, 26 мая 1934 года заявил в Палате депутатов для “избранников народа” и всего общества:

“Всем нам надо выбросить из головы мысль, что можно вернуться ко временам процветания”.

Гитлеру очень понравилась столь реалистичная позиция.

Лучшие из своих публичных речей фюрер выстраивал в ораторском ключе образованного дуче. Но при этом не был эпигоном. И, скорее всего, вот почему: смолоду Гитлер стал утончённым знатоком музыкальной классики, в особенности европейской. Более остальных композиторов и дирижёров боготворил он Рихарда Вагнера. Причём не только почитал, но даже заботился о родственниках этого германского гения. Публицистические и философские работы Вагнера были у него если не настольными, то нередко перечитываемыми. О том говорит множество его пространных рассуждений о природе музыки как таковой и вообще о природе творчества — тут немало прямых и косвенных цитат из трудов Вагнера “Искусство и революция”, “Художественное произведение будущего”, “Опера и драма”...

Есть свидетельства: Гитлер мог и сам напеть без единой фальшивой ноты чуть ли не каждую из опер Вагнера. А их у того превелико, нетрудно тут сбиться с элементарного счёта — “Риенци”, “Летучий голландец”, “Тангейзер”, “Лоэнгрин”, “Тристан и Изольда”, “Нюрнбергские мейстерзингеры”, “Парсифаль”, тетралогия “Кольцо нибелунга” — “Золото Рейна”, “Валькирия”, “Зигфрид”, “Гибель богов”...

Так что свидетельство насчёт “пропеть”, быть может, тоже великое преувеличение. А быть может, и нет. Но совершенно очевидно то, что большинство из своих публичных выступлений Гитлер строил на основе четырёхчастевой симфонии.

Сталин же с его немалым теологическим багажом, смолоду полученным в духовной семинарии, надёжно полагался (как много позже Фидель Кастро) на выверенные веками конструкции христианских проповедей, хотя в интеллектуальных своих пристрастиях тоже никогда не отдалялся от музыкальной классики.

“Очень интересно! — заметил Д. А. — Но в Риме навряд ли придётся нам вести подробные дебаты по этим поводам. Хотя, брат, как знать. Вот был я в большой поездке по США, так там губернаторы сильно прижимали нас в отношении Сталина. В их представлении Сталин чудовище из пещерного века. Пришлось разочаровывать. Говорить о нём как о живом человеке... А итальянцы ещё живее. Да и вообще народ подкованный. Но не будем пугаться. Мы тоже не лаптем щи хлебаем... Ты вот теперь скажи, как себя чувствовала Италия после Первой мировой войны и что думал в этом смысле будущий дуче. Как журналист и политик. И неужто у него, кроме этой самой Петтачи, никого не было?..”.

Из Первой мировой войны Италия вышла измотанной, истощённой, ущемлённой своими же союзниками. К тому же ещё и по-прежнему неграмотной.

Это (ещё и многое-многое другое) не очень нравилось будущему дуче. Точнее — совсем не нравилось. Муссолини никогда не скрывал от народа ничего из негативного и требовал того же от всей итальянской печати. Она ему, закалённому жрецу этой второй, после проституции, древнейшей профессии, всегда доставляла много радости, но ещё больше хлопот.

Вот характерное тому подтверждение.

В 1931 году, когда на острове Сицилия проснулся после долгой спячки мощный, самый высокий в Европе вулкан Этна и стал извергать всёпожирательную лаву, то он моментально прекратил своё извержение, как только у его подножия появился срочно примчавшийся из Рима Муссолини. Дуче сумел укротить это почти трёх с половиной километровой высоты чудовище своим неодолимым, магнетическим взглядом. Именно так из-за гигантской любви к Муссолини солидные газеты уверяли всю Италию. Опровергать откованную ими версию он не стал.

А сам (живой человек!) в тот год безумно влюбился в Маргериту Сарфатти. Именно так и помечено в одной из моих тетрадок, которые по замыслу моему, увы, так и не состоявшемуся, должны были стать основой некоего серьёзного труда под названием в духе Грамши, Хо Ши Мина, Гумилёва-младшего — “Меридианы Евразии”. Или ещё что-либо в таком же аспекте. Ну да Бог с ним, с этим замыслом. У каждого из нас несбывшегося — в избытке.

Но я до сих пор не знаю, кто она такая, эта его соотечественница Маргерита Сарфатти. А тогда и подавно не знал.

“Ничего, не горюй, — утешил меня Д. А. — В Риме нам и про это скажут. Если спросим. А наутро распишут в газетах про наш интерес”.

“Товарищ Бенито” никогда не отрицал священности законного брака. К своей законной супруге донне Ракеле он всегда относился с должным супружеским почтением, известных мужских обязанностей не игнорировал, а для детей старался быть любящим отцом. Его не прельщали лавры великих сластолюбцев Дон Жуана и Джованни Джакомо Казановы. Заниматься альковным сердцеведством на стороне ему было попросту недосуг.

Однако при случае (Маргерита Сарфатти тому подтверждение) *своего* он никогда не упускал. Причём любовная, так сказать, инициатива обычно исходила не от него. Женское же внимание ему не могло не льстить, поскольку он уже по-хозяйски обстоятельно обжил изнутри излаженное по его же собственным чертежам душевное обиталище нищепанского *сверхчеловека*.

Возможно, поэтому он не отверг любовных притязаний уже не итальянки, а француженки — корреспондента (или лучше сказать, корреспондентки) парижской газеты “Матэн” Магды де Фонтанж.

Та, неглупая и даже очень эрудированная женщина, безумно влюбилась в него — “рокового человека”. Небывалого накала роман воспылал в шекспировом духе, рельефно и ярко высвечивая бесчисленные достоинства и добродетели дуче. Строфа за строфою слагалась Поэма Великих Чувств.

Для Магды де Фонтанж всё было мило в дорогом Бенито.

И то, что он непревзойдённый в своей судьбоносной пронизательности политик подлинно мирового класса.

И то, что он — живущий исключительно своими, а не заёмными трудами и мудростями экстра-журналист, талантливый литератор, памятный историк, умный энциклопедист, искренний покровитель всех муз и бескорыстных их служителей.

И то, что он непревзойдённый оратор и одарённый музыкант.

И то, что он Первый пилот Италии.

И то, что он великолепный спортсмен — пловец, гимнаст, легкоатлет, конник.

И то, что он, убеждённый и последовательный защитник всех обиженных и обездоленных, вездесущ в эмпириях человеческого духа.

И то, что не чурается таинств и прелестей грубой материи.

И то, что...

Ну и т. д. и т. п. — до самого горизонта и, пожалуй, далее.

Да и дуче, уступив не лишённой всех нужных прелестей Магде де Фонтанж, как смог продешевить в самой главной человеческой страсти? Ну не мог же! И всё тут.

Однако пришлось расстаться. Нелегко со всей определённою точно сказать, чьих рук и ума была эта довольно тонко сработанная комбинация. Но дуче сразу же отстранился от Магды де Фонтанж, как только ему подкинули то ли намеренную дезу, то ли всамделишную правду — эта особа (или особь?) есть не кто иная, как опытейший агент Второго Бюро. Другими словами, сотрудница

французской разведки, и ей, Магде де Фонтанж, знаменитая шпионка Мата Хари и в подметки не годится.

Хладнокровный дуче тут весь вздрожал, хотя не подал виду.

Исключать коварного шпионства Магды де Фонтанж было никак нельзя. Любые состоятельные государства всегда использовали своих зарубежных корреспондентов самых солидных газет и информационных агентств в подобных целях.

“О да! Уж про это мы с тобой хорошо знаем!” — подтвердил Д. А.

С кем надо ладить. Триада его вероучения

Не составляло особого труда показать Д. А., что далеко не всегда Муссолини подобострастно заглядывал в рот Гитлеру, а присоединение Италии в 1937 году к так называемому Антикоминтерновскому пакту, заключённому годом раньше между Германией и Японией, было событием больше пропагандистским, чем фактическим. Как сам Коминтерн (1919-1943), ликвидированный буквально одним жестом Сталина в стратегическую уступку Черчиллю и Рузвельту), так и Антикоминтерн (пресловутая ось Берлин — Рим — Токио, обломавшаяся уже с падением Муссолини летом 1943 года), были бумажными страшилищами для обеих противостоящих сторон.

Судьбы же мира решались — и чаще всего за спиной народов — не на коллективных “ассамблеях”, а в больших кабинетах его правителей, а затем в ударно-силовых столкновениях на Балканах, в Испании, на пространствах Монголии, Китая, в Финляндии, на землях Западной и Восточной Европы, в европейской части Советского Союза.

У себя в Италии Муссолини прочно держался на трёх китах.

Первым было пособничество ему крупных отечественных монополий и семейно-клановые связи с ними. Например, брак его дочери Эдды с графом Галеаццо Чиано, а через него благодатный (до поры до времени) союз со всемогущественнейшим в Италии кланом Чиано, и не только с ним одним. Муссолини прекрасно ладил с отечественными олигархами — сенаторами Аньели, Борлетти, Конти, графами Бруццо, Павончелли, Ребауденто, маркизом Негротто-Кабиазо, многими другими.

Перед Второй мировой войной в Италии было 83 миллиардера и 200 миллионеров. Но именно отца Галеаццо — Констанцо Чиано, крупнейшего судовладельца, Муссолини провёл в председатели Законодательной палаты. Два брата Чиано — деятельный деловар Алессандро Чиано и отважный адмирал Артуро Чиано представляли интересы семейства Муссолини в огромных трестах и акционерных обществах.

Клан Муссолини — Чиано (все в нём умели одновременно пылко любить и столь же страстно ненавидеть друг друга) заблаговременно распахал свои деньги по надёжным местам в Японии, США, странах Южной Америки. 3,5 миллиона фунтов стерлингов были положены в банки Аргентины двумя сыновьями Муссолини, а его дочь — скромный вклад в 6 миллионов фунтов стерлингов. Британскую валюту семейство дуче и сам он считали надёжнее американской и всякой другой. Влиятельнейшим был и клан Кларетты Петгачи, давней пассии “товарища Бенито”.

Второй кит, если только не первый — это до лета 1943 года почти безоглядная поддержка монархии — и прежде всего благожелательные симпатии матери короля-императора и понимание самого монарха на тот счёт, что если бы не было Муссолини в природе, то его для сохранения монархии, когда бурные волны великой, как в России, гражданской смуты стали захлёстывать страну, надо было бы срочно выдумать. Правда, не очень благоволили к дуче наследник престола принц Умберто (его в послевоенной Италии насмешливо называли ещё и

“майским королём”), а также молодая принцесса Мария Жозе. Но у самого короля практически на всё было твёрдое собственное мнение, и свою ближайшую родню он почти всегда мог удерживать в крепкой узде.

Третий кит — помощь Ватикана дуче, а его — Ватикану; Муссолини в 1929 году договором, заключённым в Латеранском дворце, мастерски уладил старые распри Итальянского государства и Ватикана, купил Папу Римского Пия Одиннадцатого со всеми потрохами за совершенно конкретную сумму солидной контрибуции в размере одного миллиарда 750 миллионов лир в обмен на отказ Папы на все свои бывшие светские владения, в том числе и на Рим. В ответ дуче узаконил церковный брак, ввёл в школах обязательное религиозное обучение, даровал католическому духовенству крупные привилегии, невмешательство в партийно-государственные дела.

После этого Папа Римский прочувствованно изрёк:

“Италии вернули Бога, а Богу вернули Италию”.

Конкретно о дуче Его Святейшество выразился с полнейшим пиететом и даже больше:

“Может быть, нам всем нужен был именно такой человек, ниспосланный Провидением, какого мы и встретили!”.

Муссолини, с изобретательной жестокостью публично травившего предшественника Пия Одиннадцатого — “тупого и злобного клерикала номер один” — Бенедикта Четвёртого, подобная аттестация вполне устраивала. О каких-либо диффамациях насчёт нового Папы и речи не могло быть.

Отныне у Папы и дуче мишени были общие и отнюдь не картонные — протестантизм, масонство, “красная опасность”.

В другой тетрадке обнаружил сноску на Сочинения самого Муссолини. Обозначена была шестисотая страница *тридцать четвёртого* тома. Опять поразился: ничего себе наворочал дуче!

В остальных тетрадках тоже нашёл для Д. А. о самой персоне дуче и его воззрениях немало примечательного.

Дуче присягал на верность своему королю и своей Италии. Но каждый итальянец с девятилетнего возраста давал присягу на верность режиму. Текст её гласил: “Во имя Бога и Италии я клянусь исполнять приказы дуче и служить всеми своими силами, а если понадобится, то и кровью, делу нашей Революции”.

Основная формула *вероучения* и сущности фашизма у Муссолини состояла из триады:

- 1) авторитарная демократия на национальной базе;
- 2) у каждого народа свой фашизм;
- 3) главный противник — *азиатский* большевизм.

Главное же пророчество Муссолини выглядело так:

“XX век будет веком фашизма. Через десять лет, то есть к 1942 году, Европа станет фашистской или же фашизированной. Все противоречия современной цивилизации могут быть решены только с помощью доктрины и мудрости Рима”.

Заметьте, не Берлина, а — Рима!

Ни больше, ни меньше.

Но Рима — современного Муссолини, не того Древнего — наиболее мощно из всех государств античного мира, правившего значительными пространствами Европы, Северной Африки, Египта, Малой Азии, покорявшего Испанию, Македонию, Грецию, Пергам. Однако нравственное равнение на лучезарное величие Древнего Рима и непревзойдённое военное искусство древней Римской армии культивировалось всегда.

Продолжение следует.

Ирина НЕВЗОРОВА

“Незримой тайны суть”

о книге Валерия Михайлова “Паслён”. Алматы. 2008

Путь поэта — тернист, и подобен тропе, прокладываемой им в густых зарослях и зарастающей по его следу, — мысль эта принадлежит Марине Цветаевой, гений которой включал в себя и умение рождать афоризмы. А мы, читатели, всё же пытаемся идти по следу поэта, по его стихам. Пробираясь по проводам его строк, потребляя заложенный в них заряд, мы, как вампиры, заряжаемся энергией жизни. И пытаемся вместе с поэтом постичь “незримой тайны суть”, — как это делает русский поэт Валерий Михайлов. Он занимается этим поиском лет сорок или пятьдесят. Но не стал с годами менее любопытен и наблюдателен, чем Адам и Ева в первый день после вкушения запретного плода. Не утратил юмора, зоркости, живости душевной.

Валерий Михайлов живёт в Алматы (Казахстан). За его плечами — работа на посту главного редактора журнала “Простор”, сей почётный и ответственный груз он несёт и поныне. А на его совести (ибо движет поэтом совесть!) — сборники стихов: “Прямая речь” (1983), “Весть” (1994), “Немерцающий свет” (1996), “Ограда” (1999), “Молитвенный дым” (2003), “Колыбельная из-под небес” (2005), “Золотая дремота” (2005), “Молчун-трава” (2005), “Пыльца: Стихотворения и поэма” (2006). Нередко В. Михайлов радуется своими стихами и читателей журналов, среди которых — выходящие в Казахстане “Простор” и “Нива”.

Новая книга В. Михайлова “Паслён” включает стихи 2007 г. Она совсем небольшая, но ёмкая и разномастная. Кроме того, тираж её невелик, поэтому мы, воспользовавшись случаем, позволим себе привести некоторые стихи полностью.

Книгу открывает одноимённое стихотворение, по прочтении его появляется вкус к жизни. Автор напоминает, что жизнь имеет вкус!

Паслён

*Арбузы, полосатые как тигры,
Дышали алым сахаром внутри,
Рассыпчатым, как солнечные искры,
Как сгусток пламенеющей зари.*

*А в дынях жил медовый зной бархана,
Раскосым золотом горел в веках,
Что вывел суры сладкие Корана
На их шершавых, как песок, боках.*

*И виноград, как радостные слёзы,
Где в глубине зеленоватых вод
Сквозь времени мерцающие грозы,
Биясь, сердечко-косточка плывёт.*

*Мы услади растительной все — дети.
И радуги, и неги — испокон...
Но первой моей ягодой на свете
Был незаметный, словно жизнь, паслён.*

По-за картошкой в нашем огороде,
 На самых на задворках, где сарай,
 Сам по себе он рос, как тень в природе,
 И угощал как будто невзначай.

И гроздочек чёрно-лиловых сладость,
 Чуть кисловатых, пряных, как трава,
 Такую близкую дарила радость,
 Что до сих пор понятна мне едва.

Если говорить о литературной преемственности В. Михайлова, то музыка его стихов, их тонкий, предметный рисунок и логические связи, рассчитанные на следопытов, — напомнили мне мелодии Б. Пастернака.

Предмет, с которого начинается открытие мира, может быть любым. У автора книги — паслён. Он любит его. Сам предмет воплощён в слово, — мягкое и ласковое, как память, как пастух со свирелью, как лён. В. Михайлов — художник слова, краски его слов максимально приближены к существу предмета.

И в одной капле росы — отражается целый мир, тем более, если речь идёт о *рукотворной* “капле”, о мире художника. Автор поверяет нам свой духовный элениум, предоставляя — посредством разных поэтических жанров — различные стороны своей широкой русской природы: в лирической части книги — живописует картины земной жизни с небесными отголосками; в фарсовых сюжетах — удивляет, демонстрируя эрудицию в сленге (того требует задумка автора!), заставляет ужасаться (собственной немощи) и смеяться (над самим собой). Как же всё названное удалось автору, причём в столь малом объёме (73 страницы).

Начнём с того, что в “*Энциклопедическом словаре*” посмотрим — что это за зверь — “Паслён”? — чтобы не ошибиться в разгадках — в дешифровке авторских метафор.

Выяснили: *паслён* — “род трав, кустарников и полукустарников семейства паслёновых” (к их числу относятся картофель, баклажаны, томаты и др.). А всего насчитывается около 1700 видов паслёновых! На обложке книги изображён кустарник, это и есть паслён. Отмечено, что существуют не только полезные, но и вредные виды. Вопрос — для кого полезные и вредные? Для человека. В этом — первая заковыка: художник волен рассматривать явления природы, сотворённой Богом, безотносительно к человеку, т. е. лишь *свидетельствовать* о ней. И полезным, и вредным, и прекрасным, и без-Образным (*лишённым* образа Божьего).

Книга состоит из главок: “Паслён — чёрный”, “Псинка”, “Бзника”, “Вороняга”, “Вороняжка”, “Сладкий — паслён”. По утверждению автора, ссылающегося на “Словарь живого великорусского языка” В. И. Даля, — это всё есть *паслён*. И у каждого паслёна свой вкус, свои “свойства”. Впрочем, может, это не паслён изменчив, а мы и наш взгляд на предметы? Но поэт так задумал, указав нам путь поиска “незримой тайны”. Указал, но, отнюдь, не облегчил наш путь! Так появились в книге “псинка”, “бзника” и прочая абракадабра. Каждая главка рассматривает *паслён* — метафизический предмет, вещь в себе (как и всякий Человек) — с разных сторон и в совершенно разных качествах: эстетических и философских, физиологических и функциональных, как предмет макро- и микромира. Символы — повсюду. Но тем и ценна истинная поэзия, что в неё каждый читатель волен подставить свои параметры — константы и переменные, — давая стихам новое осмысление, новую жизнь.

Поэт начал книгу с главки “Паслён — чёрный”.

*На свете старом — в свете новом —
 Не тронь молчанье ветхим словом,
 Пусть в тишине свеча горит.
 Она безмолвная молитва,
 С гнетущей тьмой святая битва,
 И слово новое таит.*

*Оно — как пламень раскалённый,
 Свечой над миром вознесённый,
 Суть света, вечная краса..
 Мятётся тьма, трепещут бесы,
 И рушатся глухие бездны —
 И торжествуют небеса.*

Истина — “Бог — в тишине” — не требует доказательств. Стихи тоже есть *тихая материя*. Поэтому, стихи и тихий (эпистолярный) разговор о стихах поневоле неотделим от разговора о Боге, как Творце и Свидетеле бытия. “Слово”, разумеется, “ветхое”, — но талант поэта в том и заключается, что он даёт ему новую жизнь, открывая новый его смысл. “С гнетущей тьмой святая битва” — вот миссия Слова. Но о каком слове идёт речь? О Его слове? В стихах В. Михайлова атрибуты Божественного переплетены с земными, а *обобщающие метафоры* — “Мятётся тьма, трепещут бесы, / И рушатся глухие бездны” — призваны выполнять смягчающую роль (фамилии и должности не названы). Поэт на свидетельствовании не останавливается, и в этом не является исключением. В качестве его *вожатой* первой можно назвать М. Цветаеву, с её убеждённостию в оказании своей, так сказать, селекционной помощи Господу Богу. Битва, пусть и “святая”, не может быть тихой. У поэта слово есть “пламень раскалённый, / Свечой над миром вознесённый”.

В. Михайлов не боится экспериментов. Поиском системы стихосложения русские поэты занимались, начиная с XII века, оглядываясь на античные поэмы. И в этом В. Михайлов также идёт в русле традиций. Кажалось бы, все возможности силлабо-тонического стиха исчерпаны, но нас вновь убеждают в обратном. Приведём лишь фрагмент:

*Эти гнёзда грачиные, что корявой сквозят пустотой,
 Эти сизые дали, в которых бессмысленны числа,
 Не расстанутся ввек с присносущей своей немотой,
 Никому не предав растворённого в воздухе смысла.*

...

Могуча и тревожна ода. Поэтический слог её, — определяемый длинной поэтической волны, частотой вдоха и выдоха, — протяжен и величав. Одический жанр восходит к Ломоносову и Державину, продолжен Мандельштамом (“Грифельная ода”). Стихи В. Михайлова я бы назвала “Ода чисел” (стихи даны без названия, и язык не поворачивается назвать её “Грачиной одой”). Стихи имеют ритмику, в которой многое зависит от прочтения (от субъекта): цезура в середине строки (пропущенный ударный слог) означает вдох, т. е. сам текст *подразумевает* присутствие субъекта, пусть — незримого. Ведь речь идёт о *незримой тайне*...

И как в молитве порой столбенеешь перед фразой или одним только словом, так и в стихах, шепча: “Найдено”. Найденный поэтом “растворённый в

воздухе смысл” отражает внутреннюю *суть предмета*, поэтому и кажется, что мысль обращена к тебе лично (ибо она — *суть предмета*).

Догадка о многослойности земного бытия дана через вложенность смыслов: “сон во сне” (по примеру матрёшек): ад в раю, рай в аду...

*Касаясь неба и земли,
Не зная смысла речи,
Цветы недолгие цвели
На поле долгой сечи.*

*Я в них уснул, и снились мне
Нелепые виденья:
Немые рты в слепом огне
Мученья и забвенья.*

*Но сквозь клубящуюся муть,
Себя не называя,
Лилась незримой тайны суть,
Прозрачная, живая.*

*Она была как сон во сне,
Но не могла сказаться.
И не хотелось больше мне
Вовеки просыпаться.*

Благодаря заложенной автором символике, каждый поймёт по-своему эти стихи. В этом и трудность (“непонятность”), и прелесть стихов. Впрочем, автор сам подсказывает, о чём стихи: “сон во сне”. Ведь и само творчество — сновиденно, и — сама мысль (отражение в нас представления о действительности). Под сном поэт разумеет иную, нежели причинно-следственную, связь событий. Причём эта связь имеет не менее вескую логику: интуицию, ассоциации, и, наконец, память. Понятие “сна” расширяется беспредельно. “Это — сон”, — восклицают, когда слишком хорошо. Погрязший в грехах мир людей — страшный сон.

Подобный опыт — поиск формул универсальности — разрабатывался на протяжении всей эпохи символизма. А. Белый, А. Блок и другие блестящие мастера были учителями и предтечами В. Михайлова. Тем приятнее быть свидетелями рождения новых, интересных, изящных поэтических образцов.

К сновиденной теме творчества — к “забвенью” — поэт возвращается не раз:

*От забвенья до забвенья
Только морок, только дым,
Сучьев треск, огня шипенье,
Листьев головокруженье
Над потоком мировым.*

...

Речь идёт о *забвенье* (забытьи времени), т. е. уход в иное время — в поэтическое, текущее по иным, индивидуальным, законам, и в иную жизнь, тоже невидимую. Собственно, подобное мироощущение и говорит о том, что перед нами — поэт.

Опыты со словом у В. Михайлова достаточно смелы. Если есть старорусское *наскрозь*, *насквозь* (с ударением на первом слове). Оригинальны и удачны опыты и со смысло-образованиями. “Нет пророка в своём отечестве”, — кому,

как ни поэту вспоминать об этом, ибо поэт-пророк, поэт-изгой — вечный лейтмотив поэзии. Однако поэт разворачивает эту пословицу к читателю (а трагедию, происшедшую на Голгофе — к зрителю) иной стороной, лишь немного переиначивая её. “Где родился, там и пригвоздился”, — так начинаются стихи. Одновременно поэт намекает на известную всем пословицу, придавая ей антагонистический смысл. Редкий поэт не обращается к теме смерти, для главного человека неотрывной от Спасителя, — спасителя наших душ.

*Где родился, там и пригвоздился...
На закате крест в лучах дымился,
И заря вечерняя багрово
Возносила над землёю слово.*

...

*И заката пламенели грозди.
И светлы лучи его что звезды.*

Рифмы “грозди” и “гвозди”, стоящие столь близко (рифма парная), подчёркивают неопровержимость акта Его Вознесения. Накануне Пасхи особенно остро осознаёшь: пострадал-то Он за нас. Удачно задумано стихотворение и в композиционном плане.

В книге много новаторских стихов. Но, как известно, новации способствуют эволюции жанров, а затем — их канонизации. Богата книга сатирическими стихами. Нельзя не заметить удачи и точное попадание в цель, намеченную автором.

Главку под названием “Псинка”, говорящим само за себя, открывают стихи о России, сопровождаемые тёмным юмором и пожеланиями не шибко оптимистичными, пусть и риторического характера. Россия-мать, Россия-возлюбленная — такие параллели делают автору честь, пусть и несколько банальны. Здесь тема сна, популярная в творчестве В. Михайлова, звучит совсем иначе — фальцетом. Парадоксальна находка автора: “исчадьё сна”. Действительно, кто же знает: возможно, сон бесконтрольный и неведомый — и есть послание из ада...

Сон

*Ты снилась мне. — Изыди, сатана! —
Я тени приказал, что было кстати,
И ты исчезла как исчадьё сна.
О, дай Господь спокойно мне доспати.*

*Россия спит. Ей снится сатана.
Октябрь “Изыди!” миром скажем кстати.
О, дай Господь лететь ему до дна
Последнего... а нам свой сон доспати.*

... Открыв следующую страницу книги, вспомнила крылатую фразу: “Говорить о музыке — это всё равно, что музицировать о поэзии”. Впрочем, Б. Пастернаку удавалось. Вспомнила вот почему:

*Борис Николаевич Ельцин
Однажды в купели тонул.*

— так начинаются стихи “Песенка о мохнатом хвосте”. Стихи очень верные — о взрыве Ипатьевского дома, о том, как Ельцин “заткнул за пояс” Б. Клинтона и Г. Коля. И во всём г-ну Ельцину помогал тот самый, с мохнатым хвостом. Могла

бы написать дифирамбы, но не умею, т. к. не обладаю чувством юмора, необходимым для анализа “публицистических стихов” (термин — мой). Поэзия — от Бога, стихи о политике (та же политика) — от социума, в котором царствует “мохнатый хвост”. Хотя признаю, что подобный жанр важен в общественно-политической жизни... Впрочем, и раздел-то называется “Псинка”.

Названия частей книги включают в себя как смысловой, так и звуковой оттенок. Так, следующая часть называется — “Бзника”. В самом названии чувствуется издевательство над русским языком, а значит — над его носителем. Действительно, “пафос высоких смыслов” звучит с первой строки (стихи о “ящике” — телевизоре):

*Нас утро встречает прокладкой,
Нам памперсом лечат мигрень,
И ножки — чтоб гладились гладко —
Кудрявая бреет весь день.*

...

Дальше — больше. И смешнее, и грустнее. Например, об американской статистике: “Жвачки в год по целых пять кило / Сжёвывает средний мериканец”.

...

*Но приснился в ночь нелепый сон,
Средний мне приснился мериканец,
Что в гробу жуёт жевачку он —
И не может не жевать, поганец.*

Смешно. Однако, думается, что обыгранный В.Михайловым факт — жвание — весьма полезен для мировой безопасности (и для успокоения нервов, кстати). Иначе “добропорядочные обыватели” тратили бы энергию на что-либо менее безобидное: наркотики, внебрачные и беспорядочные... и т. д.

Возвратимся к поэзии. Поэты, говоря стихами (и критики, говоря о стихах), в конечном итоге, творят (и толкуют на свой лад) языческие молитвы, пытаясь постичь “незримой тайны суть”, которую заложил Господь во все творения рук Своих. Поэты, в отличие от священников, учёных и философов, наделены — по природе ремесла своего — прерогативой создавать кумиров, а также преломлять и рушить логический ход событий и мыслей, т. е. применять к слову свои законы. Это “кулинарное” мастерство и делает поэта неповторимым, а *паслён* — предметом размышления и воспевания.

Для полноценности рецензии надо непременно сказать и о недостатках книги (так принято...). Думается, сам автор чувствует их лучше, чем любой критик, — стоит лишь отнестись к своей книге, как к посторонней, а не выпестованной и выстраданной — в каждом вдохе и выдохе, в каждой строке. Для этого необходимо давать стихам отстаиваться (месяц, год). И они — или “обращаются в “драгоценные вина”, или прокисают. Недаром же поэты составляют книги “Избранных стихов”, включая в них те, которые — спустя годы, — сами не отбраковали.

В заключение отмечу, что сотворённый текст, возможно, совсем не отражает мыслей автора стихов, заложенных им в своих птенцов и выкормывшей. И тождественности искать нет смысла. В статье изложены лишь некоторые ассоциации, взрощенные стихами поэта Валерия Михайлова в фантазийной душе одного из многих его читателей и почитателей, ищущего “незримой тайны суть”.

г. Москва.

В сопредельной с севером Казахстана Курганской области Российской Федерации ежегодно выпускается литературно-публицистический альманах "Тобол", который с 2007 года после смены учредителя стал более содержательным, разноплановым, привлекательным и интересным.

Напомним, что в предыдущие годы "Нива" представляла на своих страницах литературные издания соседних российских областей — новосибирский журнал "Сибирские огни" и омский альманах "Иртыш".

На этот раз у нас в гостях курганский альманах "Тобол".

Новое — это хорошо ...

... забытое старое, привычно подхватит читатель. А вот и нет. Старое было тоже неплохо, а иногда вообще замечательно, но страшно хотелось новизны, свежей струи, идей, людей и мнений. Поэтому, когда альманах "Тобол" сменил учредителя (Комитет по печати и СМИ правительства Курганской области передал его в надёжные руки редакции областной газеты "Новый мир"), новые учредители предложили своё видение концепции этого уникального для региона издания. Оно по-прежнему будет литературно-публицистическим, но творческие силы Зауралья велики, а представители изобразительного искусства, музыки и театра тоже хотят увидеть себя в "Тоболе". А посему наполнение альманаха теперь будет более разнообразным: проза и поэзия, публицистика, архивные материалы, исторические очерки, критические статьи, обзоры музыкальных новинок, театральных и кинопремьер, выставки художников (непрерменно с репродукциями), знакомство с молодыми во всех смыслах слова авторами, музыкантами, актёрами.

В обновлённом альманахе и редакционная коллегия новая. Ну или почти новая, потому что представить "Тобол" без Виктора Потанина или Германа Травникова — невозможно, да и не нужно. Они с нами. А ещё — писатель Иван Яган, художник Вячеслав Пичугин, искусствовед Любовь Кочарина, историк, профессор КГУ Валерий Пундани, архивист Екатерина Тершукова, музыковед Елена Коротовских. Публика творческая, равнодушная и безусловно профессиональная.

Нелёгкий труд составителя альманаха, который перелопачивает горы материалов, выслушивает маститых авторов и новичков, отсеивает лишнее и задаёт общий тон каждому номеру, взял на себя журналист "Нового мира" Валерий Портнягин. Другого человека на этом месте я и представить не могу, кстати, члены редколлегии — тоже. Его руководящую и направляющую роль они приняли безоговорочно: альманах в надёжных руках.

Когда Валерий Иванович принёс мне первую стопку листов будущего журнала — всего лишь как образец вёрстки — я, не утерпев, начала читать всё подряд, без начала и конца. Думаю, и вас, тех, кто любит литературу, искусство, кто ценит зауральских мастеров пера и кисти, этот номер не разочарует.

Галина ВСЕЕВА,
главный редактор альманаха "Тобол".

Виктор ПОТАНИН

Сохранится ли русское слово?

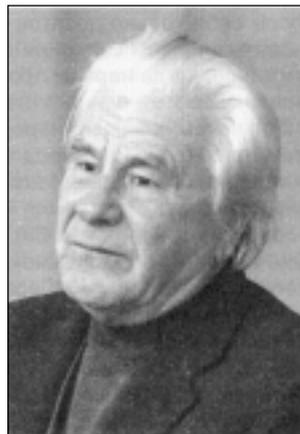
В нашей печати не стихают дискуссии по проблемам русского языка. Впрочем, такие страсти кипели и раньше, ведь ещё во времена Пушкина и Гоголя передовая общественная мысль мучилась вопросом: сохранится ли живое русское слово под напором различных запретов и чуждых влияний? И нужен был могучий талант Пушкина, чтобы сломать все схоластические заперды, чтобы соединить живую стихию народной речи с языком литературным. При этом Пушкин никогда не забывал, что Слово — это великая тайна и такая же великая надежда, потому что каждый народ надеется не затеряться в веках, ведь именно в словах и грамматических формах проявляется душа народа, которая бессмертна.

Впрочем, можно сказать и по-другому — Слово запечатлевает события истории, заглядывает в будущий день, говорит о прошлом. И это — правда, так как в прошлом были такие моменты, когда рушились целые цивилизации, исчезали народы, оставляя после себя только десяток слов. И этой капельки потом хватало учёным, чтобы восстановить в нашем сознании те далёкие эпохи.

Но, к сожалению, случалось и такое, когда народы проваливались в небытие, ничего после себя не оставляя. Ни единого слова, ни единого шороха на просторах Вселенной. И тогда наступало забвение... Вот почему каждый народ сохраняет свой язык, боясь любого насилия над ним. Сказать проще, любой народ по отношению к своему языку стоит на консервативных, охранительных позициях. И это происходит на уровне инстинкта. Мы как бы не думаем о языке, но при этом остаёмся на страже. Это можно сравнить с дыханием. Разве замечает человек, как он дышит?.. Вот мы и произнесли сейчас такие знаковые, такие фундаментальные слова, как "дыхание", как "душа". И поэтому объявленный Год русского языка в России воспринимается всеми как радостная новость, на которую активно откликнулись все российские писатели.

Виктор Фёдорович ПОТАНИН

— известный русский писатель. Родился в Утятке При-тобольского района Курганской области в 1937 году. Автор десятков книг, многие из которых переведены на иностранные языки. Секретарь правления, член Высшего творческого совета Союза писателей РФ, лауреат нескольких российских литературных премий. Почётный гражданин города Кургана и Курганской области. Публикуемая статья была основой выступления писателя в Белгородском университете на конференции литераторов и филологов в Дни славянской письменности и культуры в 2007 году.

Эта новость могла бы стать и праздником для всей нашей словесности, но праздник, согласитесь, пока не обрёл своего лица — стал “как бы праздником”. Впрочем, слова в русском языке могут преподнести нам самые неожиданные сюрпризы, потому что в каждом слове есть не только его прямое значение, но есть ещё и глубинная, артезианская глубина. Вот и просто словосочетание “как бы” — не исключение.

Вспоминается, как однажды Давид Кугультинов сказал буквально следующее, что многие нынешние писатели рядом с Шолоховым — как бы писатели. И это “как бы” кого-то тогда обидно зацепило, другие же в этом “как бы” увидели серьёзный повод для задумчивости, самоанализа, и это хорошо. Вот и нам всем нужно хорошо задуматься над тем, почему приметы языкового оскудения становятся всё более заметны в наших книгах, в нашей разговорной речи и в газетных публикациях. А сколько языковых вольностей проскальзывает в различных ток-шоу, в беседах за “круглыми столами”, в прямом радиоэфире!

В этом новом, как бы “современном” русском языке исчезают многообразие оттенков, стилистическая наполненность и глубина нашего родного слова. Налицо болезнь, даже болезни, которых уже не скроешь. Да, это так. Но если оглянуться на наши СМИ, то там часто пишут и говорят совершенно обратное. Действительно, зачастую высокое чиновничество от культуры и народного образования уверяет нас на полном серьёзе, что всё вокруг прекрасно и замечательно, — у нас улучшается не только демография, но и положение с языком. Так что же это? Впрочем, такие вопросы наивны, ведь мы живём в России, “а характер русского несравненно тонее и хитрее, — по словам Н. В. Гоголя, — чем жителей всей Европы. Всякий из них, несмотря на самое тонкое остроумие, даже итальянец, простодушнее. Но русский всякий, даже неумный, может так притвориться, что (проведёт всякого) и дурачит другого...”. Так что приходится думать, что продвинутое чиновничество, которого и в СМИ хватает, и в культуре, просто туманит наши мозги, занимаясь притворством. А здание языка, между тем, разрушается, фундаменты проседают, а вместе с ними проседает, “уходит в песок” и наш народный язык...

Но что же всё-таки происходит с этими фундаментами и почему народный язык остаётся для нас только в словарях? Впрочем, ответы на это, как всегда, на поверхности. Этот живой язык, согласитесь, из века в век приходил в наш быт, как правило, из русских деревень. Оттуда же и приходили народные писатели. И примеров этого — множество. Давайте вспомним хотя бы учёбу в Усть-Илимской сельской школе Валентина Распутина или давайте спросим себя, что значила Тимониха для Василия Белова, или Овсянка для Виктора Астафьева, или Сростки для Василия Шукшина, или вятская деревня для Владимира Крупина? В тех сельских школах и учились будущие русские гении. Но где сейчас учиться народным талантам? Если многие сельские школы — по причине малочисленности учеников — уничтожаются, закрываются сотнями, тысячами? И этот процесс, который пошёл, просто губителен для языка. А если — для языка, то он в той же мере губителен и для русского народа.

Вспоминаются в этой связи слова одного известного писателя, который сказал, что в войне 1941-45 гг. победили сельские учителя. Но почему только сельские? — переспросили его. Да потому, ответил он, что они ближе к земле, к солнышку, да и к небу тоже ближе. А самое главное — они

ближе к нашему родному слову, которое как раз и воспитывает настоящего бойца, патриота, способного без колебаний отдать жизнь за Родину.

Вот и сегодня идёт та же война, но уже за наше родное слово, за нашу родную речь, т. е. за нашу жизнь на земле. И снова на бастионах мы видим прежде всего учителей и библиотекарей, к которым активно присоединились мои коллеги-писатели. Огорчает, правда, одно, что среди этих учителей и уж подавно библиотекарей очень мало мужской силы, мужского начала. Представьте, что Москву в 41-м суровом году защищали бы только женские батальоны. Ведь по этим батальонам бьют не только снаряды и пули, но стреляет другое оружие. И это тоже правда. Потому что на этих фронтах идёт война скрытая и глубинная, а это опаснее всего...

Впрочем, не меньшая опасность исходит от нашего бюрократизма и демагогии, когда самые острые языковые проблемы заговариваются, забалтываются в каких-нибудь отвлечённых спорах, дискуссиях, а сам локомотив не движется, раскачивается на месте. Мотор как бы работает, но опорные колёса прокручиваются вхолостую — и нет движения. И примеров этому — море.

Недавно в моей родной деревне Утятке сгорел на главной улице дом. Подвели плохие электрические провода. И потому дом сгорел, слава Богу, не весь, а только часть крыши, правда, обвалилась и печь. Пожар случился ночью, его всем миром потушили, но всё равно дом стал инвалидом. И вот наступило утро, и вокруг пожарища собрались все утятские жители. Жить-то в доме нельзя, потому начался плач и рыдание. Горевать пришли всей деревней. Но вскоре плач прекратился, и стали давать хозяевам разные советы и предложения. А к обеду среди этих советчиков появилась уже бутылочка и не одна. Хмель только подогрел разговоры, да и зрителей не убавилось. А на другой день всё повторилось: с утра разговоры да оханья, а к обеду — снова бутылочка, и уже многим не горько, а весело. И на третий день всё повторилось: вокруг обгоревшего дома не убывала толпа. Но никто не взял в руки топор и пилу, чтобы начать ремонт, чтобы подновить крышу и разобрать завалы. К тому же через два дня начались дожди. Какой уж теперь ремонт. Весь ремонт отложили до солнышка. Но вот и солнышко наконец-то появилось, но о ремонте опять только разговоры. И вот ещё прошла неделя, и кто-то из молодых хозяев дома уже собрался в город — уезжать, наверное, навсегда. А на стариков-хозяев сельсовет стал собирать разные справки, чтобы отправить их, видимо, в дом старости, а иначе зачем эти справки? Вот такой печальный финал. Всё это мне напомнило некоторые наши пересуды и разговоры вокруг языковых проблем. В этих наших разговорах часто тоже много рыданий и плача, но зато мало дел.

Или другой пример: давайте вспомним сейчас, как некоторые из нас зачастую общаются с больной стареющей матерью, как мы ей то и дело наговариваем, как мы её любим и ценим, — да, да, любим, как самое дорогое. И нашёптываем при этом разные ласковые слова, утешения. А сами при этом ничего не делаем для её здоровья: не достаём нужных лекарств, не ищем для неё хороших докторов, одним словом, только что-то говорим, говорим, говорим. Но что в этих словах! Да и сама мать уже всё понимает, но из деликатности помалкивает, — и только глаза! Ах, эти глаза... В них — укор и печаль. И вот приходит день, когда наша мать уходит от нас навсегда...

Навсегда — очень тяжёлое слово. Хорошо помню, как родились мои первые рассказы. Как написались мои первые страницы. Я был тогда студентом, мечтал о писательстве и потому завёл дневники и записные книжки. А учился я в городе, а по выходным дням ездил домой — в свою родную Утятку. И всегда, всегда с нетерпением ждал весну. И вот наступали тёплые апрельские и майские дни, я приезжал в деревню и сразу же в комнате распахивал все окна и створки. А под окнами была завалинка с лавочкой, где всегда отдыхала моя незабвенная Екатерина Егоровна — моя восьмидесятилетняя бабушка. А к ней со всей улицы стекались подружки — такие же старушки, как и она. Сойдутся вместе — и начинаются пересуды и откровения, разные истории, байки, воспоминания! И какой язык, какая живая речь! А я сижу прямо в створочке и записываю. Тороплюсь, даже немеет рука. Господи, это же было моё счастье и дар судьбы! И какие слова — это же язык Свиридова, это же несравненный голос Татьяны Петровой! Но любые сравнения меркнут, потому что это была живая, бесконечно родная речь и совершенно живое, ещё тёплое слово. И мои блокнотики распухали от моих записей. И потом этот живой ручеек и переключал в мои первые рассказы и повести. И, наверное, поэтому их и заметил мой читатель.

Но прошли годы, и вот уже нет на свете моей бабушки и той завалинки с лавочкой тоже нет. Да и сама моя родная Утятка постарела, убавилась и скоро уже будет неперспективной деревней — и что тогда? Эти вопросы с грустным ответом. И потому душа постоянно вопрошает: было ли всё это со мной, была ли та музыка — та живая и чудесная речь? Но всё-таки была она, конечно, была! И как доказательство этого — книги Распутина и Шукшина, Белова и Лихоносова, Личутина и Крупина, книги их молодых учеников.

Вот только трудно сегодня этим ученикам — продолжателям живого, почвеннического крыла в нашей литературе. Хотя такая литература ближе всего к народной нравственности, к духовным началам нашего народа. Да, это так. Потому что такая литература всеми своими корнями и кровяными клеточками соединена с православием. А разве этого мало для сохранения нашего языка? Нет, не мало. Но поддерживает сейчас совершенно другое крыло нашей литературы. И эти новые писатели, заласканные либеральной критикой, как-то опасно равнодушны к живому народному языку. И Слово для них — всего лишь определённая функция и уже совсем не чудо, не кровинка, не воплощённая в плоть красота.

А теперь давайте задумаемся: всем понятно, что язык создаёт человек, а люди, соединённые в общество, создают страну. Так какую же страну будут формировать люди, воспитанные на бесконечных боевиках, на книгах-однодневках из жизни киллеров и бандитов? Что и говорить, такая литература только уведёт наших детей в сомнительные дали, где нет места ни высокой нравственности, ни красоте, ни нашей родной русской речи.

Но иногда мы, российские писатели, сами становимся невольными союзниками такой разрушительной энергетики. А порой мы даже поощряем её. О чём я сейчас? Да о том, что мы всё ещё радуемся обилию такой литературы, которая издаётся за счёт средств автора. Нам не хватает смелости решительно сказать, что это совсем не литература, это — наше

несчастье, наше большое горе. Конечно, бывают счастливые исключения, но всё-таки нынешнее правило таково: издаться может абсолютно каждый — и даже графоманы и сумасшедшие — лишь бы были деньги. И такие деньги находятся, и вот появляются книги, где нарушаются все нравственные нормы, где втаптывается в грязь наш великий язык, где сюжет заменяется каким-нибудь сальным анекдотом.

Конечно же, на мой взгляд, нужно срочно вводить нравственную и художественную цензуру. Не политическую, а цензуру качества. И нужен закон о языке. Не реформа языка, упаси Бог, а именно закон, ведь такие законы есть во всех цивилизованных странах.

И, наконец, последнее: наша Москва перестаёт уже быть русским городом — там повсюду вывески на чужих наречиях. И мы, видя это, снова страдаем, переживаем, а надо бы действовать. Ведь в наш родной язык энергично вторгается иностранщина, и эти заёмные слова — пиар, консенсус, саммит, электорат и др. — оккупировали уже огромные пространства в нашем родном языке. И мне они напоминают ново-явленные военные базы вдоль российских границ. Впрочем, нас постоянно убеждают, что базы эти нам совсем не угрожают и даже созданы вроде бы для нашей пользы, но не лукавство ли это? Так и эти слова. Они преподносятся нам как некий дар, как полезные заимствования, но мы-то все чувствуем, что это обман.

И всё-таки я оптимист. Да и белгородские впечатления поддерживают мои надежды. В Белгороде многое делается для спасения и сохранения нашего родного Слова. Конечно же, наш язык выдержит все перегрузки. Но всё равно нужно ему помогать сохраняться. И в помощь следует призвать все наши вековые традиции, нашу христианскую сущность. В Белгороде всё это хорошо понимают, потому и кипит здесь созидательная работа. Думая об этом, я всё время вспоминаю князя Андрея из знаменитого романа. Однажды он увидел, как столетний, много повидавший на свете дуб снова оделся зелёной листвой, помолодел и преобразился. И душа князя Андрея тоже заговорила снова о жизни, о счастье, о новых далях на земле. Вот и белгородские встречи тоже дали нам надежду, укрепили нас в наших желаниях — сохранить и отстоять наш язык, наше Русское Слово. С таким настроением мы и возвращались в наши родные места. И это настроение — бесценно.

Борис РЫЖИЙ

“Мальчишкой в серой кепочке остаться...”

Мальчишкой в серой кепочке остаться,
самим собой, короче говоря.
Меж правдою и вымыслом слоняться
по облетевшим листьям сентября.

Скамейку выбирая, по аллеям
шататься, ту, которой навсегда
мы прошлое и будущее склеим.
Уйдём — вернёмся именно сюда.

Как я любил унылые картины,
посмертные осенние штрихи,
где в синих лужах ягоды рябины
и с середины пишутся стихи,

поскольку их начало отзвучало,
на память не оставив ничего.
Как дождик, по карнизу отстучало,
а может, просто не было его.

Но мальчик был, хотя бы для порядку,
что проводил ладонью по лицу,
молчал, стихи записывал в тетрадку,
в которых строчки двигались к концу.

Музе

Напрялим чёрный фрак
и тросточку возьмём —
постукивая так,
по городу пойдём.

Борис РЫЖИЙ

родился в г. Челябинск-40 в семье учёного в 1974 году. Окончил Уральскую горную академию (1998) и аспирантуру Института геофизики Уральского отделения РАН (2000). Работал в геологических партиях на Северном Урале. Дебютировал как поэт в 1994 г. в журнале “Урал”. Автор книг стихов: “Любовь”, “И всё такое...” (СПб., “Пушкинский фонд”, 2000). Печатал стихи в журналах “Звезда”, “Урал”, “Знамя”. Посмертно выпущена книга “На холодном ветру” (СПб., “Пушкинский фонд”, 2001) с послесловием Сергея Гандлевского. Стихи Рыжего переведены на английский, голландский, итальянский, немецкий языки. Родственники Бориса Рыжего жили и живут в Зауралье, сам он жил в Екатеринбурге. В 2001 году покончил жизнь самоубийством.

Где нищие, жлобье,
безумцы и рвачи —
сокровище моё,
стучи, стучи, стучи.
Стучи, моя тоска,
стучи, моя печаль, —
у сердца, у виска
за всё, чего мне жаль.
За всех, кто умирал
в удушливой глуши,
за всех, кто не отдал
за эту жизнь души.
Среди фуфаяк, роб
и всяческих спецух
стучи сильнее, чтоб
окреп великий слух.
Заглянем на базар
и в ресторан зайдём —
сжирайте свой навар,
мы дар свой не сожрём.
Мы будем битый час
слоняться взад-вперёд.
... И бабочка у нас
на горле оживёт...

Когда бутылку подношу к губам,
чтоб чисто выпить, похмелиться чисто,
я становлюсь похожим на горниста
из гипса, что стояли тут и там
по разным пионерским лагерям,
где по ночам — рассказы про садистов,
куренья, чтение "Графов Монте-Кристов".

Куда теперь девать весь этот хлам,
всё это детство с муками и кровью
из носу, чёрт-те знает, чьё
лицо с надломленной бровью,
вонзённое в перила лезвиё,
всё это обделённое любовью,
всё это — одиночество моё?

О. Дозморову

Над головой облака Петербурга.
Вот эта улица, вот этот дом.
В пачке осталось четыре окурка —
видишь, мой друг, я большой эконоом.

Что ж, закурю, подсчитаю устало:
сколько мы сделали, сколько нам лет?
Долго ещё нам идти вдоль канала,
жизни не хватит, вечности нет.

Помнишь ватагу московского хама,
читку стихов, ликование жлобья?
Нет, нам нужнее “Прекрасная дама”,
жёлчь петербургского дня.

Нет, мне нужней прикурить одиноко,
взором скользнуть по фабричной трубе,
белую ночью под окнами Блока,
друг дорогой, вспоминать о тебе!

Давай, стучи, моя машинка,
неси, подруга, всякий вздор,
о нашем прошлом без запинки,
не умолкая, тараторь.

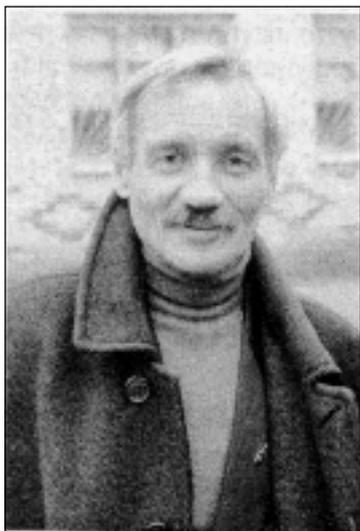
Рассказывай, моя подруга,
тебе, наверно, сотня лет,
прошла через какие руки,
чей украшала кабинет?

Торговца, сыщика, чекиста —
ведь очень даже может быть,
отнюдь не всё с тобою чисто
и этих пятен не отмыть.

Покуда литеры стучали,
каретка сонная плыла,
в полупустом полуподвале
вершились тёмные дела.

Тень на стене чернее сажи
росла и, уменьшаясь вновь,
не перешагивала даже
через запёкшуюся кровь.

И шла по мраморному маршу
под освещением в тыщу ватт
заплаканная секретарша,
ломая горький шоколад.

Валерий ПОРТНЯГИН

Опубликовано после смерти

Компьютеры в начале 90-х ещё не проникли в производственную жизнь провинциальных издательств, и когда в стране наступило время разброда и шатаний, других тяжких испытаний — "крякнуло" Южно-Уральское книжное издательство, а отлитый в металле набор книги Вячеслава Веселова был просто рассыпан. Остались только оттиски гранок, тщательно вычитанных автором и аккуратно подписанные на каждой странице.

История с рассыпанным набором уже готовой книги стала источником депрессивного состояния писателя. Всё чаще он искал успокоения за рюмкой чего-то крепкого. Выручили друзья, предложив Веселову место обозревателя в только что созданной газете. Так через два десятка лет Вячеслав Веселов вернулся в журналистику.

Однако надо сказать, что в газете он был всё-таки на особом положении, это был не чёрный хлеб репортёра-подёнщика, а белые булки эссеиста и вольного обозревателя. Многие из газетных текстов Веселова того времени стали своеобразным продолжением его цикла миниатюр "Стебель и поток".

Газета дала писателю не только надежду на приемлемое материальное существование, но и стала источником его "второго дыхания" в литературе. В это время он пишет новые рассказы, повести, заканчивает роман "Университет" (не опубликован), занимается с молодыми прозаиками и поэтами. Впрочем, что бы там ни говорили, работал Веселов всегда много.

В ноябре 2007 года писателю исполнилось 70 лет. Вячеслав Владимирович Веселов родился в 1937 году на Алтае. Детство и юность провёл в Кургане, до конца жизни считал это время золотым и черпал из него щедро: почти в каждой его книге мы найдём эти источники вдохновения и творчества — любящие родители, живой отец (вокруг была послевоенная безотцовщина), друзья, футбол и запойное чтение. И с последующей биографией книги Веселова связаны очень тесно. Он закончил филологический

Валерий ПОРТНЯГИН

— журналист, эссеист, критик. Родился в Кургане в 1946 году. Редактировал областные газеты, составитель, автор и редактор нескольких публицистических книг, сборников зауральских писателей Леонида Куликова и Вячеслава Веселова, художественных альбомов. Печатался в журналах "Огонёк", "Урал", "Журналист", во многих московских газетах, альманахе "Тобол". Сейчас заведует отделом культуры в областной газете "Новый мир".

факультет Ленинградского университета, в армии летал в Арктике, а после службы плавал в Атлантике, много ездил по стране. Отсюда круг его героев — матросы, рыбаки, геологи, молодые учёные, школьники, студенты, военные лётчики. Отсюда же пёстрая география его книг — от Заполярья до пустыни и Атлантики, от столиц до дальних аэродромов и провинциальных городков.

Как писатель Вячеслав Веселов дебютировал в 1971 году рассказом “Люди и самолёты ночью”, опубликованном в журнале “Урал”. Этот рассказ откроет и его первую книгу “Чья-то судьба”, изданную в 1974 году в Южно-Уральском издательстве. Вскоре в этом же издательстве (в 1976 и 1977 годах) выходят документальная повесть о знаменитом машинисте Иване Блинове “Угол опережения” и сборник очерков, рассказов и повестей “Футбол на снегу”. Ещё через два года, в 1979-м, издательство “Молодая гвардия” в Москве стотысячным тиражом выпускает в свет сборник повестей и рассказов Вячеслава Веселова “Путешествие” с удивительным финальным рассказом-размышлением “Маленькая антология возвращений”. В Союз писателей его принимают в 1985 году в возрасте 48 лет и уже с солидным багажом изданных книг и редакторской работой в издательстве.

В первые годы перестройки выходит в некотором смысле итоговая книга Веселова “Дом и дорога”, содержащая в себе повести и рассказы разных лет (Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1986).

Хоронили Веселова в феврале 2003 года. Был прекрасный солнечный день, оттепель. И вдруг, когда гроб уже опускали в могилу, над погостом нависла чёрная-чёрная туча, поднялся ветер, от которого зашатались кресты, по лицам провожающих писателя в вечный путь начал хлестать мокрый и колючий снег. Природа давала знак: не завершена жизнь блестящего писателя-урбаниста, не завершена жизнь очеркиста и эссеиста, не завершена жизнь друга живописцев и актёров, художественного и театрального критика. Нет итогов. Остались неопубликованными упомянутый роман “Университет”, повести, рассказы, эссе, заметки... Есть десятки папок с подготовленными материалами к большой работе о жизни провинциального города. Возможно, это тоже был бы роман, о котором Веселов мечтал, подбираясь к нему издавна, включая россыпи городских зарисовок по прежним своим текстам. Не состоялось. Достойна публикации и будущих литературоведческих изысканий многочисленная переписка писателя с питерской, “довлатовской”, компанией или, например, с членом редколлегии журнала “Урал”, литературным критиком Евгением Зашихиным, с которым Веселов сблизился в 80-е годы.

Предлагаем вниманию читателей неопубликованный прежде большой рассказ Вячеслава Веселова “При дороге” (второе название — “Паровоз”). Можно его назвать и маленькой повестью. В сердце после прочитанного остаётся боль. К вечным русским вопросам “Кто виноват?” и “Что делать?” как бы присоединяется ещё один — “Ну почему мы такие?”. Какие же такие? Сильные, бескорыстные, ответственные и ...бессловесные. “Шаламовские”, а может, и “солженицынские” нотки не мешают расценивать этот рассказ как один из самых талантливых в творчестве Веселова и один из лучших в современной русской прозе.

Публикуемый рассказ вошёл в первый посмертный сборник Вячеслава Веселова “Быстротекущая жизнь”, изданный усилиями его друзей.

Вячеслав ВЕСЕЛОВ

При дороге

Рассказ

I

Паровоз зло крикнул, вагоны дёрнулись, и состав с лязгом покатил. Это было второе путешествие Никиты Ошуркова — и опять за казённый счёт.

Первая долгая отлучка из дома выпала Никите, когда его взяли на армейскую службу.

Призывники добрались до станции ночью. У длинной стены пакгауза их разбили на команды, и они пошпали по путям к своему эшелону. Никита бывал раньше на этой станции, мальчонкой ходил смотреть паро-

возы, и всё вертел головой, хотел узнать знакомые места. Но армейский начальник бегал с фонарём вдоль состава, торопил с погрузкой. Наконец они разместились в вагонах и отбыли. Так ничего толком Никита и не успел разглядеть.

Проснулся он на верхних нарах и в узенькое оконце под потолком увидел меловые холмы, а на них чёрных коз. Нищие земли, ещё беднее родных.

За меловыми холмами повеселей места пошли, с белёными домиками, в садах.

А дальше степи — пустые, жаркие, пыльные. Нерусские места. Дикая земля — песок да камни, да ящерки среди камней. Как жили люди на такой земле, непонятно. Видать же было: изломаешься весь, а толку всё одно не будет. Но люди жили. С насыпи, за глинобитной оградой иной раз увидишь: овцы, собаки, баба с ребёнком, дерево во дворе... Жили люди, и отцы их тут жили, и деды. За селениями видел Никита высокие могилы, над ними шесты с выгоревшими тряпицами — мусульманский погост.

Новобранцы сходили на станциях и глухих полустанках, их встречали командиры с прокалёнными лицами и выгоревшими бровями, а Никита ехал всё дальше, дальше — до самой границы.

Так он оказался на аэродроме: два ряда аэропланов, склад горючего, мастерские, дом, где жили пилоты, и низкие глинобитные домишки для obsługi.

Определили Никиту мотористом. Вместе с однокашниками он разбирали и собиравали моторы под началом полувоенного механика, который вечно ходил в комбинезоне.

Комиссар отряда на политзанятиях рассказывал про героев-военлётов и славные традиции отряда. Ещё недавно отряд гонял басмачей, но главари банд, растеряв людей, осели в сопредельных странах и тихо торговали. Из-за границы лишь изредка наведывались люди какого-то Аюб-хана. Этот Аюб-хан всё, видать, не мог успокоиться, писал, что будет мстить неверным за смерть отца. Летучий его отряд появлялся внезапно, чаще всего перед рассветом, и так же внезапно исчезал. Аюб-хан продолжал творить безобразия, жечь кишлаки и слать злые письма, пока его не привезли на аэродром с простреленной головой. Он оказался совсем мальчишкой.

Лётчик, нагнавший банду, рассказывал, как она врассыпную уходила в ущелье, где было спасение от пулемёта, и только Аюб-хан, как чёрт, вертелся на своём скакуне и отстреливался из английской винтовки. Когда Никита увидел лицо этого мальчишки и аккуратную родинку на щеке, то вдруг подумал о его матери: должно быть, она была жива, сидела где-то, ждала сына...

А самолёты, о которых любил порассуждать механик, Никите были неинтересны: латаные-перелатаные, с клеёнчатыми крыльями... Несерьёзные машины!

— Ах ты, сиволапый! — говорил механик. — Деревня неумытая!

Он покрикивал на мотористов. Они ставили на аэроплан перебранный двигатель, крепили его болтами, выкатывали аппарат из мастерской. Лётчик запускал двигатель. Аэроплан ходил ходуном, дрожали его растяжки, скрипели тяги...

Нет, несерьёзная машина! Настоящей машиной был паровоз.

Однажды семилетнего Никиту мать взяла с собой на станцию. До чугунки было двенадцать вёрст. В полдень они остановились на переезде, у горбатого мостка с полосатой перекладиной. Вокруг лежали поля колосющейся ржи, блестели под солнцем накатанные железные колеи, гудели провода над головой. Никита не понимал, почему они стоят на солнцепёке в чистом поле, и тут услышал слабый звон рельсов, а потом глухой, издали идущий гул. Он и подумать ещё ни о чём не успел, как из знойного марева выскочил на них чёрный паровоз, грохочущий железный зверь. Бешено плясали его колёса, пар с шипением вырывался из трубок, космы дыма срывались с обреза трубы и улетали к небу. Никита обмер, прижался к матери, а когда пришёл в себя, одинокого чёрного зверя уже не было, только мягко проседала земля и чуть слышно пахло гарью.

Потом они шагали по станционным путям, среди запахов угольной пыли и угарного дыма шлаковых куч. Никита не поспевал за матерью, вертел по сторонам головой, то и дело попадая в жирные лужи мазута. И вдруг мать пропала за стеной красновато-ржавых вагонов: по соседнему пути с грохотом пронёсся грузовой поезд.

Тайком от матери он ходил с деревенскими парнями на станцию смотреть паровозы. Огромные машины стояли под парами, бока у них были лаково-маслянистые, тёплые, медные части блестели. Рядом солидными голосами переговаривались механики, усатые дядьки с железными сундучками, с цепочками часов из карманов форменных тужурок. Ну а когда пассажирский приходил, это был праздник. На перрон вываливался оберкондуктор со свистком на шнурке, платформу затоплял народ: военные, дамы в шляпках, какой-нибудь невидный из себя мужичок, со скудной бородкой, в очках, а все стояли вокруг него и слушали, не перебивали — вот что странно. На станции можно было встретить и вовсе диковинную публику. Однажды Никита увидел невеликих, желтолицых людей с косичками. Про них говорили — китайцы.

Быстро летело время на станции, среди дорожных рабочих и пассажиров. Никита часто возвращался домой в темноте. Он хорошо помнил эти возвращения. Прежде чем сбежать с увала, он всегда оглядывался. Дорога тонула в синих сумерках, темнели стены депо и пакгаузов, светились огни будок, шевелились над паровозами дымки, просвеченные прожекторами, сползал в низину ранний туманец, мигали в нём одинокие сигналы...

В казарме Никита часто вспоминал свои походы на станцию и, уже ладясь в запас, мечтал перед сном, как придёт, устроится на дорогу... Знал он одного деревенского, который ездил кочегаром.

Запущенное подворье, кисловатый, застарелый запах неухоженной избы рассказали ему, как жила мать эти годы (отца Никита не помнил). Ещё не старая, но изношенная в работе, с запавшим ртом, мать не только не могла, но, видать, и не хотела много делать — устала.

Сходил Никита в уезд, отметился в комиссариате и стал подумывать, как бы ему в дорожные работники попасть. А мать снова за своё: с дворовой работой не управляюсь, пора тебе в дом молодую хозяйку приводить, я уже и невесту присмотрела...

И пришла она, наречённая, и имя у неё было редкое — Тая, таких не знали в округе.

За свадебным столом сидел Никита в выгоревшей гимнастёрке, в ней и отправился на машинный двор, куда позвал его председатель колхоза. Машинный двор — жалость одна: разбитый колёсник, паровая молотилка, дизельный движок помятый, в давней грязи...

— Берись, механик, — сказал председатель и отвернулся.

А с какого конца браться? Мастерской нет, материала нет, втулку расточить — в уезд подавайся.

Председатель скоро потерял к Никите интерес, на машинном дворе не показывался, а после и вовсе исчез. Другой объявился — в жёваной кепчонке, сдвинутой на глаза, глаза острые, колючие. Этот не торопил, не подгонял, ходил, молча что-то высматривал или сидел в конторе с бумагами, перебрасывал костяшки счёт. А что считать было, когда трудодни копейками закрывали. Но своё этот председатель успел урвать, увёз его милиционер на подводе в уезд.

Прижили Никита с Таей ребёночка по первому году, да только приказал сынок долго жить. Жена беззвучно плакала, отвернувшись к стенке, мать вздыхала за печкой:

— Хотела внучка понянчить, да, видно, не судьба...

Мать быстро угасла, а весной, в сырой ветреный день похоронил её Никита рядом с сыном.

С неохотой, почти с мукой начинал новый день Никита, в тоске возвращался вечером в избу. Да с кем перекинешься словечком? Кому пожалуешься? Все трудно жили. А в колхозе то недород хлебу выйдет, то сгорит что... Ни семян, ни тягла.

И тут встретил Никита Гришку Зудилина. На деревне знали его как дуροпляса: бросил крепкое хозяйство, подался в город... Думали: прослониается парень на стороне и вернётся под отцову крышу. А вот поди ж ты — пришёлся ко двору на чугушке, ездил кочегаром.

Он стоял перед Никитой в новеньком картузе, жевал городскую папироску и лениво советовал ему поближе перебираться к дороге.

Никита жил в глухой безнадёжности, давно закинул думать о паровозах. Только иногда вдруг застынет с каким-нибудь заделем и всё увидит, да так ясно, точно вчера всё это было: пути, перепутья, стрелки, огни, дымы...

— Чего здесь ждать-то? — говорил Гришка. — С пуговики на петелку перебиваться?

— Кто меня ждёт там? — робко спрашивал Никита.

— Ты спроси: кто меня ждал? Мыкался по углам да тупикам, ночевал в старых вагонах, на вокзальных лавках. Нынче не решишься — потом и вовсе не подняться будет.

Весь день не шли у Никиты из головы Гришкины слова, а вечером он рассказал жене про разговор. Может, и впрямь попробовать, шептал он, может, оно и сладится. Он устроится, за ней приедет. Не на торф же идти. Вон Жигуновы вернулись, оба обезножили. Тая не отвечала, плакала тихо, он успокаивал её, слова говорил утешные, какие знал, а утром она, не глядя на мужа, сказала:

— Иди.

Так Никита снова оказался на знакомой станции, и даже сизый, угарно-едкий дым шлаковых куч показался ему сладким.

Гришки он не встретил.

— Зудилин в поездке, — сказал нарядчик бригад.

Загоревал Никита. Надо было списаться с Гришкой, приискал бы он местечко загодя. Так бы оно поладней вышло, да уж теперь что толковать.

Никита похлебал щей в столовой коопторга, получил койку в Доме колхозника в большой людной комнате, забьлся в махорочном дыму, а утром снова был на станции. Около полудня заметил его старый машинист. Назвался он Тимофеем Корнилычем, заставил Никиту рассказать о себе. Долго молчал, потом решительно сказал:

— Идём, парень. Кажется, им обтирщики нужны.

Кадровик долго рассматривал бумаги Никиты, снова его расспрашивал, потом повернулся к машинисту:

— Давно его знаешь, Корнилыч?

— Давно, — бросил тот, — пиши...

Никита заполнил учётный листок, человек за конторкой пришил его к делу и на прощание сказал новому обтирщику:

— Утром выйдешь с бригадой Сычёва.

Машинист ждал Никиту на лавочке, попыхивая трубкой-носогрейкой.

— Нам по пути. — Он поднялся. — Знаю я одну старуху, сдаст она тебе угол.

Так Никита Ошурков стал жителем станционной слободы, где под ногами скрипит паровозный шлак, дым из труб пахнет каменным углём, баньки во дворах сложены из просмолённых шпал, а заборы из старой вагонной обшивки. Засыпая, он слышал рожки стрелочников и как стучали в окно соседу, вызывая того в ночную поездку.

Обтирщики из бригады Сычёва все оказались моложе Никиты — ещё не служили. Ребята были городские, бойкие на язык, и Никита поначалу перед ними робел. Дело же своё исполнял старательно, и скоро Сычёв уже ставил его на котёл. Кто колёса обтирает, кто тендер, кто экипажную часть, а Никите поручали котёл — сердце паровоза.

— Работник ты, Ошурков, радивый, — сказали ему однажды. — Даём тебе склад смазочных материалов. Человек ты служилый, грамотёшка есть. Складское дело нехитрое, но учёт вести строгий.

Малость не то это было, о чём думал Никита.

— А ты не кисни, — сказал ему при встрече Корнилыч, — ты доверие цени. А мы что-нибудь придумаем. Тебе поближе к железу надо...

Слово Тимофея Корнилыча было верное. Через пару месяцев Никита уже стоял за верстаком в слесарной мастерской. Здесь ему нравилось —

материалы, инструмент, слесаря, крепкие мастерские, которых уважали в депо. А главное — рядом были паровозы.

Однажды Никита подошёл к Тимофею Корнилычу и, волнуясь, боясь отказа, попросился в поездку.

— Да ведь ты со смены.

— Ничего, — быстро сказал Никита. — Я не помешаю.

— Коли так, валяй в будку.

Поехали.

Без дела неловко сидеть. Наделал Никита бригаде фитилей, маслёнки приготовил.

— Иди сюда, — позвал кочегар.

Весело им работалось вдвоём. Кочегарить — дело простое: подавай уголь с тендера в лоток. Стал Никита к помощнику машиниста приглядываться. Тот как даст лопатой — с пристуком, с таким вывертом, и уголь у него летит ровно, рассеивается и сгорает в момент.

Тут и помощник его заметил:

— Бери-ка лопату, парень.

Встал Никита у топки, начал швырять уголёк.

— Не танцуй! — кричал помощник. — Стой твёрдо, найди упор. Легче рукой, легче, а то огонь завалишь... Так, парень! Тоньше насыпай, ровней. Уголь должен идти вращу, веером. Присыпай, парень, присыпай! Сейчас уголёк займётся и гореть будет красиво. Белым пламенем будет гореть.

Показались входные огни станции. Никита стоял, опираясь на лопату, колени у него дрожали, плечи налились тяжестью.

— Ладно, охолонь, — сказал машинист, когда они тронулись в обратный путь. Никита сидел на куче угля, вдыхая прохладный вечерний воздух. Рядом бежали, зеленея, редкие осинки, таял летний день, солнце скатывалось за поля. Себя и всю картину Никита видел как бы со стороны, и паровоз больше не казался ему злым железным зверем. Это была обжитая, послушная человеку машина, и она была на месте здесь, среди лесов и полей зелёной ржи.

Собрался было Никита за женой, да тут неладное стало твориться на дороге: то паровоз упадёт, то состав на перегоне порвут. Говорили, служба пути портачит. Ночью склад загорелся с маслами, огонь только к утру сбили. Тем же утром замели и Никиту Ощуркова, хотя он второй месяц работал на ремонте. Да ведь немного надо было тогда, чтобы загреметь. Ладно, молодой крикун из службы движения, этот признавать никого не хотел, слов не выбирал, врагов себе нажил. Но вместе с ним взяли двух старых механиков, заведующего складом и его, Никиту... Ну, они хоть с дороги. Только взяли и учителя географии из слободской школы, который, как выяснилось, был с ними в "преступном сговоре и вёл контрреволюционную агитацию". Да что он мог там наговорить своим пискунам! Недобрый кто-то, чья-то чёрная душа гнула на людей напраслину.

Никита не понимал, чего от него добиваются. Его брала досада не на следователя, а на собственную малохольность. Говорил он путано и бестолково, не мог собрать мысли и внятно объяснить, что не за тем ушёл из деревни, дом и жену бросил, чтобы склады на дороге поджигать. Диверсии на транспорте! Как сказать следователю, что он ещё недавно робел перед машинами. Да и что знал он, кроме обтирочных концов да своего места за верстаком. Он только дело доброе нашёл и поверил наконец, что жизнь у него будет надёжная, несомненная...

— Я ведь только-только дело настоящее узнал, — твердил он.

— Не то говоришь, Ошурков, — морщился следователь.

Суд над ним состоялся в Народном доме имени Ленина. Все они — тихие механики с висячими усами, молодой крикун в кожанке, который всё что-то изобретал да лаялся со всеми, школьный учитель, заведующий складом и он, Никита Ошурков, слесарь ремонтных мастерских — обвинялись в том, что создали контрреволюционную организацию и совершали вредительские акты на транспорте.

Никита смотрел на председателя суда и не мог взять в толк, чего он так распалается. А председатель, высокий, узкогрудый, в диагональных галифе с вытертыми кожаными напшлёпками на коленях, взмахивая рукой и поминутно вытирая рот, кричал:

— Подлые выродки... остервенелые враги народа... бандиты... взбесившиеся псы... мерзавцы... изменники...

II

Паровоз зло крикнул, вагоны дёрнулись, и состав с лязгом покатил.

Вагон был с решётками, с нарами в два этажа и парашей в углу. Местечка у окна Никите на сей раз не досталось. Мостился он с учителем на нижних досках, у двери. Учитель плакал, механики с висячими усами сидели молча, свесив руки между коленей. Совсем старыми показались они Никите. Подшибла людей жизнь, много они оставили за стенами вагонзакла. А он что? Только материнский дом, который уже начал забывать, да печальную свою подругу Таю. Только прислонился к жизни — и тут напасть. Бездолье его, видать, рядом ходило.

За недолгую свою жизнь Никита второй раз перешёл на казённые харчи. Давали им какое-то комковатое варево — изо дня в день. Получая засаленную миску с едой, Никита разминал комки и всё старался понять, из чего они сделаны. Но так и не узнал. А запах дорожной еды остался и ещё долго был с ним.

На последней станции, в речном порту, их ждал старый пароход, а рядом, у дебаркадера — пять барж.

Когда они заканчивали грузить дрова, к начальнику охраны подошёл судовой механик. Никита прислушался к разговору. Механик говорил, что дровишки топка жрёт убористо, в рейсе топить надо хорошо, а матросов не хватает. Начохраня лениво огляделся, увидел Никиту, ткнул в него пальцем. Двух других кочегаров механик сам выбрал.

Никита топил в очередь с матросами, после вахты поднимался на палубу, смотрел на грустный караван — старенький колёсник и пять низко сидящих барж. Широкая сибирская река, вольное её течение, тайга вокруг, редкие деревни по берегам, дрожащие их огоньки за сеткой дождя. Везде люди живут, думал Никита. А пароход шлёпал по воде плечами, стучала под полом машина, всё дальше на север шёл караван.

Пристали к низкому берегу. На пристани их ждали конвойные с винтовками, перед строем ходил начальник в ремнях.

Выгружались под дождём. Слабый вроде дождишко, сеянец, но не такой, как на родине, — колючий, холодный, со студёного моря.

Пока до места добрались, дождь кончился, пошёл липкий снег. Колонну встречал начальник строительства, крупный мужик с одутловатым серым лицом. Говорить ему было тяжело, он то и дело переводил дыхание.

— Мы доходяги, — сказал кто-то за спиной у Никиты, — но и он, похоже, не жилец.

— Здесь, — говорил начальник строительства, — начинается самая северная в стране дорога. Она стальной нитью прорежет тайгу и болота. Нам будет нелегко, мы первопроходцы. Те, кто придут за нами, превратят нашу однопутку в магистраль. Она принесёт жизнь в этот суровый край. Самоотверженным трудом вы должны искупить свою вину перед страной...

Пока к зиме обустроились и перешли в бараки, многих недосчитались. За зоной выросло кладбище, где и остались земляки Никиты, молчаливые усатые механики.

Покатили дни, похожие один на другой. Вставали засветло, возвращались в темноте. Порой и сказать не можешь: то ли вчерашний день длится, то ли уже новый наступил. Сливались, сжимались они в один день, в одни бесконечные сумерки — мглистые, дымные. Посереет небо, перевалит день за полдень, поднимешь голову, а над тобой снова звёзды.

Рыли мёрзлую землю для насыпи. Тачек не хватало, грунт перекидывали вручную. Работа не останавливалась и в самые окаянные морозы, когда воздух звенел и дыхание схватывало. Жгли костры, оттаивали землю — весёлое дело.

Материалы и инструмент доставляли на лошадях. Низкорослые лошадки, пока их разгружали, стояли покорно, мохнатые от инея, со впавшими боками. Смотреть на них было страшно. Откуда? По каким дорогам добирались они до строительства?

Летом донимал гнус. В тихие дни чёрная въедливая мошкара казалась страшнее морозов.

Ломили без передыху. Да ведь не сидеть же. Норму сделай, своё отдай и только тогда: зимой — к костерку, а летом, в гнус — к дымнику. У костра хорошо до первого жара, а как отогреешься, разомлеешь, тут и в память входишь, начинаешь ждать, когда тебе скомандуют: «Встать!». Тепло хочется подольше сохранить, вот и ломишь.

Под Новый год отправил Никита письмо в деревню, а в конце лета получил ответ. Тая писала, что работает плохо, потому как часто хворает, а корову она продала: лёгкое ли дело корма...

На первых порах пробовал Никита дни считать, даже зарубки на нарах делал. Только медленно рос счёт, не спешили его деньки, всё мешкали, не хотели кончаться. Изломаешься весь, поясница гудит, пальцы немеют, а впереди ещё полсмены. Потом проверка, ветерок вечерний потягивает, как по заказу; начальник караула торопит, его не гневи; надзирателю на глаза без нужды не попадайся и — старшему барака; дела свои успевай в зоне сделать — долгий день.

А то дни вдруг зачастят, зачастят — стал Никита недельные зарубки делать. Однажды снял шапку, вытер потное лицо и заметил, что снег вокруг осел и солнышко по-весеннему пригревает. И не только обрадовался Никита, что зима прошла, он удивился, что не может сказать, какой она была. Дни, которые раньше казались бесконечными, долгие дни от подъёма до отбоя, от развода до работы до вечерней проверки, дни эти куда-то исчезли. Одни зарубки остались.

Было Никите ещё одно письмо из дому. Писала Тая, что сильно хворает, простудилась на утренней дойке...

Дни то бежали, то начинали медлить, вязнуть, ползти, затихали, выцветали — не различить, не сказать, много ли времени прошло, мало ли.

О времени вспоминал Никита, когда замечал, как меняются люди. Тот крикун из депо после двух или трёх отсидок в кондее перестал лаяться, не качал права, поскутчел, с лица спал. И с бригадирами научился ладить. А школьный учитель больше не плакал, бросил хорониться, сидеть у себя в укромье. вздыхать. Этот сухопарый географ в очках работу тянул наравне с другими, никогда не косил в санчасть и глядел молодцом. Никите он говорил:

— Мне по-другому нельзя. У меня, Никита, семеро по лавкам. Самому, верно, мне уже их не поднять, а увидеть хочу.

Письма Никиты оставались без ответа, и он перестал ждать вестей с родины. Он чувствовал, что постарел, и ничего больше не ждал от жизни. Всё сжалось в нём, ссохлось, перегорело. Жалел он только об одном, что не довелось ему послужить на дороге. Совсем немного он хотел — поездить кочегаром. А за паровозным реверсом и увидеть себя не мечтал.

Год пройдёт, другой...

Вырастет насыпь, лягут на неё рельсы, лагерь снимется с места, переберётся поближе к дороге вместе с бытовками и складами.

Услышит Никита голоса с неба, поднимет голову, увидит птиц и подумает: "Казарки летят... Снег идёт... Кончилось лето".

Однажды учитель сказал ему:

— Веселей смотри, Никитка! Наша с тобой катушка на размоте.

Верно, согласился Никита, только не надо время торопить, не любит оно этого, у него свой ход. Не надо дни считать, измаешься, а толку не будет.

Не успел измаяться Никита Ошурков. Стали вдруг новые сроки клепать за пустышные провинности. Народ поперву за горло: за что? по какому праву? Но скоро перестали базарить, притихли. Дошло: не в провинностях дело, пора такая приспела — сроки новые шить. В пору эту поганую немногих на волю проводили, больше людей за зону унесли. Зима в тот год выпала лютая.

А дорога росла слабо. Рвали жилы на мёрзлой земле, ломились вперёд, но скоро возвращались. Больше сил уходило на починку проложенного пути, чем на укладку нового.

Бригадир, старый лагерник из дорожников, кричал:

— Будет дорога!

Учитель срывал очки, поводил шеей.

— Дорога! А по бокам-то всё косточки русские...

Ещё совсем недавно ему за такие речи новый срок бы навесили, а нынче — ничего. Что-то переменялось в жизни. Вокруг разговоры шли, поначалу шепотком, с опаской, а потом всё круче. Начальник режима смотрел по-другому, надзиратели тоже, нарядчики пьянствовали с охраной. Начальник строительства (четвёртый по счёту) уехал, а через полгода, когда в столице помер усатый хозяин, приехал новый начальник, совсем не похожий на прежних — молодой, весёлый, папиросу изо рта не выпускал, скалился, ходил широко, плащ его едва поспевал за ним, гремел за спиной. На лацкане дорогого пиджака у него был синенький значок. Сказали — институтский. Вон оно как!

Чем-то напоминал этот парень молодого крикуна из депо. Другим, совсем другим стал тот горлопан! Никита с тревогой приглядывался к новому начальнику, опасался за него и вдруг увидел: никого этот парень не боится, говорит и ходит широко, живёт открыто, без потайки. Другой человек,

из другого времени. И тут до Никиты дошло, как много времени минуло с той поры, когда оказался он в лагере, — целая жизнь!

А молодой начальник палил папиросу, сыпал искрами и говорил, как рубил:

— Необходимость? Какая к дьяволу необходимость! Дорога не нужна. Не ко времени, скажем так. Консервация? Может быть. Может быть, когда-нибудь вернёмся.

“Не нужна”, — растерянно думал Никита. То есть как это не нужна? Сколько пота и сил взяла она, сколько мук и крови, скольких жизней стоила. Он вспомнил ленинградского повара, тянувшего срок за шпионаж.

В вольной жизни не довелось Никите встречаться с поварами. Он думал, что все они толстые и мордастые, как тот на картинке, в букваре: “А Васька слушает, да ест”. Этот же, из ленинградской “Астории”, был худой, ледащий, всё кашлял. Говорили, отменным был поваром. Иногда он рассказывал, какие блюда готовил. “Равиоли с грибами или под соусом из зелени, — начинал он, и глаза его туманились. — Филе барашка хорошо под шубой из овощей”. Его овощи были — шпинат, сельдерей... О таких Никита и не слышал. Если повар заикался о капусте, надо было знать, что в виду имелась савойская капуста. Работал ленинградец точно во сне: долбит землю, пока не останоят. Тронут его за плечо, скажут: “Перекури”, — он улыбнётся, застынет. Усадят его возле костра — сидит, смотрит в огонь. Позовут, он идёт послушно, берёт лом или кайло и снова долбит. Ясное дело, хватило его ненадолго. Однажды не вышел на развод. Бросились искать. Нашли. Сидит и иглой из рыбьей кости вышивает на полотенце праздничное меню. Бригадир крыл ленинградца последними словами, а тот, вконец исхудавший, с безумными глазами, сидел на грязном полу и блаженно улыбался.

Значит, не нужна дорога? Не ко времени? Да кто может знать наперёд, как ещё дело обернётся.

Строительство дороги было прекращено, лагерь упразднили, особая комиссия разбирала дела заключённых. Начинался большой разъезд.

Накануне получил Никита письмецо из родных краёв. Нашёл его Гришка Зудилин. Теперь уж, должно быть, Григорий... А как отца его звали, Никита запамятовал. “Жёнка твоя померла, — писал Зудилин. — Похоронили хорошо. А домишко ваш снесли, дорогу прямить надо было...”

— Куда податься? — спрашивал Никита.

— На волю, — жарко шептал учитель, — на волю...

— Нет у меня никого на воле, один я.

— Да ты что, парень! — кричал учитель, не видя Никиты: далеко гуляли его глаза. — Рехнулся, что ли? Как тот повар.

— Ну да, — согласился Никита. — У повара-то, кроме кухни, видать, ничего в жизни и не было. Вот и у меня — дорога одна. На ней и останусь. Как другие остались.

— Какие другие? Ты что несёшь!

Никита кивнул в сторону лагерного погоста.

— А-а... — учитель задвигал шеей. Говорил он теперь с раздражением, почти зло. — Ты решительно свихнулся. Валишь тебе надо отсюда, скорее в ум войдётся.

Начальству то ли передали этот разговор, то ли в конторе вспомнили, что на воле Никита заведовал складом, только утром вызвал его начальник строительства. Рядом с ним стоял какой-то новый военный. Начальник

говорил, как всегда, быстро, резко. Это был не приказ, но и не просьба, а как бы настойчивое пожелание. Надо остаться на дороге, пока комиссия разберётся с людьми и делами строительства. На складах есть материал и инструмент, всё необходимо сберечь. Документы Никите оформят и оставят на почте в Ягодном. Там он и деньги будет получать, откроют ему счёт.

Добро стеречь — это Никита понимал.

— Бумага мне какая будет? — спросил он.

— Какая к чёрту бумага! Сиди и жди нас.

Положили ему оклад сторожа. Оставили муку, соль, два ящика консервов, ружьё и патроны. И уехали все. До последней души.

III

Перебрался Никита в контору — просторную крепкую избу с хорошей печью.

Он нашёл амбарную книгу, провёл инвентарную опись оставленного ему на сохранение добра, разложил по стеллажам кирки, лопаты, пилы, топоры, ящики с болтами, ватники, несколько конвоирских тулупов, связки брезентовых и двупалых армейских рукавиц. Поначалу-то они в своекожаных рукавицах робили, а теперь всяких рукавиц и одежды было навалом: бери — не хочу.

Дни стояли сухие, солнечные. Обошёл Никита свой участок. Грустно ему было глядеть на брошенную дорогу. Старые пути заросли, новые были проложены кое-как, насыпь неровная — всё лето работали спрехвала. В тупичке ржавели вагонетки, валялись разбитые тачки.

По первому снегу заявились к нему пятеро на лыжах, с нартами — забрать тулупы, ватники и кой-какой инструмент. У парней была бумага от молодого начальника.

Никита всё им выдал, велел расписаться в амбарной книге.

— Ну а ты?

— Что я?

— Пошли с нами.

— Мне нельзя. Я при дороге.

В погожий денёк сбежал Никита на лыжах в Ягодный. Ни в чём он покуда не нуждался, просто для интереса сбежал — не забыл ли его начальник. Почтовая девчонка протянула Никите конверт. Там были документы с необходимыми печатями. И зарплату ему за три месяца начислили. Сдержал начальник своё слово. Прикупил кое-что Никита в поселковом магазине и к вечеру был дома.

Прошёл год. Обвыкся Никита на своей дороге и места окрестные узнал.

Весной на ближнюю гриву ходил за черемшой. Про лук этот дикий он слышал от сибиряков, но сам никогда не видел и как хранить не знал. Самоуком до всего дошёл: мелко рубил черемшу, толлок, пересыпал солью, а после в погребном холодке она долго хранилась.

Летом часто отправлялся в распадок — трав от хворей поискать. Качались на ветру султаны иван-чая, тянуло медком от белого лабазника, над распадком плавал дурманный запах багульника. Отдыхал Никита всегда в рощице, подрастали там молодые весёлые пихточки — задушевное место.

По осени собирал он в ельнике грибы, на мхах искал чернику, на болоте — бруснику.

В реке водилась рыба — гольяны, окуни, ерши. Никита всегда был с ухой.

А в закатную сторону он не ходил. Там были топи, гари. По вечерам дикую эту глухомань накрывал туман, дрожали в тумане огоньки... Гиблые места!

Однажды он далеко забрёл от дома и наткнулся на брошенный лагерь: вышки для часовых, на столбах провисшая колючая проволока, мохнатая от ржавчины... "Недолгий век у колючей проволоки", — подумал Никита. Он не знал про этот лагерь, хотя догадывался, что не они одни мыкают горе в здешних краях. Никита стоял, наклонив голову, точно хотел услышать давно умолкшие голоса лагерников, потом прошёл в зону. Рыжий хвойный ковёр мягко проседал под ногами. Баня из лиственницы была ещё крепкой, а всё остальное — бараки, столовка, собачьи будки за столовой, свинарник — всё обветшало, развалилось... В бараках окна были выбиты, мох лез сквозь стены, доски кое-где сорвались с истлевших гвоздей. В одной из щелей Никита нашёл книгу, она стояла торчком, вплотную к обшивке. У кого-то здесь, видать, был тайник. Книга разбухла от сырости, держалась она на одной корке и корешке коричневой кожи. Другой корки и первых страниц не было. Сразу шёл рассказ про какого-то часового, засыпанного пеплом: "Он задохся от смрадных сернистых испарений, обрушившихся облаков пепла; тело его превратилось в прах, но память о нём жива и поныне".

На обратном пути Никита всё думал про этого часового. Вернувшись, он зажёл лампу, присел к столу и открыл книгу. После рассказа о часовом шли общие рассуждения, которые завершались не совсем понятным заключением: "Скромное смирение есть венец красоты".

Книга была старопечатная, с ятями (по такой бабка учила его чтению), язык был не нынешний, но Никита скоро обвыкся и почти ежедневно прочитывал на сон несколько страниц.

Какая-то дурь-трава, названия которой Никита не знал, затянула насыпь. Он отбил на рельсе полотно от ножовки, заточил, приладил к тонкой слеге и целый день косил. Пот ел глаза, ныло с непривычки плечо, а он махал косой, пока не наступил вечер. На свежей кошенине и заснул. Через неделю на дороге был порядок — обкошенная насыпь.

Как-то на исходе второго года, по первоснежью, наведалься Никита в посёлок сделать большие покупки: сахар, чай, спички, керосин. Денег на почте ему не выдали. Девчонка позвала начальника, тот всё объяснил: управление ваше расформировали, счета закрыли... Он развёл руками: мол, не обессудьте.

"Наше управление, — думал Никита, — наше...". Он не то что обиделся на молодого начальника или растерялся, наоборот, обрадовался. Значит, скоро нагрянут: не оставлять же добро медведям. В сарае под брезентом стояли две передвижные дизельные электростанции, вдоль дороги тянулись штабеля пропитанных смолою шпал, инструмент разный был на складе... Нет, негоже добро бросать.

Никита с удивлением замечал, что не страдает от одиночества. Сидя на краю земли, он, конечно, мечтал иногда увидеть рядом с собой живую душу, но не из тех (почему, он и сам бы не мог сказать), горькой жизни людей, с которыми тянул здесь срок. Хотелось видеть рядом кого-нибудь крепкого, весёлого, громкого. Он бы ему служил. Или, наоборот, — кого-то

беззащитного, слабого, вроде ледащего ленинградского поварёнка. О таком бы он заботился. Бывая в посёлке, прислушиваясь к болтовне баб в магазине или разговорам хмельных мужиков в чайной, Никита замечал, что часто не понимает их. Другие люди, жизнь другая, а он выпал из этой жизни.

Никита с облегчением возвращался на дорогу, в обжитое тепло, а когда видел за деревьями контору, угол свой, то почти любил его.

Никита читал:

“Как многое погибает для мира от недостатка небольшой доли мужества! В нас есть и готовность, и охота к делу, но нам не удаётся его исполнить. Так многое в мире обуславливается трудом и таково само положение мира, что всё кругом как бы немолчно твердит человеку: “Делай что-нибудь; трудись и делай!”. Бедный сельский священник, ведущий в своём скромном приходе неустанную борьбу против несправедливости, пороков, неправильного образа действий, словом, против всякого зла, имеет о долге понятия более возвышенные, чем те, какие когда-либо имел Александр Великий”.

Три года прошло с той поры, как навесил Никита замок на складской сарай. Свой участок дороги он содержал в порядке, ждал людей, но они что-то не торопились. Деньги у Никиты кончились. Он вспомнил о поселковом базарчике и начал собирать орехи и сушёные ягоды. Это был, конечно, не товар для посёлка, который и назывался-то Ягодным. Проще было взять на складе телогрейку — покупатели бы нашлись. Никита нашёл эту мысль праздною. Орехи у него были ядрёные, ягода добрая, и торг удачный вышел.

Весёлый вернулся Никита домой. Принёс он из посёлка щенка, купленного у пьяного собачника. Думал, оберега будет, а щенок утянул в тайгу да и сгинул там, несмышлёныш.

Никита собирался сесть за уху, когда дверь неожиданно распахнулась. Двое внесли человека, накрытого дождевиком. Ни слова не сказав, быстро осмотревшись, они положили ношу на койку. Это была молодая женщина, белокурая прядь выбилась у ней из-под платка, глаза были закрыты.

Черноусый румяный парень сел на скамью у стены, сорвал с головы шапку.

— Ах ты, чёрт! — весело сказал он. — Что я тебе говорил, Костя? Что говорил! А ты: байки! — он повернулся к хозяину. — Нам про тебя, дед, в посёлке рассказывали.

— Какой я вам дед, — обиделся Никита.

— Ладно, батя, не журись. Тебя в Ягодном уважают. Ты здесь как дух местности.

— Как лохнесский змей, — сказал Костя.

Про змея Никита не понял, а всё остальное ему растолковали. Женщина была поварихой в геологической партии. Схватила простуду (“Жесточайшую”, — сказал Костя) — жар, беспомыслие...

— Мы там все чихаем, — продолжал черноусый, — у нас палатки на болоте. И вертолёт не вызвать — передатчик сел... Слушай, отец, — торопливо заговорил он, — слушай... Ей уход нужен, тепло. Она сильная, отойдёт. — Он выгреб из кармана упаковки лекарств, перебрал их. Вот аспири́н, антибиотики... Но главное — тепло. Есть у тебя тулуп?

— Найдётся.

— Отлично. Сочини ей чаёк, отвар какой-нибудь, укрой... А нам спешить надо, нас ждут, лишних рук у нас нет. Мы до снега должны скважину кончить.

Парень нахлобучил шапку.

— Да, кстати, звать её Ольгой.

— Похлебали бы ушицы.

— Ушицы? — парень растерянно огляделся. — Горячего неплохо. А, Костя?

— Давай, Холин.

Никита решил, что этот Холин, высокий, сухокостый, с блестящими карими глазами, начальник экспедиции. Не отдал девку другим, сам понёс. А как же! За чужую жизнь отвечать надо.

Геологи хлебали уху, не снимая шапок. Никита наблюдал за ними: заросшие, усталые, молодые...

Они поднялись.

— Спасибо, отец. Прости и прощай! И не горюй. Всё будет хорошо.

Парни ушли, а голоса их продолжали звенеть в избе: отвар... сочини... лохнесский змей... прости и прощай...

“Господи, — подумал Никита, — я отвык у себя от человеческих голосов”.

Женщина на кровати постанывала. Трижды он давал ей лекарства, заставляя выпить отвар из трав. Она глотала питьё и тотчас же откидывалась на подушку.

К ночи её прошиб пот. Надо бы девке сменить бельё, да как скажешь. Никита начал ей тихо втолковывать... Она не дослушала, быстро разделась и протянула ему в горсти платье, рубашку, все эти бабы причиндалы на резинках и тесёмках. Никита отдал ей свою сменную рубаху, она залезла в неё, натянула одеяло и отвернулась к стене.

Никита выстирал её одежды, развесил у печки и открыл книгу:

“В лице капитана Риу мы имеем один из наиболее ярких образцов добросовестного командира, не покидающего до последнего конца вверенного ему корабля. Во время плавания в Индийском океане судно его случайно ударило во время густого тумана о ледяную гору. Крушение, очевидно, было неизбежно. И днём и ночью, не переставая, работали при помпах, выкачивая воду. Всякая ненужная тяжесть пошла за борт; пушки, ядра и провиант, всё было выброшено в море. Но несмотря на все старания, на корабле после сорокачасового непрерывного труда раздалось роковое приказание подать шлюпки. При этом слуга капитана Риу, подойдя к нему, спросил его, в которую из лодок думает он сам сесть, на что Риу ответил: “Ни на которую: я останусь на корабле, спасу его, если смогу, а нет, то вместе с ним пойду ко дну”. Шлюпки отплыли, и Риу остался на корабле с одною половиною экипажа. Большая часть лодок погибла, но корабль спасся. Благодаря искусству опытного капитана и изумительному мужеству матросов корабль в течение восьми недель продержался на воде, пока наконец не напал на след голландского китобойного судна, которое приняло его на буксир и отвело в Столовую бухту”.

Никита ещё лежал на лавке, когда женщина поднялась.

— Ушёл Холин, — говорила она, одеваясь, — бросил. Ах, волчина! — потом заметила Никиту. — Поесть, — сказала она.

Пока Никита жарил рыбу и кипятил чай, гостя всё пыталась выяснить, на каком она зимовье. Никита рассказывал ей про дорогу.

— Ты что, мужик! — она не понимала, о чём он толкует. — Я третий год хожу с геологами. Здесь нет никаких дорог!

— Как же нет, — говорил Никита. — Я на дороге служу. Её давно начали строить, а как Хозяин помер, оказалось, что дорога не нужна. Бросили всё — технику, бытовки, инструмент... А меня, значит, оставили добро стеречь. Я согласился. Как дорогу без огляду оставить?

Она поела рыбы с грибами, долго пила чай. И снова уснула. Дышала ровно, лоб у неё был чистый, холодный.

“Слава богу, — подумал Никита, — оклемалась”.

Вечером, попив чаю с сухарями, гостя вернулась на койку, а Никита принялся выискивать себе заделье. Скоро он опять сидел на лавке, штопал ватник. Она, подперев голову рукой, молча глядела на него.

Звенел в лампе выгорающий керосин. Оба молчали. Наконец она сказала: — Что ты там маешься, иди сюда.

Она обняла его — руки гладкие, холодные (здоровая!), прошептала: “Выходил!” — и поцеловала. Губы у неё были сухие, горячие. Она прижималась к нему, гладила волосы и грудь, целовала, шептала что-то бессвязное. Горячее дыхание, ищущий язык... Она была сильной, умелой в ласках. Вдруг заметалась, затосковала, застонала, потянулась и мгновенно уснула.

Поднялись они, когда солнце уже за окошко ушло. Так поздно Никита никогда ещё не вставал.

Теперь каждый день был ему в радость. Закончив привычные дела, выполнив немудрёные обязанности, которые сам себе положил, Никита весёлый возвращался домой, Знал: ждут.

“И голыш не без праздника”, — думал он. Никита снимал пимы у порога, а она, сидя на койке, спросила:

— Выпить есть у тебя?

— Сейчас, — заторопился он, — сейчас принесу...

— Выпить, я говорю.

Поник Никита. Вина он не любил. Табачок — единственная утеха. Да и от него скоро отвык: в поселковом магазине другого табаку не было, кроме дорогих кислых папирос.

Последние дни Ольга почти не вставала с постели, сидела с ногами по-верх одеяла, молчала, глаза пустые. Говорила нехотя, сама не заговаривала.

— Я чаёк заварю, — виновато сказал Никита, — с травкой...

— Пошли в посёлок.

— Нельзя мне. Я при дороге. Скоро люди приедут.

— Они три года едут...

— Мало ли что. Вернутся. Дорогу — это не сигарку бросить.

— А человека?

— Что человека? — не понял он.

— Человека можно бросить?

Никита молчал. Про себя он не умел сказать. Он уже не помнил, что бы кто-то спросил: “А ты как, Никита?”.

— Чаёк поспел, сейчас пить будем.

— Чаёк! — взорвалась она. — Травка! Ушица! Тебя ничем не проймёшь. Ты хоть знаешь, что другая жизнь есть, богатая... — Она поморщилась. — Я не о деньгах. Другая, счастливая... Понимаешь, о чём я говорю?

— Видать, у меня планида такая, — сказал Никита. — А одни сласти есть — горечь как узнаешь?

— А на кой ляд она тебе, эта горечь?
— Так ведь жизнь это!
— Какая к чёрту жизнь! Ты и не видел ничего.
— Как не видел? Края чужие видел, людей разных, добро...
— ... и зло?
— Видел и зло. Всё одно к одному — жизнь.
— Да ну тебя, — лениво сказала она. — Хороший ты мужик, Никита, добрый... Но пресный. Куража в тебе нет.

Утром Никита ходил на ближнее озерко, а когда вернулся, Ольги не застал. Ушла. Он это сразу почувствовал, ещё даже не хватившись лыж. Другой была тишина в доме, недоброй... Точно укор. И не то было обидно, что лыжи взяла, а что не сказала ему ничего. Не стал бы он её держать, молодую. Ей жить надо было, любила она жизнь.

Никита слонялся по дому, не зная, куда себя деть. Он достал с полки книгу, присел у окна.

“Есть много мелких добрых дел, которые лучше знакомят нас с истинным характером человека, чем целые потоки громких фраз. Совершать добрые поступки нетрудно, а между тем влияние таких поступков многим переживает нашу кратковременную земную жизнь. Никакое доброе дело никогда не пропадает вполне. Ничего не умирает”.

Никита отшвырнул книгу, взял лопату и пошёл чистить путь. Помахал лопатой, да что-то непривычно скоро притомился.

Дома было тихо, пусто. Кусок не лез ему в горло. Никита пошвыркал чаю с сухариком, задул лампу и полез под одеяло.

Проснулся он в жару, дышалось с трудом, язык был, как наждак, саднил, в горле сухо першило. Он снялся с кровати, зажёл лампу, пошарил на полке, нашёл таблетки... Лампа качалась и плыла. Он упал на спину, провалился в удушливое забытьё...

Никита открыл глаза. Свет лампы дрожал на потолке, стучал за окном поезд — лязг, звон тарелок, затихающий, замирающий одинокий гудок... Прошёл! Никита точно знал, что был его паровоз, только не мог вспомнить, где он видел этот паровичок — махонький, с высокой трубой и квадратным фонарём в голове. Неужто его вовсе не было! Он промаялся ночь, вспоминая, где видел его — чёрного, как грач, с красными колёсами, и лишь под утро, точно наяву, точно в ярком свете летнего полдня, увидел родную станцию и на задах мастерских, в тупике, паровоз серии “О”.

Днём, преодолевая слабость, то и дело присаживаясь и переводя дух, Никита истопил баню, приготовил отвар из таёжных трав.

Спал он до вечера, а проснулся с непривычной лёгкостью в теле, слабый... Зато голова была свежей, и он захотел есть.

В этот раз Никита целиком прочитал главу “Героизм добрых дел”.

Однажды — день был синий, с высоким небом — над дорогой завис вертолёт, шевеля на солнце лопастями винтов — чисто стрекоза! А когда сел, на головастика стал похож. Из кабины выскочили весёлые мужики. Молодые — все с бородами, а те, кто постарше, те без бород — чудные люди!

Они спорили, не замечая Никиту. Особенно бушевал цыганского вида мужик без шапки, в распахнутой куртке на меху. Спор у них вроде нешуточный, а все скалятся.

Наконец, они увидели Никиту.

— Дед! Так ты и в самом деле существуешь? Колоссально! Показывай свою дорогу.

К Никите подошёл Холин, тот черноусый, красивый, с блестящими глазами геолог.

Только румянец больше не полыхал у него на щеках. Были они серые, сморщенные. “Недавно обморозился, — понял Никита. — Ну да ничего, на нём заживёт”.

— Чего это вы здесь разлетались? — спросил Никита. — Вчера две машины прошли на север.

— Нефть нашли.

— А с дорогой что?

— Дорогу строят. К твоему участку идут с двух сторон,

— И техника есть?

— Технику завезли.

— Завезли?

— Ну да. С моря, по зимнику.

— Холин, — сказал Никита, помолчав, — что с Ольгой?

— Всё в порядке. Выходил ты её, отец. Спасибо. Шарится с нами по гнилым углам. Всё в порядке.

Людно стало на дороге, шумно.

На Никиту больше не глазели, не лезли с расспросами — он был одним из строителей. Заходили на склад, спрашивали что по делу. Если получали — расписывались и уходили. А если чего не было — ругали Никиту:

— Ты, дед, не сиди. Ты их тормози, снабженцев.

Прибегала дрезина. Осмотрели насыпь, тележку потаскали по рельсам, промерили колею.

Рельсоукладчик приходил.

Утром как всегда Никита стоял у складских стеллажей. Он напрягал глаза, листая амбарную книгу. Начал замечать Никита, что зрение у него слабеет.

Здесь его нашёл Холин.

— Сейчас поезд пойдёт, — сказал он. — Иди встречай. — Он протянул Никите чехол с флажками.

— Чего это вы? — Никита шурился в полутьме сарая, будто не узнавал Холина. — Я не начальник станции. Моё дело — инструмент выдавать.

— Ладно, отец, иди...

Никита услышал знакомый звук: поезд стучал на стыках.

Из-за елей показался локомотив. Таких Никита ещё не видел — тепловоз.

Локомотив был весь в кумаче и еловых лапах, его облепила молодёжь. На подножке висел парень с кожаным сундучком и фотоаппаратом.

Тепловоз выбросил бледное облако дыма и весело крикнул.

Никита достал флажок.

Скалился в будке машинист, парни на платформах приплясывали, махали руками, пели.

Никита стоял прямо, старался, чтобы рука была твёрдой, не дрожала. Только глаза у него слезились. От ветра, должно быть.

Состав — тепловоз и три открытых платформы — исчез за поворотом, оставив за собой пустоту. Никита вспомнил себя ребёнком. Такую же беспокойную, тревожную пустоту оставлял промчавшийся поезд, когда Никита ходил на станцию смотреть паровозы.

Марина ТАНАЕВА

“Рассыпался
по переулкам дождь...”

Закраться!

Парчовый вечер — на плечах.
Закраться прочь, в стихи и келью,
Пусть старый мир кругом зачах,
И сыплет дождь, больной с похмелья.

На площадях — разврат и страсть,
Во взглядах — мрачная истома.
О, Господи, не дай мне пасть
В таком большом публичном доме!

Эпизод

Рассыпался по переулкам дождь,
Не удалась грозы инсценировка.
Импрессия, депрессия и дрожь.
Побег, паденье, розыгрыш неловкий.

В залитом парке отцвела сирень,
Одно спасенье — старая беседка.
Бескрылый ангел и безликий день.
Назойливая ненависть-соседка.

Тела, дела...Живут спеша, греша...
Обмен Любви на лоскуточки страсти.
Ничем не замутнённая Душа
Запуталась в сетях бесовской власти.

**Марина
ТАНАЕВА**

в поэзии не новичок. Её стихи выходили отдельными изданиями, печатались в альманахе "Тобол", журнале "Сибирский край", областных и городских газетах. Читатель полюбил пронзительную исповедальную манеру письма М. Танаевой, принял душой многие её темы, накрепко связанные с живой современностью. Член Союза писателей РФ. Работает в школе. Живёт в Кургане.

Jedem — das seine

Панцирь, нарисованный на коже,
“Дон Кихот” с закладкой, дневники.
Ценности: дешевле и дороже,
И каналы ласковой тоски.

Парадокс отвергнутого лета,
Неудачи несколько слоёв.
Оперой не станет оперетта,
И не надо. Каждому — своё.

Ночь в Берлине

Берлинской ночью, тёплой, сонной,
Я шла по улицам одна.
Под неудобным небосклоном
Дремала странная страна.

Напрасно силилась согреться
За чаем в маленьком кафе.
На фотографии у сердца —
Смешной мальчишка в галифе.

Уже не плачет мать о сыне,
Но светлых слёз не скроет мгла.
Мой дед, дошла я до Берлина,
К Рейхстагу за тебя дошла!

Между...

Антарктической зимы
Резкий холод в кабинете
Аккомпанементы тьмы.
И прозрения о лете.

Где-то протекает кран,
По аллеям нервы вьются.
В сердце — ты и ресторан.
И пора бы мне проснуться.

Мир окончился давно.
Я — меж адом и меж раем
Пью дешёвое вино,
О французском вспоминая.

Отчаянные мысли

Дни становятся короче,
Сны становятся абстрактней.
Старость зеркало пророчит,
И морщины всё бестактней.

Август злой, со звездопадом,
Листья — в прошлое записки.
Пусть по-прежнему ты — рядом,
Не могу сказать: ты — близко.

Мысль отчаянная гложет,
Мысль, с которой мне не страшно:
Ты найдёшь себе моложе.
Я найду себе постарше.

Прощанье

Стильно-вольно-маникюрно
Прилечу к тебе гламурной
Синегазо-растворённой
Глупой куклой набелённой.

Бросишь ты небрежно: “Занят!”
Улыбнись в ответ глазами.
Вспыхнет золото на пальцах.
Я пришла с тобой прощаться.

Не жалко

Мне уже себя не жалко:
Шах и мат, и ночь в глазах.
Не спасёшься в полушалке
В антарктических снегах.

Люди, люди! Всё вам мало.
В темноте горят глаза
Стук — и голова отпала,
И не плачь по волосам.

Доживаю в сени хама
И не плачу о себе.
Только свечи ставит мама
О загубленной судьбе.

Владимир БРОЗИНСКИЙ

Обыкновенная история

Рассказ

Скорость была достаточно высокой, но почти не чувствовалась. Сергей Петрович расположился на заднем сиденье своего "Ландмайера" и привычно "прокручивал" рекламный проспект.

Это автомобиль, который неприлично водить самому. Кроме того, дурным тоном будет спрашивать о его технических характеристиках, ибо каждому известно: "Ландмайер" безупречен. Однажды он выберет Вас и сделает частью своего пространства, тогда Вы без сожаления отбросите устаревшие ощущения, которые обыватели называют "комфорт" и "престиж". Говорите шёпотом — Вас услышит весь мир, потому что мир — всего лишь картинка в роскошном иллюминаторе Вашего "Ландмайера".

Итак, дорога домой по темноте, под октябрьским нудным дождём. Свернули с шоссе, въехали на охраняемую территорию элитного посёлка. Вот уже показался дом работы архитектора Павла Ушакова.

Ушаков — наиболее авторитетный специалист в области дорогостоящих частных проектов. Его дома выделяются роскошью и необычностью даже в самых богатых кварталах Майами и Лос-Анджелеса, не говоря уже о Москве. Посмотрите на любой дом Павла Ушакова — Вы почувствуете прикосновение лёгкой руки гения, оживившего камень, стекло и дерево.

Сергей Петрович отпустил водителя и охранника, хотел задержаться на крыльце, подышать воздухом, но противная слякоть заставила поскорее открывать дверь от "Барбаро́".

Человек привык, что вещи молчаливы и пассивны. На стуле сидят, из чашки пьют, другого назначения у них нет. Это скучно. Дизайн-группа "Барбаро́" предъявляет к вещам те же требования, что и к людям: чтобы они были личностями, осознавали себя. Бронированная дверь от "Барбаро́" — не просто образец надёжности, она имеет свою гордость, рассказывает свои истории, вступает с человеком в спор или игру, поддразнивает его. Распечатать герметизм вещей — вот задача "Барбаро́". Мы предлагаем Вам не просто дверь, а выход из тупика.

Владимир БРОЗИНСКИЙ

родился в 1968 году в Оренбурге. С 1982 г. живёт в Кургане. По профессии — художник-оформитель. В 2005 г. пришёл в литературную студию КГУ под руководством В. Ф. Потанина. Примерно в то же время состоялись и первые публикации в курганских газетах и журналах, а также подготовка сборников "Белые улицы" и "Проект Иерихон — XXI".

А дождь всё идёт, идёт. Дома пусто: жена и дочь уехали развлекаться. Сергей Петрович стоял в своей богато обставленной прихожей.

Шкаф “Гвидо Тибальди”,

в сезоне роскоши особенно актуальными становятся незаурядные решения. Это с блеском демонстрирует эксклюзивная мебель от “Гвидо Тибальди”. Интригующее сочетание изысканно-ломких линий, полифония вертикальных элементов, утончённое таинство внутренних объёмов — с привкусом лёгкого разврата — всё это воссоздаёт атмосферу загадочной изменчивости, характерную для дворцов старой Флоренции и Тосканы.

“Гвидо Тибальди” соперничал в стильности с зеркалом “Доминион” — убедительный акцент Вашего интерьера. Посмотрите в эту идеальную, волшебную глубину — и Вам станет ясно: отныне Вы заражены прямой, очаровательной инфекцией спиритизма, ностальгии по готике. Зеркало “Доминион”. Вы не просто красивы — Вы прекрасны.

А за этим соперничеством свысока наблюдали светильники “Одэрито”

— это фантазии на тему эротической тяги к противоположному. Нежность распустившегося цветка сливы в объятиях смертоносной самурайской стали, неповторимая изысканная сложность иероглифа в сочетании с правдивой прямоотой классической геометрии. Истинное дерево — то, которое не плодоносит, истинные цветы — те, которые не пахнут.

А дождь всё не утихает. Льёт с самого утра, и жизнь от него кажется нарисованной не на белой, а на серой бумаге, к тому же мокрой. Вошёл в малую гостиную, прошёл по ковру.

Подлинный туркменский ковёр нельзя назвать вещью. Это песня бескрайнего звёздного неба и шорох цветов на горных склонах, это вселенская мелодия, которую выводит караванщик, тоскующий о далёком доме, это гордость и смелость отважных воинов-всадников, запечатлённая руками мастеров, равных которым не сыскать. Подлинный туркменский ковёр — повелитель всего интерьера, он только дорожает с каждым десятилетием. Поэтому Ваши внуки станут обладателями настоящего сокровища.

Да... внуки... у Маринки к восемнадцати годам уже два аборта. Похоже, чёрта с два мы дождёмся внуков. Сегодня с Сергеем Петровичем произошла одна странность. Около полудня, когда мешанина из рутинных встреч, совещаний, звонков была пережёвана едва наполовину, ему вдруг вспомнилась строчка из какого-то стихотворения: “... Или в тончайший, им воспетый дождь...”. Унылая картина за окном подействовала, скорее всего. И вот эти неизвестно когда и о ком сказанные слова приклеились к нему намертво. Не получалось ни выбросить их из головы, ни вспомнить начало и продолжение. Он упрямо повторял и повторял: “... тончайший, им воспетый дождь...” — даже губы иногда стали шевелиться. К концу дня неожиданно всплыла предыдущая строчка, навязчивый рефрен стал длиннее: “Он превратился в жизнь дающий колос или в тончайший, им воспетый дождь”. Кто? Почему превратился? Что дальше? Нет ответа. Странно — раньше хорошо помнил множество стихов...

Отвратительный студёный поток воды лился с небес, забирался за шиворот одинокому дому, а его хозяин сидел в кресле “Отто Маркус”.

Людям поверхностным мебель “Отто Маркус” кажется нагромождением материалов и фактур, сумбурным смешением стилей и цветов. Но за всем этим — тонкий вкус, жажда острых ощущений, экзотическое гурманство. Такое может себе позволить только незаурядная личность...

Он повторял как заведённый: «он превратился... он превратился...».
 Дождь идёт куда-то. Уходит. Уходит. Стихи уходят из памяти первыми.
 Огляделся. Роскошные вещи вокруг. Акустика «Блаундрот»

воспроизводит звук не таким, как Вы хотите, а таким, какой он есть,
 плазменная панель «Пао» — ваше восприятие жизни изменится, жур-
 нальный столик, фирма «Плутарх» использует для столешницы уникаль-
 ное реликтовое дерево возрастом более 30 миллионов лет. «Плутарх» —
 это вечность под ... —

пришлось заткнуть уши.

Статус. Стиль. Вкус. Вкус серой размокшей бумаги во рту. Жена наверняка
 уехала в клуб «Леди Чаттерлей», а дочь — в свой любимый «Апартеид». Перезрелая
 шлюха пошла тратить мои деньги на молодых самцов. Молодая шлюха пошла тра-
 тить мои деньги на таких же самцов, только бесплатных.

Стихи. Стихи тоже ушли — видимо, навсегда. А две бесполезные строчки
 остались, чтобы причинять боль. Поэзия оставляет своё жилище внутри челове-
 ка и начинает служить вещам, говорить их голосом.

Душно как. Захотелось раздеться. Неохотно подчиняясь, на пол отправились:
 пиджак от Лоренцо Уно, ботинки от Массимо, носки «Анфан»

(современная культурная парадигма категорически запрещает ста-
 реть. «Анфан» вернёт Вашим ступням молодость),

рубашка «Жан-Пьер Перро» —

респектабельная одежда с долей оптимистического абсурда
 и всё, всё остальное, вплоть до часов «Мюрто» —

единственное украшение для роскошного мужчины.

Уф!.. Стало чуть легче, но всё равно состояние было похоже на тяжёлое похме-
 лье. В течение дня пил коньяк «Эмбасси» — атрибут самодостаточного...

Стоп! Просто коньяк! Бухло! ...Так вот, пил коньяк, не чувствуя приятного
 расслабляющего опьянения, а похмелье — уже тут как тут. «Он превратился... пре-
 вратился...». Как же он так превратился и что было дальше?

Осознав окончательно, что ответы на эти, самые важные в жизни, вопросы
 он уже никогда не получит, Сергей Петрович тяжело поднялся и побрёл в угол к
 встроенному шкафу, вернулся, сел, держа пистолет «Тауэрс».

Настоящий мужчина иногда должен почувствовать себя всемогущим!

После секундного колебания приставил пистолет к виску. Попытался вспо-
 мнить девичью фамилию жены. Не получилось. Упёр дуло снизу в подбородок.
 Закрыв глаза. Нажать на курок тоже не вышло — рука не повиновалась. Развер-
 нув, взял пистолет двумя руками, направил его себе в лоб и, глядя в чёрное отвер-
 стие, в отчаянном усилии спросил: почему так произошло? Про кого сказано «Он
 превратился в жизнь дающий колос или в тончайший, им воспетый дождь»?

Пистолет выстрелил неожиданно, кажется, сам собой.

Пуля пробила тонкую обложку, раздался свист, и голый человек на кресле
 стал сдуваться, из него выходил то ли некий газ, то ли просто затхлый воздух.
 Фигура съеживалась, становилась плоской. Вскоре на кресле висела лишь какая-то
 нелепая розовато-белёсая тряпка. Через несколько минут и она стала растворять-
 ся, таять. Остался только тяжёлый запах, но тут включилась система кондициони-
 рования и очистки воздуха «Крокус Эйр» —

волшебный шёпот настоящего горного воздуха становится доступ-
 ным благодаря безупречной работе этой системы. Дышите полной гру-
 дью, ведь отныне Ваш дом — островок целительной чистоты и свеже-
 сти посреди пыльной вселенной современного мегаполиса...

Сергей БОЙЦОВ

“Торжественный сияет небосвод...”

Полнолуние

Огромная луна из-за недвижных сосен
С юго-востока поплыла.
К полуночи сгорит свеча, и сердце спросит:
— Скажи, не так ли жизнь прошла?
Не так. Стучи тик-так или тук-тук, неважно.
Следи, как движется луна.
Смотри, она плывёт размеренно и важно:
Так жизнь проходит, как она.
Колелеблется огонь, дрожит и утасает,
Торжественный сияет небосвод.
Кузнечики трещат, и вечность отряхает
Прах догоревших звёзд на огород.

Непохищение одалисок

Эти белые крыши, как Брейгель
И Кустодиев, — это зима.
Ивняковый оглоданный бредень —
Это осень — за нею зима.
За зимою весна — от весны до весны.
До весны снятся разные глупые сны.
Но милее мне лето
С комаром, мошкаррой,
Всё к светилу воздето,
И парит перегнутой,
Тыква бредит сравняться с луной.
Это лето, оно не воспето

Сергей БОЙЦОВ

родился в 1957 году в Кургане. После школы служил в армии, работал на курганских предприятиях фрезеровщиком, слесарем, кочегаром. Он и сейчас работает обрубщиком литья на “Курганмашзаводе”. В 1991 году был редактором газеты областного отделения Фонда культуры. Одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького в семинаре Александра Межирова (закончил институт в 1993 году). Печатался в областной периодике, журналах “Урал”, “Каменный пояс”, “Византийский ангел” (Киев), “Новый журнал” (Нью-Йорк), альманахе “День поэзии” (Москва), в коллективном сборнике “Дозор” издательства “Молодая гвардия”. В 2006 году издал свою первую книгу — “Осенний рифмовник”.

Ни тобою, ни мной.
 Почему — потому что потели
 Мы в растрёпанной мятой постели,
 Проклиная ниспосланный зной.
 Огурцы нарастали.
 Перцы тоже весьма удались.
 Мы ж роптали,
 Потных сих чтобы не похищать одалисок.

Не поедем

О! куда не поедем — ведь мы уже здесь.
 Птицы небесные с нами — иволга и кукушка.
 Розовопёрстые зори с маленькой ночью играют.
 Бросит одна чёрный мячик,
 Другая, поймав, убегает
 И растворяется в яркослепящем просторе.
 Нет, не поедем на море — там жарко, и бледные шведы
 Пляж наполняют с обеда и до победы
 В смысле загара, и кремом для тела
 Пахнут песчаные пляжи.
 Пахнут кремнистые скалы
 И губернатор-негр даже,
 В общем, печальное дело
 Эти туризма оскалы —
 Стрессы да абордажи.

Из Рильке

I

Nein, ich vergesse dich nicht...

Нет, я тебя не забыл,
 Смодкла бы лира.
 Ты Купиной мне светил,
 Первенец мира.

Жизнь заberi — ни одно
 Жалкое слово

Всё, что тобой вменено,
 То и основа.

Ты не услышишь в упрёк,
 Знаю, ты вправе.
 С кем б я сравнить тебя мог
 В Силе и Славе?

II

Herbst

Листва летит, редуют тополя,
 А кажется, завянул сад небесный,
 И облетает, звёздами пыля.
 К первоначалу падая из бездны,
 Летит сквозь тьму тяжёлая Земля.
 Перо из пальцев выронит рука.
 Мир рушится и гибель понимает.
 А там, внизу, один, кто всех поймаёт
 В ладонь большую, вроде гамака.

Виталий НОСКОВ

Обитель Далмата

В 1987 году в городе Кургане несколько человек объединились к идее вернуть Русской православной церкви Далматовский Свято-Успенский монастырь.

Герман Алексеевич Травников с дочерью Юлией подготовили на пишущей машинке три комплекта документов, необходимых для создания церковной общины — так называемой двадцатки, и я выехал в районный центр. Город этот, бывшая крепость-монастырь, в XVII—XIX веках играл выдающуюся роль в гуманитарном и нравственном развитии зауральского общества. Но в Курганской области немногие помнили, что первая в Зауралье школа была создана в Далматовском монастыре. Первая лекарская келья, библиотека, иконописная мастерская, архив, приюты для больных монахов и сирот — всё это родилось и восторжествовало в монастыре, где захоронены мощи преподобного Далмата, местночтимого святого, духовного покровителя русского воинства и множества благородных начинаний на зауральской земле.

В Далматово я искал людей, способных дать ход привезённым от Травникова документам: два комплекта ушли в никуда, а третий я вручил краеведу Зое Ивановне Матвеевой — создателю музея Далматовского района. Зоя Ивановна нашла нужных людей, сплотила их, и дело по созданию церковной общины в городе Далматово пошло.

В те трудные годы — 1987-1989 — Г. А. Травников возглавлял Курганское областное отделение Всероссийского Фонда культуры, и программа церковного восстановления Свято-Успенского монастыря стала приоритетной. В Далматово было создано "Общество спасения Далматовского монастыря". Фонд культуры и "Общество спасения" отбили решение Далматовской администрации о размещении на территории монастыря стоянки большегрузных автомобилей и ГАИ. Курганский предприниматель Юрий Николаевич Аникин выделил личные средства на реставрационную документацию и способствовал её разработке. Общими усилиями — выезжали Г. Травников, Ю. Аникин, В. Носков, Б. Карсонов и областное

Виталий НОСКОВ

родился в Кургане в 1950 году, окончил Литературный институт им. А.М. Горького. С 1976 года живёт в Москве. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии "Сталинград" Союза писателей России и Волгоградской областной администрации, премии губернатора Курганской области в сфере литературы и искусства за 2001-2002 гг., дважды лауреат премии МВД России в области литературы. Ветеран боевых действий в Чечне. Кавалер ордена Мужества. Публикуемые заметки посвящены восстановлению Далматовского монастыря и участию в этом деле заслуженного художника России Германа Травникова.

телевидение — удалось остановить варварский самострой в церкви Всех Скорбящих Радосте. Герман Алексеевич Травников написал первую после преступного разрушения Далматовского монастыря икону преподобного Далмата, и это событие способствовало тому, что в Далматово церковная двадцатка начала особенно призывно поднимать людей на добрые дела.

В Кургане на пользу Далматовского монастыря трудились художник Герман Травников, предприниматель Юрий Аникин, искусствовед Евгений Шерстобитов. В Далматово самыми добрыми соратниками Фонда культуры стали Зоя Ивановна Матвеева и ныне покойный подвижник, фронтовик Аркадий Андреевич Жернаков.

Большую помощь в подготовке газетных статей об истории обители оказывали историк Борис Николаевич Карсонов, открывавший всё новые и новые исторические источники в архивах и библиотеках страны, и Юрий Николаевич Аникин — он оплачивал командировки в Далматово.

Герман Алексеевич Травников в ту пору был душой нашего небольшого коллектива единомышленников. К нему можно было обратиться в любой час и день — за советом и утешением. Он, как добрый пастырь, всегда мог найти нужное слово, обогреть. Сложностей политического, административного характера вокруг дела возрождения монастыря было множество, но они преодолевались общими усилиями. За Германом Травниковым был огромный жизненный опыт, он хорошо понимал власть, а власть считалась с его известностью и социальным статусом.

Герман Алексеевич стал победителем также и в деле передачи собора Александра Невского православной церкви. Именно он сумел из рук в руки вручить Раисе Максимовне Горбачёвой — жене Президента СССР письмо-просьбу о возвращении уникального курганского храма.

Сегодня Далматовский Свято-Успенский монастырь действует, окормляет людей. Мощи преподобного Далмата подняты из руин, окружены почётом.

... Жителям Далматово хотелось, чтобы монастырь был восстановлен разом и представлен им как на праздничной открытке. Но в этом городе по-прежнему мало подвижников его возрождения. Народ слабо воцерковляется, местные школы не поднимаешь на субботники — хотя бы по очистке от мусора монастырского двора. Лучше других себя ведёт районная газета.

С первых дней восстановления монастыря газета — помощник всех, кто любит обитель Далмата, чтит память её создателей и строителей.

Есть свидетельство: старец-провидец отец Николай (Гурьянов) с острова Залит на вопрос, какова же будет судьба Далматовского монастыря, ответил, что Далматов монастырь возродится во всей своей мощи и красоте благодаря подвижникам, имеющим талант, светлую душу, социальную смелость и благородное сердце. В первую очередь он, конечно, говорил о заслуженном художнике России Германе Алексеевиче Травникове, Аркадии Андреевиче Жернакове, Зое Ивановне Матвеевой, Юрии Николаевиче Аникине и о тех тружениках — настоятелях, монахах, реставраторах, трудниках, — кто сегодня ежечасно заботится о монастыре, живёт в нём, восстанавливает его красоту и былое величие.

Турсынбек МАЛИКОВ

Лавина

Тихо-мирно стекал с ледников ручеек, ласкал слух обитателей горы звонким нежным журчанием, утолял жажду ёлочек и берёзок холодной и вкусной влагой, сглаживал морщины старых камней. Беззаботно нёсся он, окружённый любовью, и от того становился ещё веселей и краше.

Но в один момент он разлетелся в мелкие брызги, больно ударившись об грозный большой камень, перекрывший ему путь в низину в долгожданные тёплые края, устланные благоухающими цветами и травами. Ринулся, было, налево — тоже камень, направо — тоже. Метался, метался ручеек, но везде эти бездушные серые камни, стало ему душно и плохо.

— Друзья мои, ну дайте мне дорогу, я же ничего плохого вам не сделал, вы же так любили меня, — умолял он.

Но серые камни были равнодушны, а один из них строго вымолвил:

— Слишком ты шумный, мешаешь нам отдыхать, будь серьёзнее.

Ручеек послушно замолчал и затих. Но довольно скоро он начал чувствовать, что из резвого ручейка стал превращаться в послушную и тихую заводь. Но воды, прибывавшие сверху, накапливали в нём силу и злобу и, когда стало невмоготу, он воскликнул:

— О, камни! Ведь в течении смысл жизни ручья! Вы же не даёте мне жить! Простите меня!

И пошёл он бурлить со всей силой, встрепенулся, завертелся и поднялся над серыми камнями, с бешеным рёвом стал топтать и опрокидывать всё, что попадалось на его пути. От добродушного и ласкового ручейка не осталось и следа, превратился он в уничтожающую всё на своём пути лавину.

Нет, он больше не улаждал слух журчанием, не гладил морщины старых камней, а опрокидывал их с большой высоты, разбивая вдребезги. Как бешеный, срывал молоденькие берёзки и ёлочки и нёс их вниз, смешивая с грязью, извергая от злости пену и швыряя всё оземь под свой грозный хохот, рёв и плач.

Слово и истина

Попытка человека выразить всё то, о чём он думает, и тем более, что он чувствует, в словах, была изначально утопичной, хотя эта попытка безуспешно продолжается и продолжается, увеличивая объём словарей. Всё то, что происходит у него в уме и особенно в душе, конечно, невозможно выразить теми ничтожными десятками тысяч различных звуков, называемых словами. Разве слова “да” или “нет” могут нести в себе то невообразимое количество содержания, оттенков смысла и эмоций, для передачи которых они произносятся? Несколько точнее передаётся информация в совокупности слов с интонацией, мимикой и особенностями характера того человека, который их произносит, и другими невербальными средствами выражения мысли. К тому же очень часто слова имеют предназначение скрывать, а не передавать какую-то идею, информацию.

**Турсынбек
Сабирович
МАЛИКОВ**

— доктор педагогических наук, профессор, почётный работник образования Республики Казахстан, действительный член Международной академии информатизации, заведующий научно-исследовательской лабораторией дидактики математики Кокшетауского университета.

Всё это создаёт такой сумбур в понимании их значения, что нелишне было бы создать толковый словарь по распознаванию действительного их смысла (хотя бы для молодых людей). Попробуем показать фрагмент такого словаря.

- Да — смысл: может быть, действительно — да.
- Да — смысл: может быть противоположным — нет.
- Да — смысл: может быть ни “нет”, ни “да”.
- Да — смысл: да отстань, наконец.
- Да — смысл: пропади оно пропадом, согласен.
- Да — смысл: да, но не забудь, чем ты обязан.
- И так далее...
- Нет — смысл: может означать, действительно — нет.
- Нет — смысл: может означать обратное — да.
- Нет — смысл: может быть ни “нет”, ни “да”.
- Нет — смысл: ну ещё раз попроси и тогда, может, я соглашусь.
- Нет — смысл: никогда.
- Нет — смысл: не могу иначе.
- Нет — смысл: фактически, да.
- Нет — смысл: подумай, как и чем можно меня уговорить.
- И так далее...
- Ага — логический смысл в очень широком диапазоне от “да” до “нет”.
- Ага — благодаря ироническому, шутивому и другим эмоциональным оттенкам может нести очень широкий спектр содержания, например: “держи карман пошире”, “как бы не так”, “уж, конечно”, “да что ты говоришь” и так далее.
- Я, конечно, не специалист... Я, конечно, не знаток литературы (или чего-то ещё)... я, конечно, не так образован — смысл: но я тоже не лыком шит, но я тоже не хуже вас понимаю.
- Вы, конечно, умный человек (вариации: вы, конечно, образованный человек) — смысл: вы просто создали миф о том, что вы умный человек, а оказались далеко не таким.
- Обидные слова, произносимые родителями своим детям, имеют прежде всего смысл: болтаю, болтаю, фактически для своего удовольствия, а так, никакого прока.
- Обидные слова детей в отношении родителей имеют прежде всего мотив: ну кому я ещё могу так наговорить без надежды на прощение.
- Начальник хвалит подчинённого — смысл: ты хороший специалист, но, разумеется, не лучше меня.
- Речи, произносимые на юбилеях, почти всегда передают желаемое за действительное.
- Обвинения, произносимые во время ссор, являются одним из редких моментов истины.
- Слова, произносимые влюблёнными, не поддаются никакому логическому анализу.
- Утверждения, произнесённые в спешке, недостаточно продуманно, часто бывают близки к истине.
- Дипломаты говорят много лишних слов, которые предназначены для того, чтобы достигнуть согласия сторон.

И так далее...

Возникает закономерный вопрос: “Зачем же нужны такие слова?”.

А ответ простой: мир истины и лжи своей чёрно-белой окраской был бы самым убогим и примитивным созданием разума человека; благодаря Слову наша жизнь играет яркими невообразимыми красками, усиливающими её загадочность и красоту.

Прогноз

Какие только мысли не приходят в голову, когда лежишь вечером на диване в праздном настроении. Дремал и думал, ни много ни мало, о будущем: вспоминал наш быт тридцатилетней давности, сравнивал его с нынешним укладом жизни и пробовал продолжить этот вектор развития на будущее.

В 80-х годах мы все работали как минимум 36 часов в неделю, ходили в гости в среднем в две недели раз, имели возможность поговорить в течение четырёх-пяти часов, около шести часов уходило на партийные и общественные дела. Сейчас многие не работают или имеют своё дело, которым занимаются в удобное для себя время. Но зато резко возросло времяпрепровождение за праздничным столом: уже давно заняты в ресторанах воскресенье, суббота и пятница, люди покушаются на другие рабочие дни, причём приходится отсиживать на этих мероприятиях по 9-10 часов под грохот музыки, голос тамады и бесконечных тостов. Придя домой, ещё долго слышишь: “безоблачного неба”, “мира над головой”, “кавказского долголетия”, “... главное — здоровья”, “уважайте друг друга, да ещё и всю родню”. И всё это уже сейчас в течение 30 (!) часов в неделю, сколько здоровья поистине надо нажелать, чтобы такое выдержать.

А что будет через тридцать лет, если эти тенденции сохранятся? А они, по всей вероятности, сохранятся, потому что экономическая основа, похоже, не изменится. Мы, хотим или не хотим, будем богатеть как сырьевая база для мировых центров цивилизации, пусть даже энергетика от нефти перейдёт к урану, потому что по его запасам мы опять-таки занимаем одно из первых мест в мире. Так что на проклятые ресурсы мы обречены на долгие годы. Действительно, зачем нам работать головой и соответственно уметь, когда можно спокойно и припеваючи жить, продавая то, что лежит под ногами.

Доходы работников увеличатся во много раз, но казахи богаче жить от этого не будут, потому что любое добавление к бюджету семьи будет сопровождаться соответственным увеличением расходов на ресторанные мероприятия, а поводов для этого у нас предостаточно.

Соответственно количество ресторанов будет увеличиваться и увеличиваться, они станут настоящими локомотивами нашего общественного развития. Микрорайоны начнут обустраиваться вокруг ресторанов, в перспективе и гостиницы возникнут при них, потому что не будет надобности далеко отлучаться от них. Время станет проходить в основном в застольях, а на работу люди будут ходить во время перерывов между ними.

Бурное развитие получат гастрономические интересы нашего народа. Изысканные и эстетически оформленные блюда станут способствовать резкому увеличению числа людей с явно лишним весом.

Искусство и литература подчинятся одной цели: обучению мастерству произведения тостов. Тост из средства простого пожелания превратится в самостоятельный жанр литературы и ораторского искусства. Мастерство в его исполнении будет одним из главных критериев, по которому станет определяться имидж людей. Будут нормально восприниматься такие оценки: “Его нельзя назначать на эту должность, он не умеет произносить тосты”.

Школа, являясь одним из самых мощных средств социализации, будет, безусловно, зависима от вновь обозначенных ценностей. Изучению математики, физики и других естественных дисциплин станет уделяться гораздо меньше внимания, больше будут занимать литература, вокалом, музицированием и поэзией, но опять-таки ограничиваясь тем уровнем, который достаточен для запросов застолья.

Уже сейчас мы наблюдаем, как артисты уходят из театров в рестораны, вынуждены реализовывать своё искусство в рамках творчества тамады. Но через тридцать лет театры прекратят вообще своё существование в традиционном виде, они будут существовать при ресторанах.

Произойдут изменения во всех сферах жизни...

В этот момент я проснулся и долго не мог успокоиться. Меня мучила мысль: а что, если мой сон окажется вещим?

Падение

Солнечные лучи, дожди, ветры и лютые морозы оказываются иногда прекрасными художниками, они создают в горах причудливой формы глыбы, которые охотно поддерживаются фантазией, и можно увидеть то слона, то ежа, то девушку, то бабу-ягу. А на этой горе, на самой вершине отчётливо проглядывалась скульптура Давида, похожая как две капли воды на великое произведение Микеланджело. Такая же мощь, внутренняя сила и мужская красота, но ещё больше впечатляющая громадным постаментом.

Все обитатели горы были горды такой достопримечательностью. С большим уважением относились к нему и другие валуны, расположившиеся рядом, без ума были молоденькие берёзки и ёлочки, которые находились ниже. Вековые сосны при всей солидности тоже не уставали высказывать своё восхищение.

Но в один прекрасный день при очередном порыве ветра Давид зашатался и полетел вниз. Он скатывался всё быстрее и быстрее, сметая всё на своём пути: разбил и понёс за собой красивой формы глыбу; срезал старую сосну и молодую берёзку; у самого подножия горы, ударившись об острые углы огромного камня, разбился вдребезги и ушёл на дно зловонного болота, которое давно образовалось в низине.

... Восстановились прежняя тишина и покой.

И вот разом загалдели обитатели горы, пошли судачить о злостном поступке Давида. Верхние валуны величаво констатировали:

— Да он с ума сошёл! Как он мог променять наше высокое положение и величие нашего бытия. Мы вознесли его, дали ему место на самой вершине, а он не оценил наше доверие!

Корявые сосны меж собой ворчали:

— Не посмотрел на наши морщины. Не жалеет он стариков.

— Да как же он посмел? — щебетали берёзки, — какое надо иметь сердце, чтобы поднять руки на нашу красавицу — белоснежную берёзку. Он, злодей, с корнем вырвал её и понёс в это вонючее болото. А казался таким галантным.

— За всю свою жизнь я не видел подобных нарушителей порядка, какое бы высокое положение он ни занимал, — горланил огромный камень, который был поставлен внизу над дорогой для того, чтобы камнепад не создавал опасность движению транспорта.

— Вот вам и Давид, оказался только на вид, — злорадствовали завистники.

Так обсуждали обитатели горы поступок своего недавнего любимца.

Но никто, как ни странно, не догадался обвинить основу, окружавшую и подпиравшую Давида, которая превратилась в труху, чем и вызвала его падение.

А труха эта продолжала лежать на самой вершине, обмываемая чистой дождевой водой, обдуваемая свежими ветрами и ласкаемая солнечными лучами.

г. Кокшетау.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 11.06.2009 г.

Подписано к печати 10.07.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3339.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.